

Семенов Ю.И.

Введение в науку философии

Книга 5
Проблема истины

Мышление, воля и мозг

Семенов Юрий Иванович

Введение в науку философии. Книга 5.

Проблема истины. Мышление, воля и мозг.

Пятая книга цикла «Введение в науку философии» состоит из двух частей. В первой части дается обзор всех существовавших и существующих концепций истины, рассматриваются проблемы объективности истины, соотношения истины, истинного и истинности, критерия истины, относительной и абсолютной истинности, конкретности и граничности истины, истинного и ложного, объективности и субъективизма, объективности и партийности, житейских и идеологических иллюзий, науки и идеологии. Во второй части предпринимается попытка решения проблемы отношения мыслительных, духовных и материальных физиологических мозговых процессов и выявления нервно-физиологических механизмов мышления и воли.

Содержание

Часть I. Проблема истины 7

Глава 1. Объективность истины 9

1. Вводное замечание 10
2. Истинное, истинность, истина. «Корреспондентская» теория истины 10
3. Проблема критерия истинности истиннонесущих мыслетворений 19
4. Понятия и истина 20

Глава 2. Основные субъективистские концепции истины 23

1. Вводное замечание 24
2. Концепция очевидности 24
3. Авторитарная концепция истины 25
4. Концепция общезначимости 26
5. Конвенционализм 28
6. Концепции простоты и «экономии мышления» 29
7. «Концепция» красоты 31
8. Концепция когерентности (согласованности, непротиворечивости) 32
9. Прагматическая концепция истины (концепция полезности) 33
10. Заключение: несколько слов о нонверитизме, или контрверитизме 38

Глава 3. Диалектика истины 41

1. Проблема суверенности человеческого познания 42
2. Абсолютная и относительная истина 45
3. Конкретность истины 55
4. Граничность (ограниченность), или предельность, истины 59
5. Истинное и ложное 61
6. Истинное и ложное в развитии мировой философской мысли. Ложноистинные концепции 67

Глава 4. Мыслительные иллюзии. Наука и идеология 71

1. Иллюзии как вид заблуждения 72
2. Религиозные иллюзии как порождение зависимой практической деятельности 72
3. Социальное сознание как порождение и отражение объективного социального бытия 78
4. Идеология и ее компоненты: социальная программа и социальная мифология 81
5. Объективное в идеологических иллюзиях 83
6. Философия как наука и философия как идеология 86

Глава 5. Объективность, субъективизм, партийность и объективизм 89

1. Объективность и субъективизм 90
2. Объективность и партийность 93
3. Агитация, пропаганда, «пиар», средства массовой информации 97
4. Партийность в общественных науках 101
5. Объективность и объективизм 112

Часть II. Проблема материального нервно-физиологического механизма мышления и воли (поиски и гипотезы) 117

Глава 1. Проблема отношения мышления и мозговых материальных процессов 119

1. Проблема отношения между мыслительными и мозговыми нервно-физиологическими процессами 120
2. Первое предлагаемое решение названной выше проблемы: мыслительные и мозговые нервно-физиологические процессы суть одно и то же 121
3. Второе предлагаемое решение рассматриваемой проблемы: мыслительные и нервно-мозговые процессы — не одно и то же 127
4. Ильенков versus Дубровский 127
5. Еще одна из попыток найти выход из положения ... 129

Глава 2. Мышление как единство объектного (дублидеального) процесса и субъективной человеческой деятельности и тем самым как идеальный (иконидеальный) процесс 133

Глава 3. Проблема нервно-физиологического механизма воли 143

1. Постановка проблемы нервно-физиологического механизма свободы воли в современной науке 144
2. Обобщение и абстрагирование у животных. Поведение человекообразных обезьян и условные рефлексы 156
3. Р. Пенроуз о воздействии сознания на материальные процессы 158

Глава 4. Эволюция нервной системы и высшей нервной деятельности (поведения) животных 161

1. Эволюция нервной системы животных 162
2. Полукорковые и цельнокорковые условные рефлексы 165
3. Эволюция высшей нервной деятельности животных . . 177
4. Высшая нервная деятельность человекообразных обезьян — последний, заключительный этап эволюции высшей нервной деятельности животных . . 194

Глава 5. Возникновение языка, мышления, воли и их нервно-физиологических механизмов 199

1. От антропоидов к хабилисам 200
2. Звуковая сигнализация у обезьян: шимпанзе и верветки 209
3. Объединения у шимпанзе и предлюдей 212
4. Становление речи у детей 213
5. Эксперименты с обучением человекообразных обезьян языкам-посредникам 216
6. Становление нервно-физиологических механизмов мышления, воли и языка 218

Именной указатель 227

Часть 1. Проблема истины

Глава 1. Объективность истины

1. Вводное замечание

Как уже неоднократно указывалось во всех предшествующих книгах цикла, философия есть наука об истине. Истина есть ее центральное понятие. Поэтому уже в первой книге было приведено то определение истины, которое давно уже принято называть классическим: истина есть соответствие между человеческим познанием и миром.

Было бы, конечно, крайне желательно рассмотреть всю историю проблемы истины. Но это сделать, к сожалению, невозможно, ибо это привело бы к безмерному увеличению объема настоящей работы. Поэтому ограничусь отсылкой к труду доктора философских наук Юрия Алексеевича Муравьева (1938-2010) «Истина: история, теория, методология» (М., 1994), в котором эта проблема рассмотрена с позиции диалектического материализма.

2. Истинное, истинность, истина. «Корреспондентская» теория истины

Когда обращаются к названной проблеме, то обычно употребляют три термина: *«истина»*, *«истинность»* и *«истинное»*. Как правило, их используют как синонимы, не проводя различия. А между тем, на мой взгляд, это неверно, по крайней мере тогда, когда имеется в виду классическое определение и тем самым классическая теория истины. В последнем случае все эти три словопонятия имеют хотя и близкие, но тем не менее различные смыслы.

Исходным является понятие истинного. Как истинные или как ложные характеризуются те или иные мыслетворения, в принципе способные нести истину, быть носителями истины. Практически всеми философами и учеными способность нести истину признается за такой формой мыслетворения, какой является суждение. Более того, многие философы считали и даже сейчас считают суждение единственной формой мышления, способной нести истину. Думаю, что такая точка зрения ошибочна. Истинными или ложными, кроме суждений, могут быть также идеи, предхолии (версии), холии, предтеории (гипотезы) и теории.

Слово «истинное» используется в качестве прилагательного для характеристики того или иного конкретного истиннонесущего мыслетворения. Основание для такой характеристики дает наличие у этого мыслетворения особого признака, для обозначения которого и применяется слово «истинность». Истинность есть такой признак мыслетворения, наличие которого дает основание называть его истинным. Слова «заблуждение» и «ложность» не имеют самостоятельного смысла. Ложность — отсутствие у мыслетворения, в принципе способного быть носителем истины, признака, который именуется истинностью. Как ложное характеризуется в принципе мыслетворение, способное нести истину, но не обладающее признаком, который именуется истинностью. Определение понятия истинности зависит от того, что понимается под истиной. Понятие истины здесь ключевое. От того, что понимается под истиной, зависит понимание и истинности, и истинного.

Единого понимания этого нет и быть не может, ибо существует не одна, а множество концепций истины. С одной из них мы уже хорошо знакомы. Она состоит в том, что истина есть соответствие между сознанием и миром. Ее нередко называют корреспондентской (от англ. *correspondence*, лат. *correspondere* — соответствие, соотношение) концепцией истины. Эта концепция существует в разных вариантах. Материалистический ее вариант заключается в том, что истина есть соответствие между сознанием, мышлением и объективным материальным миром.

Как указывалось во второй книге цикла (II.3.3) ¹, слово «соответствие» имеет не один, а несколько смыслов. Одно дело — соответствие между знаком-символом и обозначаемым им предметом, другое — между вещью и ее образом. В данном контексте речь идет о соответствии в последнем смысле этого слова. Чтобы раскрыть именно этот смысл слова «соответствие», необходимо обратиться к слову «совпадение».

Последнее тоже далеко не однозначно. Одно из его значений — быть тем же самым. Двусмысленность этого слова попытался использовать выдававший себя за марксиста русский махист Владимир Александрович Базаров (наст. фам. — Руднев) (1874-1939). Один из основоположников марксизма Фридрих Энгельс (1820-1805), критикуя агностиков, писал: «Если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, который мы ожидали от ее употребления, — тогда мы имеем положительное доказательство, *что в этих границах* наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью» ².

В. А. Базаров вначале процитировал данное высказывание Ф. Энгельса, потом пересказал его конец в такой форме: «В тех границах, в каких мы на практике имеем дело с вещами, *представление о вещи и о ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью*» ³. А затем последовало следующее истолкование взглядов Ф. Энгельса: «Совпадает — это значит: в данных границах чувственное представление и есть вне нас существующая *действительность*» ⁴. Материалист Энгельс был, таким образом, превращен в субъективного идеалиста. Владимир Ильич Ленин (1870-1924) тут же схватил В. А. Базарова за руку, показав, что Ф. Энгельс имел в виду вовсе не тождество мира ощущений и объективного мира, а соответствие, согласие между ними ⁵.

¹ При ссылке на иные разделы данной книги вначале указывается номер главы, а затем раздела. При ссылке на другие книги цикла указаны римскими цифрами номер книги и арабскими — номер главы и раздела.

² Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 303-394.

³ Базаров В. Мистицизм и реализм нашего времени // Философский сборник. Очерки по философии марксизма. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либрокомл/идвЗ, 2011. С. 65.

⁴ Там же.

⁵ См.: Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 114-115.

Только понятия соответствия и совпадения, вместе взятые, позволяют раскрыть сущность материалистического понимания истины. Истина есть такое соответствие между миром и истиннонесущим мыслетворением, которое имеет своей основой совпадение содержания этого мыслетворения с объективным миром, т. е. наличие в этом мыслетворении содержания, взятого из объективного мира и в этом смысле объективного. Как указывал В. И. Ленин, вопрос о том, существует ли объективная истина, есть вопрос о том, «может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества?»⁶. Нетрудно понять, что совпадение, которое обеспечивает соответствие между миром и истиннонесущим мыслетворением, ни в коем случае не является абсолютным, полным, т. е. тождеством. Объективный мир и содержание истиннонесущего мыслетворения, находящегося в соответствии с этим миром, всегда одновременно и совпадают, и не совпадают. Совпадают, ибо содержанием истиннонесущего мыслетворения является объективный мир, не совпадают, ибо, во-первых, содержанием истиннонесущего мыслетворения всегда является не весь объективный мир, а только известная часть его, во-вторых, эта, вошедшая в мышление часть мира существует в нем в субъективной форме.

С чисто формальной точки зрения к достижению соответствия между объективным миром и мышлением ведут два пути: один — подгонка объективного мира под мышление, второй — подгонка мышления под объективный мир. В чисто гносеологическом плане единственным реальным вариантом является второй. Добиться соответствия между объективным миром и мышлением можно только одним-единственным способом: объективный мир должен стать содержанием мышления, в мышление должно войти объективное содержание. Истина есть отношение между объективным миром и мышлением, имеющим своим содержанием этот объективный мир.

⁶ См.: Там же. С. 123.

Истины, само собой разумеется, нет и не может быть без человека, без человеческого сознания, без человеческого мышления. Она ведь всегда есть отношение между миром и мышлением. Если нет мышления, нет и не может быть никакого отношения между миром и мышлением. Но это такое отношение между миром и мышлением, которое от мышления не зависит. Истина не зависит от человека и человечества. В этом смысле истина всегда объективна и другой быть не может. Может существовать — и существует — только объективная истина. Истины субъективной, зависящей от субъекта, нет и быть не может. В истине нет и не может быть ничего субъективного.

В этом отношении не имеет никакого значения, как сами люди оценивают свои собственные истинонесущие мыслетворения. Они могут, причем совершенно искренне, принимать те или иные истинные мысли за ложные или, наоборот, те или иные ложные мысли за истинные. От этого реальное качество их мыслей ни в коей мере не может измениться, истинные мысли как были, так и останутся истинными, а ложные — ложными.

Пониманию тезиса о том, что истина может быть только объективной, в определенной степени препятствует отождествление словопонятий «истина» и «истинное». Так делал, например, известный болгарский философ-марксист Тодор Павлов (1890-1977). Это связано с его пониманием истины не как отношения между миром и сознанием, а как высшей формы сознания. Но сознание всегда не только объективно, но обязательно и субъективно. Отсюда с неизбежностью следует вывод, что истина всегда не только объективна, но и субъективна. Как пишет он, в определении истины непременно должна присутствовать в качестве момента ссылка на «характер всякой истины (или — что то же самое — всякого верного или истинного мышления) как особой формы, именно как человечески сознательной субъективной формы отражения вообще...»⁷ В его книге «Теория отражения. Основные вопросы теории познания диалектического материализма» (М., 1949; «Избранные философские произведения». Т. 3. М., 1962) имеется целый раздел под названием «Объективность и субъективность истины»⁸.

⁷ Павлов Т. Теория отражения. Основные вопросы теории познания диалектического материализма. М., 1949. С. 345.

⁸ Там же. С. 407 сл.

Такие откровения встречаются в марксистской литературе редко. Но довольно часто в ней суждения характеризуются не как истинные, а как истины. Это можно видеть, например, в монографии польского философа Адама Шаффа (1913-2006) «Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории истины» (М., 1953)⁹.

Но любое суждение, любое истинонесущее мыслетворение создается людьми. И если считать его не истинным, как это обстоит на самом деле, а самой истиной, то получается, что люди способны создавать и создают истину.

Люди способны создавать и создают любые мыслетворения, включая и истинные. Но они не могут создавать истинность этих мыслетворений. Обладает ли или не обладает то или иное мыслетворение признаком, который обозначается как истинность, зависит не от человека, создавшего мыслетворение, а от отношения, существующего между этим мыслетворением и объективным миром. Если между ними существует соответствие, то тогда мыслетворение находится в соответствии с миром, обладает признаком, именуемым истинностью, и, соответственно, является истинным. Если соответствия нет, то у него отсутствует признак, называемый истинностью, и оно, соответственно, является ложным.

Таким образом, с позиции материалистической концепции *истина* есть определенное отношение между тем или иным мыслетворением и объективным миром, а именно отношение соответствия между ними, предполагающее совпадение содержания мыслетворения с объективным миром. *Истинность* есть признак мыслетворения, состоящий в его соответствии объективному миру, *истинное* — характеристика этого мыслетворения, обусловленная наличием у мыслетворения такого признака.

⁹ Шафф А. Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории истины. М., 1953. С. 9-10 сл.

А. Шафф был не одинок. Не менее его путались в вопросе о природе истины многие советские философы, считавшие себя диалектическими материалистами. Примеров множество. Ограничусь лишь одним — определением истины, данным в самом авторитетном издании того времени — пятитомной «Философской энциклопедии». «ИСТИНА, — писали известные советские философы Игорь Сергеевич Нарский (1920-1993) и Теодор Ильич Ойзерман, — адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом, воспроизводящее познаваемый предмет так, как он существует вне и независимо от сознания; объективное содержание человеческих ощущений, представлений, понятий, суждений, умозаключений, теорий, проверенных общественной практикой»¹⁰. Практически такое же, почти слово в слово, определение истины давалось членом-корреспондентом АН СССР Александром Георгиевичем Спиркиным (1919-2004) в последнем советском «Философском энциклопедическом словаре» (М., 1989)¹¹.

Как видно из приведенного выше, авторы не пользовались понятием соответствия и не проводили различия между истиной, истинностью и истинным. Результат плачевный. Истина не есть отражение объективного мира, он отражается не в истине, а в ощущениях, восприятиях, представлениях и мыслетворениях, причем не ко всем из них применимо понятие истинности: как истинные или ложные не могут быть охарактеризованы ни чувственные образы мира, ни понятия. Истина не есть и объективное содержание образов мира, это объективное содержание есть не что иное, как вещи для нас.

¹⁰ Нарский И., Ойзерман Т. Истина // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 345.

¹¹ Спиркин А. Г. Истина // Философский энциклопедический словарь. М., С. 230.

Образом, отражением объективного мира является не истина, а истинонесущее мыслетворение, находящееся в соответствии с действительностью. Это мыслетворение всегда не только объективно, но и субъективно, причем необязательно только по форме. Субъективные моменты могут присутствовать и в его содержании. Именно с этим связано утверждение некоторых философов, считающих себя материалистами, что в истине есть «субъективное начало»¹². В действительности субъективное может быть только в истинном мыслетворении, но не в истине самой по себе.

На основании определений истины, подобных тем, что были даны И. С. Нарским, Т. И. Ойзерманом и А. Г. Спиркиным, известным специалистом по «философии науки» Еленой Аркадьевной Мамчур были сделаны выводы о том, что существовала особая концепция истины, называемая корреспондентской, в которой истина трактовалась как отражение реальности, что эта концепция с неизбежностью вытекала из теории отражения и что она-то и господствовала в советской философской науке¹³. А далее она обрушивается с критикой на эту концепцию, объявляя ее несостоятельной.

Начну с того, что такой концепции, скорее всего, вообще никогда не существовало. И во всяком случае она не господствовала ни в советской философии, ни в марксистской философии вообще. Марксисты в подавляющем большинстве своем всегда придерживались понимания истины как соответствия между сознанием и миром. Такое воззрение полностью согласовывалось с теорией отражения. Именно такая концепция и никакая другая отстаивалась в трудах основоположников марксизма и в работах В. И. Ленина. Если кто-то из людей, считавших себя марксистами, и понимал истину как отражение, то сторонники теории отражения ответственности за это не несут. Поэтому вся критика Е. А. Мамчур бьет мимо цели.

Ее работа свидетельствует о том, что автор не обладает должным объемом знаний в той области, о которой он взялся судить, что вылилось в непонимание рассматриваемых проблем. Но, что еще хуже, Е. А. Мамчур приписывает критикуемому ею лицам взгляды, которых они никогда не придерживались.

¹² См.: *Калантар А. Р.* Красота истины. Ереван, 1980. С. 62-106.

¹³ *Мамчур Е. А.* Современные представления о понятии истины // Истина в науках и философии. М., 2010. С. 43 сл.

Она, например, уверяет, что В. И. Ленин определял знание как нечто, совсем независимое от человека и человечества. При этом ссылки она не дает, и понятно почему: подобного вздора у В. И. Ленина нет. Великий мыслитель писал о независимости от человека и человечества не знаний, а истины, которую отнюдь не отождествлял со знаниями. И совсем смешно, когда Е. М. Мамчур, отвергая концепцию истины, которую она именуется корреспондентской, противопоставляет ей понимание истины как соответствия между сознанием и миром, видимо, даже и не подозревая, что именно оно-то и именуется во всей философской литературе корреспондентской теорией истины. Но если некоторые философы, считавшие себя марксистами, может быть, и действительно приходили к пониманию истины как особого рода отражения объективного мира, т. е. как особого рода состояния человеческого сознания, то другие, исходя из тезиса об объективности истины, склонялись к ее трактовке как самого объективного мира. Такое если и не понимание, то определение истины встречается в работах крупного философа-марксиста Иосифа Дицгена (1828-1888). «Вселенная, — писал он в „Эксперименте специалиста в область теории познания“, — тождественна природе, мировому целому и абсолютной истине... Есть лишь неделимая, универсальная и всеобщая природа — мир, или истина... То, что мы познаем, суть истины, относительные истины, или явления природы»¹⁴. Ко взгляду на истину как на объективный мир склонялся довольно известный в свое время советский философ Зиновий Яковлевич Белецкий (1901-1969)¹⁵. В действительности же истина не есть ни сознание, ни объективный мир, а определенное отношение между ними, а именно такое их соответствие, которое есть совпадение, или, что то же самое, такое их совпадение, которое есть соответствие.

¹⁴ Дицген И. Эксперимент специалиста в область теории познания // Избранные философские сочинения. М., 1940. С. 100-101.

¹⁵ См.: Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело профессора З. Я. Белецкого // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1920-1950-е годы М., 1999; Косичев А. Д. Философия. Время. Люди... М., 2007. С. 234.

При рассмотрении вопроса об истине всегда следует отличать заблуждение от лжи. Заблуждение есть мыслетворение, не соответствующее действительности. Ложь же есть намеренное введение в заблуждение, т. е. обман. В первом случае мы имеем дело с ложными мыслетворениями, во втором — с лживыми. Понятие ложности находится в рамках гносеологии, понятие лживости — далеко выходит за эти пределы. Лживость, в отличие от ложности, — характеристика не мыслетворений, а людей, их создающих и распространяющих, — оценка с позиций не гносеологии, а морали. Если в гносеологии обычно используется словопонятие «истина», то за ее пределами чаще всего звучит словопонятие «правда». И это не случайно. Понятие правды, в главном совпадая с понятием истины, в то же время несет в себе моральный момент. Под поиском истины обычно понимают просто процесс познания. Когда же речь идет о поиске правды, то при этом обычно подразумевается, что этот поиск встречает сопротивление со стороны каких-то внешних по отношению к познанию сил. Это имеет место тогда, когда существуют достаточно могущественные люди, которые по тем или иным причинам боятся истины, считают ее опасной для себя и поэтому стремятся помешать ее открытию, а если ее все же находят — то ее распространению. С этой целью они прибегают к любым средствам, включая физическое уничтожение правдолюбцев. Если истину просто ищут, то за правду — борются. И для этой борьбы нужен не только талант исследователя, но и большое гражданское мужество. Подобно слову «лжец», слово «правдоискатель» включает моральную оценку, но только не отрицательную, а глубоко положительную.

3. Проблема критерия истинности истиннонесущих мыслетворений

Теория, в которой истина выступает как соответствие между мыслетворением и объективным миром, не может ограничиться сказанным выше. Нужно решить еще важный вопрос: каким образом можно установить, существует ли соответствие между данным мыслетворением и объективным миром, или, иными словами, выяснить, обладает ли данное мыслетворение признаком истинности и тем самым является ли оно истинным.

Средство, при помощи которого можно установить, обладает или не обладает данное мыслетворение истинностью, является ли оно истинным или ложным, в материалистической литературе обычно именуется *критерием истины*. Этим термином я и буду пользоваться. Истина есть определенное познавательное отношение между мышлением и объективным миром. Но кроме познавательного отношения между мышлением и миром существует и иное отношение между ними — практическое. Отношение между познавательным и практическим отношениями мышления и объективного мира было достаточно подробно рассмотрено в предшествующих книгах цикла (III.3-7; IV.13.2). Не повторяя всего сказанного там, ограничусь тезисом: главным (но не единственным) критерием истины является практика, материальная деятельность людей по преобразованию объективного мира. Свобода человека, успех его практической деятельности по использованию объектов внешнего мира для достижения его целей являются доказательством истинности его мыслетворений.

4. Понятия и истина

Образами внешнего мира являются не только суждения, идеи, холии, теории, но и понятия. Поэтому и можно, и должно говорить о существовании соответствия или несоответствия между понятиями и объективным миром. Исходя из этого, некоторые философы сочли возможным поставить вопрос об истинности и ложности понятий, т. е. об отнесении их к числу истиннонесущих мыслетворений. Так, например, советский философ и логик, доктор философских наук Петр Васильевич Таванец (1911-1994) категорически утверждал: «Понятие, так же как и другой важнейший вид мысли — суждение, может быть либо истинным, либо ложным. Это положение вытекает из марксистско-ленинской теории отражения»¹⁶. «Традиционное мнение, укоренившееся в логике, что предикат „истинный“ или „ложный“ не применим к понятиям, — писал другой видный советский философ Павел Васильевич Копнин (1922-1971), — несостоятельно и по существу ведет к выхолащиванию объективного содержания, объективной значимости понятий»¹⁷.

¹⁶ Таванец П. В. Об истинности понятий // Вопросы философии (далее — ВФ). 1959. №12. С. 119.

¹⁷ Копнин П. В. Диалектика как логика. Киев, 1961. С. 274.

Однако эта точка зрения не нашла поддержки даже среди советских философов. Подавляющее большинство философов и логиков всегда исходили из того, что постановка вопроса об истинности и ложности понятий в принципе невозможна. И они в главном и основном были правы.

Проблема соответствия между сознанием и внешним миром не совпадает полностью с проблемой истины. Всякая истина есть соответствие между миром и сознанием, но не всякое соответствие между миром и сознанием есть истина. Понятие истины неприменимо к чувственному познанию, хотя оно, несомненно, суть отражение внешнего мира. Неприменимо понятие истины в полном объеме и к понятиям. Все дело в том, что не существует способов проверки соответствия между понятиями, взятыми по отдельности, и внешним миром. Поэтому понятия не являются истинонесущими мыслетворениями. Но если об истинности понятий, взятых в отдельности, говорить нельзя, то о ложности некоторых из них речь вести вполне можно. Ложными являются, например, понятия о богах, ангелах, демонах и других подобного рода фантастических существах.

Глава 2. Основные субъективистские концепции истины

1. Вводное замечание

Кроме различных вариантов корреспондентской теории истины существует целая группа качественно иных концепций истины. Объединяет их отрицание — правда, не всегда прямое и откровенное — объективности истины. В применении к этим концепциям нет нужды различать понятия «истинное», «истинность» и «истина». Можно говорить лишь об истинности как признаке, отличающем истинное суждение от ложного, при этом понятие истинности в этих концепциях полностью совпадает с понятием критерия истины. Ответ на вопрос о том, что такое истина (= истинность, истинное), является одновременно и ответом на вопрос о критерии истины.

2. Концепция очевидности

В данной концепции истины в качестве ее признака принимается очевидная истинность тех или иных положений. Истина то, что совершенно очевидно истинно. В свое время эту теорию отстаивал выдающийся французский мыслитель Рене Декарт (1596-1650). *«Первое, — писал он, излагая основные правила своего метода мышления, — никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, иначе говоря, тщательно избегать опрометчивости и предвзятости и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать их сомнению»*¹. Как уже отмечалось (IV.9.3), философы, допускавшие интуитивное познание, считали важнейшей особенностью знания, полученного путем интуиции, его очевидную истинность. Эту точку зрения отстаивали приверженцы иррационализма и интуитивизма.

¹ Декарт Р. Рассуждение о методе // Избранные произведения. М., 1950. С. 272.

Субъективистский характер такого понимания истины лежит на поверхности. То, что очевидно для одного индивида, может быть совершенно неочевидным для другого. На очевидность как признак истинности иногда ссылаются в обыденной жизни, говоря о том, что то или иное положение настолько ясно, что не нуждается ни в каких дополнительных аргументах. Но очевидность — не доказательство ни в прямом, ни в переносном смысле слова. Что может быть более очевидным, чем движение солнца по небосводу? «Однако ж, — справедливо писал Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837), — прав упрямый Галилей»².

3. Авторитарная концепция истины

Суть этой концепции заключается в том, что истиной, причем чаще всего в последней инстанции, объявляется все то, что было провозглашено каким-либо авторитетом. Она имеет хождение и в современной житейской практике и выражается в известных сентенциях: «Начальство никогда не ошибается»; «Тот прав, у кого больше прав». В философии такая точка зрения впервые отчетливо проявилась в пифагорейской школе, где в спорах побеждал тот их участник, который мог сослаться на авторитет самого Пифагора: «Учитель так сказал!» Такая практика была широко распространена в средневековой схоластической философии Западной Европы, где высшими авторитетами были Библия, писания отцов церкви и Аристотель (384-322 до н. э.). Формулой ссылки на авторитет Аристотеля было словосочетание: «Magister dixit!» («Учитель сказал!»)

² Пушкин А. С. Движение // Полн. собр. соч. Т. 2. Л., 1977. С. 249.

О критике этой концепции в Средние века, в эпоху Возрождения и в Новое время речь уже шла (II. 1.1). Повторять сказанное нет необходимости. Вряд ли могут быть сомнения, что некритическое принятие мнений авторитетов всегда являлось одним из важнейших препятствий для постижения истины³.

Марксизм всегда отрицал авторитарную концепцию истины, но в 30-50-х гг. (да в значительной степени и в последующие десятилетия), когда от реального марксизма оставались лишь рожки да ножки, она широко практиковалась. Ссылки на работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина (а в 30-50-е гг. — на труды И. В. Сталина) рассматривались как самый сильный и неопровержимый аргумент.

4. Концепция общезначимости

Суть этой концепции заключается в том, что истинными признаются положения, которых придерживаются все или по крайней мере большинство людей. Она тоже имеет широкое хождение в массах и выражается в формулах: «Все так думают»; «Все так говорят»; «Народ так говорит». Эта концепция вошла как составная часть в созданную Александром Александровичем Богдановым (наст. фам. — Малиновский) (1873-1928) философию эмпириомонизма. «Критерия „объективной истины“, — писал он, — в бельтовском смысле слова не существует, истина есть идеологическая форма — организующая форма человеческого опыта...»⁴ Объективность истины, как она понималась В. Бельтовым (псевдоним Г. В. Плеханова) и другими материалистами, он заменяет своей ее трактовкой. «Основа „объективности“, — читаем мы у него, — должна лежать в сфере *коллективного опыта*. Объективными мы называем те данные опыта, которые имеют одинаковое жизненное значение для нас и для других людей...»⁵

³ Бэкон Р. Большое сочинение // Избранное. М., 2005. С. 43-47, 65-73 и др.

⁴ Богданов А. Эмпириомонизм: Статьи по философии. Кн. III. СПб., 1906. С. IX.

⁵ Богданов А. Эмпириомонизм: Статьи по философии. Кн. I. 3-е изд. М., 1908. С. 22.

По существу, вариантом концепции общезначимости является взгляд, который известный американский философ Ричард Рорти (1931-2007) именует эпистемологическим бихевиоризмом. «Объяснение рациональности и эпистемического авторитета ссылкой на то, что говорит общество, а не наоборот, — пишет он в книге „Философия и зеркало природы“ (1979), — является сущностью того, что я называю „эпистемологическим бихевиоризмом“, позиции, свойственной Дьюи и Витгенштейну»⁶. К сторонникам этой концепции кроме указанных лиц Р. Рорти причисляет себя, а также Уилфрида Селларса (1912-1995) и Уилларда ван Ормана Куайна (1908-2000).

Тяготел к концепции общезначимости и Мартин Хайдеггер (1889-1976). С его точки зрения, истинно все то, что в ту или иную эпоху считается истиной. «...Вообще, — писал он, — не имеет смысла говорить, что современная наука точнее античной. Также нельзя сказать, что галилеевское учение о свободном падении тел истинно, а учение Аристотеля о стремлении легких тел вверх ложно; ибо греческое восприятие сущности тела, места и соотношения обоих покоится на другом истолковании истины сущего и обуславливает другой способ видения и изучения природных процессов. Никому не придет в голову утверждать, что шекспировская поэзия пошла дачьше эсхилоской. Но еще невысказаннее говорить, что будто новоевропейское восприятие сущего вернее греческого»⁷.

В концепции истинности как общезначимости есть крупица истины. Она состоит в том, что истина рано или поздно торжествует победу и становится все более и более общезначимой. Но общезначимость того или иного положения, сама по себе взятая, ни в коей мере не свидетельствует о его истинности. Хорошо известно, что вплоть до середины XVI в. геоцентрическая система мира практически была абсолютно общезначимой.

⁶ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 129.

⁷ Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 42.

Даже во второй половине этого столетия сторонниками гелиоцентрической системы были лишь единицы. И тем не менее гелиоцентрическая концепция была истинной, а геоцентрическая — ложной. Как писал замечательный русский поэт Николай Иванович Глазков (1919-1979):

Любой живущий на земле народ
Был убежден, встречаючи восход,
Что солнышко вокруг земли вращается.
А мнение народа уважается!..
Но истина достойна торжества —
И, наблюдая всходы звезд вечерних,
Ошибочного мненья большинства
Не разделял прекрасный пан Коперник!⁸

Концепция общезначимости подвергалась критике еще в античное время и в Средние века. Так поступали и Марк Туллий Цицерон (106-43 до н. э.), и Роджер Бэкон (ок. 1214 - после 1292). Принятие мнения толпы, как и слепое доверие авторитетам, последний рассматривал как большие препятствия на пути постижения истины⁹.

5. Конвенционализм

К концепции общезначимости примыкает учение, согласно которому истина является результатом соглашения между членами определенной группы людей. Такой взгляд получил название *конвенционализма* (от лат. *conventio* — соглашение). Как уже указывалось (IV.13.1), конвенционализм возник тогда, когда ученые убедились, что научные гипотезы и теории творятся ими самими. Позицию крайнего конвенционализма отстаивал философ-идеалист Эдуард Леруа (1879-1955). С его точки зрения, в научных построениях нет ничего объективного.

⁸ Глазков Н. Хихимора. М., 2007. С. 433-434.

⁹ Бэкон Р. Указ. соч. С. 43, 61 и др.

Истинными они становятся лишь в результате соглашения между учеными. Более умеренную позицию занимал крупнейший французский математик и физик Жюль Анри Пуанкаре (1854-1912) в работе «Последние мысли» (1912). Он считал, что ученый полностью свободен тогда, когда имеет дело с математикой, в области же физики он должен считаться с опытными фактами. Сходных взглядов придерживался физик Пьер Дюгем (1861-1916) в книге «Физическая теория, ее цель и строение» (1906). Уже известный нам Р. Рорти, развивая концепцию «эпистемологического бихевиоризма», использует вместо слова «конвенция» слово «солидарность». Истинным является утверждение, в оценке которого ученые солидарны¹⁰.

Одним из новейших вариантов конвенционализма является *концепция консенсуса*, достигаемого внутри исследовательской группы. Одни ее представители трактуют консенсус как признак истины, другие предпочитают вообще обходиться без понятия истины¹¹.

Если истинность концепции является результатом соглашения между учеными, то, спрашивается, что же побудило их согласиться считать истинным именно данное, а не иное концептуальное построение? Один из ответов — выбирается та теория, которая более красива, второй — та, которая более проста. Но принципы простоты и красоты могут выступать не только как дополнение к конвенционалистской концепции истины, но и вполне самостоятельно.

6. Концепции простоты и «экономии мышления»

Суть первой из них заключается в том, что из всех предлагаемых концепций истинной является та, которая дает более простое объяснение явлений. Истинность — это простота. Чем сложнее концепция, тем меньше у нее оснований претендовать на истинность.

¹⁰ См.: Rorty R. Science as Solidarity. 1987.

¹¹ См.: Огурцов А. П. Философия науки. XX век: Концепции и проблемы. Ч. 3: Философия науки и историография. СПб., 2011. С. 135-136.

Здесь сразу же возникает вопрос о критерии простоты теории. Вот как отвечал на него британский физик и философ Роберт Брюс Линдсей (1900-1985): «...из двух теорий, описывающих один и тот же круг физического опыта, проще та, которая требует более короткого времени для ознакомления с ней нормальной интеллигентной личности в такой степени, чтобы достигать правильных и полезных результатов»¹².

И опять-таки в выведении истинности из простоты есть не столько доля, сколько крошечная долька истины. Истинная теория нередко действительно более проста, чем ложная. Например, явным преимуществом гелиоцентрической системы Николая Коперника (1473-1543) была большая ее простота по сравнению с геоцентрической концепцией Клавдия Птолемея (ок. 87 - ок. 165). Но простота — совершенно не обязательный признак истинной теории. Квантовая механика неизмеримо более сложна, чем классическая механика, но последняя совершенно неприменима к миру элементарных частиц.

В работе австрийского физика и философа Эрнста Маха (1838-1916) «Принцип сохранения работы, история и корень его» (1872) и в книге швейцарского философа Рихарда Авенариуса (1843-1896) «Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей затраты сил» (1876) принцип простоты был назван принципом экономии мышления. Он был с восторгом подхвачен русскими махистами, в частности В. А. Базаровым, который даже умудрился узреть в нем из-за использования слова «экономия» марксистскую тенденцию в гносеологии¹³.

Его субъективистский, а тем самым и антинаучный характер принципа экономии мышления был прекрасно понят многими естествоиспытателями. «Когда великие творцы точного естествознания проводили свои идеи в науку, — писал великий физик Макс Карл Эрнст Людвиг Планк (1858-1947), — когда Коперник удалил Землю от центра мира, когда Келлер формулировал свои законы, когда Ньютон открыл всемирное тяготение, когда Гюйгенс установил волновую теорию света, когда Фарадей создал основы электродинамики, — едва ли эти ученые опирались на экономическую точку зрения в борьбе против унаследованных воззрений и подавляющих авторитетов.

¹² *Lindsay R. B.* The Meaning of Simplicity in Physics // *Philosophy of Science*. 1937. Vol. 4. №2. P. 166.

¹³ См.: *Базаров В.* Мистицизм и реализм нашего времени... С. 69.

Нет, опорой всей их деятельности была незыблемая уверенность в реальности их картины мира. Ввиду такого несомненного факта трудно отделаться от опасения, что ход мыслей передовых умов был бы нарушен, полет их фантазии ослаблен, а развитие науки было бы роковым образом задержано, если бы принцип экономии Маха действительно сделался центральным пунктом теории познания»¹⁴.

И тем не менее у части ученых эта концепция пользуется популярностью. Британский специалист по сравнительной психологии Ники Хейс считает важнейшим принципом своей дисциплины «принцип экономии». «Если у вас есть два возможных объяснения чего-либо, причем одно из них относительно простое, а другое изощренное и сложное, — пишет он, — то будет более научно или по крайней мере экономно выбрать более простое объяснение. Более простое объяснение считается более правдоподобным просто потому, что требует меньшего числа необходимых допущений»¹⁵.

7. «Концепция» красоты

Эту точку зрения, пожалуй, никто специально не разрабатывал и не обосновывал. В этом смысле вряд можно говорить о существовании особой концепции истины, в которой в качестве признака истинности выступает красота. Однако немалое число физиков и математиков, когда заходила речь о тех или иных научных построениях, особенно выраженных на языке математики, в качестве важного признака, побуждавшего признавать большую вероятность их истинности, ссылались на красоту или гармоничность. В четвертой книге цикла (IV13.4) уже приводились высказывания крупнейшего физика Поля Андриана Мориса Дирака (1902-1984) на этот счет. Добавим еще одно: «Теория, обладающая математической красотой, имеет больше шансов оказаться правильной, чем уродливая теория, согласующаяся с какими-то числами»¹⁶.

¹⁴ Планк М. Единство физической картины мира // Избранные труды. М., 1975. С. 632.

¹⁵ Хейс Н. Принципы сравнительной психологии. М., 2006. С. 29-30.

¹⁶ Дирак П. Можно ли использовать уравнение движения в физике высоких энергий? // Дирак П. Воспоминания о необычайной эпохе. Сборник статей. М., С. 109.

Один из создателей квантовой механики Вернер Карл Гейзенберг (1901-1976) написал целую статью «Значение красоты в точной науке». «Значение прекрасного, — читаем мы в ней, — для отыскания истины признавалось и особо отмечалось во все времена. Латинский девиз: „Simplex sigillum veri“ („Простота — печать истины“) большими буквами начертан на физической аудитории Геттингенского университета как завет тем, кто хочет открыть истину. А другой девиз, „Pulchritudo splendor veritatis“ („Красота — сияние истины“), можно понять также и в том смысле, что исследователь узнает истину прежде всего по этому сиянию, по излучаемому ею свечению»¹⁷. Однако говоря о том, что Иоганна Кеплера, возможно, привела к убеждению о правильности коперниковской теории ее гармоничность, автор тут же подчеркивает, что «все-таки решающей предпосылкой пригодности любой научной теории является ее способность выдержать эмпирическую проверку и рациональный анализ»¹⁸.
Такого рода высказывания встречаются в работах А. Пуанкаре.

8. Концепция когерентности (согласованности, непротиворечивости)

Концепция когерентности (от лат. *cohaerentia* — сцепление, связь, согласованность) исходит из того, что истинной является такая концептуальная система, в которой все ее положения теснейшим образом связаны, согласованы и не противоречат друг другу.

¹⁷ Гейзенберг В. Значение красоты в точной науке // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 275.

¹⁸ Там же. С. 280.

Если же концепции присущи внутренние противоречия, то она с необходимостью является ложной. Со вторым тезисом нельзя согласиться. Внутренне противоречивая концепция заведомо не может быть истинной. Но согласованность всех частей интеллектуального построения сама по себе необязательно означает, что оно является истинным. Существовали и существуют концепции, которые, несмотря на отсутствие внутренних противоречий, находятся в противоречии с объективной реальностью, т. е. являются ложными. В свое время когерентную концепцию истины отстаивал неопозитивист Отто Нейрат (1882-1945). Американский философ Николас Решер посвятил этой концепции целую книгу «Когерентная теория истины» (1973), что, правда, ничуть не помешало ему приводить доводы в пользу и корреспондентской, и прагматической концепций истины.

9. Прагматическая концепция истины (концепция полезности)

Оформление этой концепции истины связано с возникновением одной из разновидностей позитивистской философии — прагматизма (от греч. «прагма» — дело, действие). У истоков этой системы стоял американский философ, логик и математик Чарлз Сандерс Пирс (1839-1914), затем она разрабатывалась и обосновывалась Уильямом Джемсом (правильно — Джеймс) (1842-1910) и Джоном Дьюи (1859-1952). Согласно их взглядам, показателем истинности тех или иных положений является успех практической деятельности. Определяя прагматизм, Ч. Пирс писал: «Это есть доктрина, согласно которой истина состоит в будущей полезности для наших целей»¹⁹. Как утверждал У. Джеймс, об истине можно сказать «или что „она полезна, ибо она истинна“, или что „она истинна, ибо полезна“. Обе эти фразы имеют одно и то же значение...»²⁰ «Важнейшим аспектом идеи, — читаем мы у Дж. Дьюи, — является ее динамическая активная функция; истинность и ложность идеи полностью определяются качеством деятельности, которую эта идея провоцирует. *Истинная гипотеза* — это гипотеза, которая работает. *Истина* — это абстрактное существительное, относящееся к ряду действительных, ожидаемых и желаемых случаев, в которых результаты и действия получают подтверждения»²¹.

¹⁹ *Pierce Ch. S. Letters to Lady Welby // Values in a Universe of Chance. New York, P. 381.*

²⁰ *Джеймс В. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления // Джеймс В. Прагматизм; Эбер М. Прагматизм, исследование его различных форм; Юшкевич П. О прагматизме. Кшв, 1995. С. 101.*

²¹ *Дьюи Дж. Реконструкция в философии. М., 2001. С. 207.*

При первом приближении такое понимание истинности кажется весьма близким, чуть ли не совпадающим с диалектико-материалистическим подходом к истине, для которого успешное протекание и завершение практической деятельности является важнейшим доказательством истинности положений, которыми люди руководствовались в этих своих действиях. Получается, что и у прагматистов, и у материалистов полезность тех или иных положений есть доказательство их истинности. На деле же между тем и другим взглядами на истину и истинность — пропасть. С точки зрения диалектического материализма истинность и полезность тех или иных положений — совершенно разные вещи, которые могут быть связанными, а могут и не быть. Истинность тех или иных мыслетворений состоит исключительно в их соответствии объективному миру и ни в чем другом. Практическая же их полезность может играть роль только средства, позволяющего при соблюдении определенных условий отделить истинное от ложного.

Прагматисты отвергают понимание истины как соответствия между мышлением и объективным миром. Поэтому практическая полезность для них не критерий истинности, а сама истинность. Они, таким образом, полностью отождествляют истинность и полезность. В результате они приходят к полному субъективизму.

Дело в том, что истинность и полезность того или иного мыслетворения неразрывно связаны лишь тогда, когда это мыслетворение выступает в роли руководства в данной практической деятельности. Тогда действительно успех или неудача практических действий является показателем истинности или ложности того мыслетворения, руководствуясь которым человек ставил цель и разрабатывал план операции. Но истинные или ложные мыслетворения могут выступать не только в качестве руководства к действиям, но и в роли объекта той или иной деятельности, тех или иных манипуляций. Истину могут искать, защищать, опровергать, распространять, заблуждение могут создавать, а также опровергать, отстаивать, восхвалять, внедрять, рекламировать, пропагандировать и т. п.

Люди всегда живут в системе тех или иных общественных отношений. И бывает, что в силу конкретных причин та или иная истина является опасной для определенных влиятельных социальных сил. И тогда они прилагают все усилия для того, чтобы эта истина была скрыта, не получила распространение. Поборников данной истины преследуют, их лишают работы, обрекают на нищету, даже более — бросают в тюрьму, казнят. При этом не имеет никакого значения, что думают об этой истине сами гонители. Они объявляют ее заблуждением только потому, что она для них опасна. Можно по этому поводу вспомнить замечательное сатирическое стихотворения Юлия Черсановича Кима «Галилей перед пыточной камерой (Монолог сопровождающего)»:

Послушай, Галилей,
Ну что ты так уперся?
Как будто в жизни сей
Ты плохо пообтерся.
Что — гелио, что — гео,
И кто вокруг кого...
Кормило бы да грело
И денег не брало!
<...>

Ведь наш Верховный Поп
Стрижет свои проценты
С того, что мы, как пуп,
Находимся по центру,
А солнце, как Венера —
Такой же сателлит.
Ну чем плоха та вера?
Ну что тебя свербит?

<...>

Но что смешней всего —
Хоть шеф и отрицает,
Но что вокруг чего,
Мне кажется, он знает,
Но точно так же знает,
Что будет на мели,
Как только он признает Вращение Земли!
Ведь тут все дело в чем:
Вращается — и пес с ней.
Но лишь бы не при нем.
А, скажем, — сразу после.
Отбросьте сантименты,
Поймите, силъ ву пле,
Что ежли мы не в центре,
То он не во главе!
А между прочим, шеф —
Не зверь, а так, слегка лишь,
Он не желает жертв,
А ты его толкаешь!
Ведь все твои догадки
Изустная печать
Разносит без оглядки —
Ну чтоб тебе смолчать?!²²

Таким образом, люди, которые в такого рода условиях отстаивают истину, терпят всевозможные неприятности. Они обречены на житейский неуспех. Человек, который открывает и распространяет опасную для властей истину об объективной реальности, тем самым перестает считаться с тем реальным положением вещей, которое сложилось в обществе, вступает в противоречие с социальной действительностью.

²² *Ким Ю.* Галилей перед пыточной камерой (Монолог сопровождающего) // *Ким Ю.* Летучий ковер. М., 1990. С. 148-149.

Такая ситуация нашла блестящее выражение в одной из «Непричесанных мыслей» замечательного польского сатирика Станислава Ежи Леца (1909-1966): «Приближаясь к истине, [мы] удаляемся от действительности»²³. Данный афоризм прекрасно дополняется внешне шутивным, а на деле очень горьким советом: «Будь реалистом — не говори правды»²⁴.

Зато людей, которые поняли, что требуется власти, и бросаются в борьбу с истиной, отстаивают нужные и полезные для начальства заблуждения, ждет житейских успехов. Они процветают в жизни, делают блестящую карьеру. Все это так, когда мы берем только повседневную жизнь и данное конкретное время. Но если брать историю человечества в целом, то в ней остаются имена лишь защитников истины — людям, изменившим истине, места в ней нет.

В одном из лучших стихотворений известного поэта Евгения Александровича Евтушенко «Карьера» обыгрывается два разных значения этого слова. Одно, привычное, — личный успех, выражающийся в восхождении человека по социальной лестнице, обеспечивающем ему обретение все большего количества материальных благ. Другое — благодарная память человечества о людях, которые своей деятельностью способствовали расширению и углублению знаний об окружающем мире. Поэт писал:

Твердили пастыри, что вреден
и неразумен Галилей.
Но, как показывает время:
кто неразумней — тот умней.
Ученый, сверстник Галилея,
был Галилея не глупее.
Он знал, что вертится Земля,
но у него была семья.
И он, садясь с женой в карету,
свершив предательство свое,
считал, что делает карьеру,
а между тем губил ее.

²³ *Лец С. Е.* Почти все. Екатеринбург, 2005. С. 364. Слово «мы» добавлено в текст перевода мною, ибо оно позволяет более точно передать мысль автора.

²⁴ Там же. С. 356.

За осознание планеты
шел Галилей один на риск,
и стал великим он... Вот это —
я понимаю — карьерист!²⁵

Но если так может обстоять дело даже в сфере науки, то еще чаще подобное расхождение между истинностью и полезностью имеет место в области политики и обыденной жизни. Так, очень часто ложь и обман обеспечивают успех деятельности людей, дают им возможность и обогатиться, и занять высокие посты в системе власти. Если встать на позиции прагматизма, то придется всю ту ложь, которая обеспечила этим людям личный успех, признать истиной. На этом примере можно наглядно видеть, насколько субъективистской является прагматическая концепция истины.

Прагматическое понимание истины — далеко не рудимент прошлого, оно и сейчас имеет много сторонников, в том числе и среди отечественных философов. Более того, некоторые из последних категорически настаивают на том, что все когнитивные науки, включая философию, должны безоговорочно принять «понимание истинности знания как его адаптивной (эвристической) полезности». «Соответственно, — пишут они, — важнее оценить практическую полезность и перспективы некоторой теории или модели, чем углубляться в онтологические дебаты относительно ее обоснованности»²⁶.

10. Заключение: несколько слов о нонверитизме, или контрверитизме

Субъективистским является не только прагматическое понимание истины: таковыми, без единого исключения, с неизбежностью являются и все рассмотренные выше «неклассические» ее концепции.

²⁵ *Евтушенко Евг.* Карьера // Евтушенко Евг. Взмах руки. Стихи. М., 1962. С. 92.

²⁶ *Баксанский О. Е., Кучер Е. Н.* Когнитивная философия и современные когнитивные исследования // Вызов познанию: Стратегия развития науки в современном мире. М., 2004. С. 54.

Суть заключается в отрицании объективности истины. Но, отрицая объективную истину, а тем самым, по существу, истину вообще, все они прямо от понятия истины не отказываются. Однако существуют и такие школы в философии, точнее, в парафилософии и лжефилософии, которые не только и не просто сомневаются в возможности познания истины или даже доказывают невозможность познания истины, но вообще считают понятие истины совершенно ненужным. Этот взгляд можно назвать *нонверитизмом* (от лат. *non* — не и *veritas* — истина), или, скорее, даже *контрверитизмом* (от лат. *contra* — против). На таких позициях находились и находятся некоторые представители постпозитивизма: Томас Сэмюэл Кун (1922-1995), Имре Лакатос (Лакатош) (1922-1974), Стивен Эделстон Тулмин (1922-1997), Карл Пол (Пауль) Фейерабенд (1924-1994) и практически все философствующие постмодернисты.

П. Фейерабенд, который открыто проклял разум, объявил истину одним из порожденных им абстрактных чудовищ, которые, как ранее боги, использовались для запугивания человека и ограничения его свободного и счастливого развития²⁷. С его точки зрения, нет, например, никакой принципиальной разницы между научной теорией и религиозным мифом. Так как суть научного познания заключается, как считают все настоящие ученые, именно в познании истины, то всем этим аналитическим философам следовало бы полностью отказаться от претензий на создание философии науки. Но они не только этого не делают, но упорно продолжают причислять себя к философам науки.

Сторонники такой точки зрения имеются и у нас. Самый яркий пример — статья доктора философских наук Акопа Погосовича Назаретяна «Истина как категория мифологического мышления (тезисы к дискуссии)». В ней заявляется, что понятие истины к настоящему времени превратилось в анахронизм. От гносеологии, основанной на понятии истины, нужно раз и навсегда отказаться, заменив ее модельным мышлением.

²⁷ Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 322 и др.

«Для человека, ясно сознающего, что он связан с миром через посредство идеальных моделей и оперирования ими, — пишет А. П. Назаретян, — сама категория истины становится избыточной или, во всяком случае, периферийной. Достоинства и недостатки модели можно обсуждать с точки зрения функциональной эффективности, стройности, емкости и т. д., понятие же истинности к ней неприменимо»²⁸.

²⁸ Назаретян А. Истина как категория мифологического мышления (тезисы к дискуссии) // *Общественные науки и современность*. 1995. № 7. С. 106.

Глава 3. Диалектика истины

1. Проблема суверенности человеческого познания

Все сказанное выше — лишь подготовка почвы для решения того вопроса, который был поставлен в конце четвертой книги цикла (IV 14.4). Ответ на него предполагает постановку и решение проблемы абсолютной и относительной истины. Последняя более или менее четко была поставлена в истории философской мысли довольно поздно. Путь к этому был проложен постановкой по существу того же самого вопроса, но только в несколько иной форме — в виде проблемы суверенности человеческого познания (мышления). Она, чаще всего имплицитно, проступала в различных философских системах. По-видимому, впервые в совершенно четкой форме она была поставлена в работе Энгельса «Анти-Дюринг» (1877-1878).

Проблема суверенности человеческого познания есть вопрос о том, способен ли, может ли человек (речь, разумеется, идет не об отдельном человеке, а о человеке вообще, человечестве) полностью, целиком познать объективный мир. Если рассуждать, руководствуясь законами формальной логики, то на этот вопрос можно дать только два, причем диаметрального противоположных, ответа: один — утвердительный, другой — отрицательный.

Если согласиться с положительным ответом на этот вопрос, то нужно будет признать, что люди рано или поздно познают весь мир и тем самым человеческому познанию придет конец: познавать будет нечего. Ответ, конечно, ошибочен, ибо реальный объективный мир бесконечен и во времени, и в пространстве.

Согласиться с тем, что человек не может, не способен целиком, полностью познать мир, означает признать существование в мире вещей, которые в принципе человек познать никогда не сможет, т. е. вещей непознаваемых. Вряд ли можно принять такую точку зрения. Практика человеческого познания убедительно доказывает, что в объективном мире нет ничего непознаваемого. Все предпринимавшиеся в истории философской и научной мысли попытки доказать существование в мире принципиально непознаваемого кончились провалом.

Согласно одному из имевших хождение в философской среде рассказов, кто-то из мыслителей XIX в. начал свой очередной лекционный курс с заявления, что человек никогда, ни при каких условиях не сможет ничего узнать о химическом составе вещества Солнца и звезд. Но не успел он закончить курс, как был открыт спектральный анализ и тем проложен путь к изучению химического состав Солнца и звезд. Если это и придумано, то совсем неплохо.

Идею существования в мире непознаваемого отстаивал известный немецкий физиолог Эмиль Генрих Дюбуа-Реймон (1818-1896) в работах «О границах познания природы» (1872) и «Семь мировых загадок» (1880). «По отношению к загадкам телесного мира, — говорил он в первой из них, — естествоиспытатель давно уже привык с мужественным отречением высказывать свое *Ignoramus* („не знаем“). — Ю. С.). Обозревая пройденный победоносный путь, он находит себе поддержку в спокойном сознании, что вещи, которые он не знает теперь, он мог бы по крайней мере узнать при благоприятных обстоятельствах и, быть может, со временем узнает. По отношению же к загадке, что такое материя и сила и каким образом они могут мыслить, он раз и навсегда должен решиться на гораздо более тяжелое признание, выражаемое приговором: *Ignorabimus* („не узнаем“). — Ю. С.)»¹.

¹ Дюбуа-Реймон Э. О границах познания природы. Семь мировых загадок. 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010. С. 30.

Достойным ответом Э. Дюбуа-Реймону была книга выдающегося немецкого естествоиспытателя Эрнста Геккеля (1834-1919) «Мировые загадки» (1899), в которой было убедительно показано, что одни из названных этим ученым «мировых загадок» уже наукой в основном решены, а остальные успешно решаются. В статье «Свободная наука и свободное учение» Э. Геккель писал: «Если Эмиль Дюбуа-Реймон захотел взять свое „*Ignoramus*“, а Рудольф Вирхов свое еще гораздо далее идущее „*Restigamus*“ (Будем себя сдерживать) лозунгом науки, то из Йены, как и из сотен других культурных центров, навстречу идет зов: „*Impavidi progrediamur*“ (Неустрашимо идем вперед)»². «...Границ научному познанию и предсказанию, — утверждал великий ученый Дмитрий Иванович Менделеев (1834-1907), — предвидеть невозможно»³.

Впрочем, несмотря на все провалы, и сейчас находятся ученые, вещающие о существовании в мире непознаваемого. Самое последнее по времени такого рода высказывание принадлежит президенту Королевского общества Англии астрофизику и королевскому астроному Мартину Рису⁴.

Таким образом, и утвердительный, и отрицательный ответы на поставленный выше вопрос в одинаковой степени являются ошибочными. И выход из положения может открыть только диалектика. Единственно верный ответ: человек одновременно и может целиком, полностью познать мир, и не может целиком, полностью познать его. Иными словами: человек способен полностью, целиком познать весь мир, но никогда реально не познает его полностью, целиком. Мир полностью познаваем, но никогда не будет полностью познан. Нет вещей непознаваемых, но всегда есть и всегда будут вещи еще не познанные. Познание мира есть вечный бесконечный процесс.

² Цит. по: Некрасов А. Борьба за дарвинизм. М.; Л., 1926. С. 142.

³ Менделеев Д. И. Мироззрение // Соч. Т. 24. М., 1954. С. 458.

⁴ Рис М. «Мы никогда не пойдем, как устроена Вселенная» // Комсомольская правда. 14.12.2010. С. 26.

«Мы имеем здесь снова, — писал Ф. Энгельс, — то противоречие, с которым уже встречались выше, противоречие между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограниченно. Это противоречие может быть разрешено только в бесконечном поступательном движении, в таком ряде последовательных человеческих поколений, который для нас, по крайней мере на практике, бесконечен. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познания столь же неограниченна, как ограничена. Суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, возможности, исторической конечной цели; несуверенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности»⁵.

2. Абсолютная и относительная истина

Теперь эту же самую проблему и можно, и нужно поставить в несколько иной форме: в виде вопроса об отношении абсолютной и относительной истины, который предполагает и совершенно новую постановку, и принципиально новое решение вопроса об отношении истины и заблуждения. Приоритет в этом деле, несомненно, принадлежит величайшему немецкому философу Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю (1770-1831). Уже в «Феноменологии духа» (1807) он представил истину не только как результат, но прежде всего как процесс. «*Истинное и ложное*, — писал там Г. Гегель, — относятся к тем определениям мысли, которые неизменно считаются самостоятельными (*eigene*) сущностями, из которых одна изолированно и прочно стоит по одну сторону, а другая — по другую, не имея ничего общего между собой. Вопреки этому следует указать, что истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде (*gegeben werden*) и в таком же виде спрятана в карман»⁶. К проблеме отношения абсолютной и относительной истины, и соответственно истины и заблуждения, Г. Гегель обращался и в «Науке логики» (1812-1816), и в «Энциклопедии философских наук» (1817), и в «Лекциях по истории философии».

⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 88.

⁶ Гегель Г. Система наук. Часть первая: Феноменология духа // Соч. Т. 4. М., С. 20.

О великом вкладе Г. Гегеля в разработку этих проблем лучше всего сказал Ф. Энгельс. «Но именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии... — писал он, — что она раз и навсегда разделалась со всяким представлением об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия. Истина, которую должна познать философия, представлялась Гегелю уже не в виде собрания готовых догматических положений, которые остается только зазубрить, раз они открыты; истина теперь заключалась в самом процессе познания, в длительном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней познания на все более высокие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она, найдя некоторую так называемую абсолютную истину, уже не могла бы пойти дальше и где ей бы не оставалось ничего больше, как сложить руки с изумлением созерцать эту добытую абсолютную истину. И так обстоит дело не только в философии, но и во всяком другом познании, а равно и в области практического действия»⁷.

Но тут же Ф. Энгельс добавлял: «Однако необходимо заметить следующее: вышеприведенные взгляды не даны Гегелем в такой резкой форме. Это вывод, к которому неизбежно приводит его метод, но этот вывод никогда не был сделан им самим с такой определенностью, и по той простой причине, что Гегель вынужден был строить систему, а философская система, по установившемуся порядку, должна была завершиться абсолютной истиной того или иного рода. И тот же Гегель, который, особенно в своей „Логике“, подчеркивает, что эта вечная истина есть не что иное, как сам логический (*resp.* исторический) процесс, — тот же самый Гегель видит себя вынужденным положить конец этому процессу, так как надо же было ему на чем-то закончить свою систему... А именно нужно было так представить себе конец истории: человечество приходит к познанию как раз этой абсолютной идеи и объявляет, что это познание абсолютной идеи достигнуто в гегелевской философии.

⁷ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 274.

Но это означало провозгласить абсолютной истиной все догматическое содержание системы Гегеля и тем стать в противоречие с его диалектическим методом. Это означало задушить революционную сторону под тяжестью непомерно разросшейся консервативной стороны, — и не только в области философского познания, но и в исторической практике»⁸. К этому можно присовокупить, что все позитивное у Гегеля было изложено им в мистифицированной форме, что крайне мешало пониманию его открытий в этой области и использованию их философами и учеными.

Поэтому насущной необходимостью было создание нового учения о диалектике абсолютной и относительной истины и тем самым о диалектике истины и заблуждения, освобожденной от непоследовательности и мистики. Это учение могло быть только материалистическим, точнее, диалектико-материалистическим. Серьезная попытка сделать это была предпринята Ф. Энгельсом в трудах «Анти-Дюринг» (1877-1878) и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1888). Обращался к этой проблеме и И. Дицген. Детально разработана была эта новая теория истины в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), а также в ряде статей и заметок. Во избежание повторов я не буду здесь специально пересказывать содержание их работ. Весь данный раздел представляет изложение их взглядов, разве только в несколько иных формулировках и с некоторыми дополнениями и уточнениями.

Если исходить из трактовки истины как соответствия между миром и мышлением, то абсолютную истину следует определить как абсолютное соответствие между миром и мышлением, а относительную истину — как неполное, относительное соответствие между ними.

Долгое время в философии и науке господствовало представление об истине как абсолютной истине. Оно состояло вовсе не в убеждении философов и ученых в том, что существует полное абсолютное соответствие между мышлением и миром в целом, что люди обладают полным знанием о мире. Просто как само собой разумеющееся считалось, что если данное мыслетворение является истинным, то оно является полностью истинным, только истинным и никаким другим.

⁸ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии... С. 276-277.

Такой характер оно носит потому, что существует полное соответствие между данным мыслетворением и определенным фрагментом объективного мира. Если достигнута истина, то она есть истина, и только истина. Соответственно, процесс познания понимался как добавление к одним уже добытым частичным абсолютным истинам новых также частичных абсолютных истин. Получалось что-то очень похожее на возведение стены из кирпичей. Рядом с уже положенными кирпичами укладывались новые, а когда заканчивался один ряд кирпичей, на него укладывался новый ряд, и так без конца.

Такое представление более или менее работало, пока научное знание было не столько теоретическим, сколько эмпирическим, фактологическим. С выходом на первый план, а затем и бурным развитием теоретического знания, что было характерным для революции в естествознании, начавшейся в конце XIX в., положение резко изменилось. Постоянно создавались новые теории и отбрасывались старые. Происходило, выражаясь метафорически, не добавление к уже открытым кирпичикам знания других новых его кирпичиков, а разрушение ранее воздвигнутых зданий и сооружение новых.

Начала бросаться в глаза относительная истинность всех без исключения теорий. Становилось совершенно ясным, что на любом этапе развития знания соответствие между ними и миром является не полным, а приблизительным, относительным. Абсолютного соответствия между миром и мышлением даже в старом привычном ограниченном смысле этого слова никогда не было, нет и никогда не будет. Соответствие между миром и мышлением всегда было, есть и будет неполным, относительным. Так, на рубеже XIX-XX вв. зародился и утвердился *философский релятивизм* (от лат. *relativus* — относительный), суть которого в утверждении: абсолютной истины нет и быть не может, истина всегда только и только относительна, приблизительна.

Вывод релятивистов об отсутствии абсолютной истины на первый взгляд кажется более чем убедительным. Но попробуем представить, к чему он с неизбежностью ведет.

Допустим, что на протяжении определенного периода времени в той или иной области научного знания сменились три теории, которые можно условно обозначить как А, Б и В. Каждая из них есть истина относительная, и только относительная, абсолютного в ней нет ничего. Это значит, что каждую из них мы в принципе можем полностью отбросить. С первыми двумя это уже произошло, точно такая же участь ожидает и третью. Но если каждую из теорий мы можем полностью отбросить, то это означает, что ни в одной из них нет ничего объективного. Все они чисто субъективны.

Иначе говоря, отрицание абсолютной истины есть не что иное, как отрицание объективной истины, отрицание существования какого бы то ни было соответствия между миром и мышлением. Причем совершенно неважно, сознает ли человек, отрицающий бытие абсолютной истины, что он тем самым не признает существование объективной истины, или не сознает. Несомненен факт: отрицание абсолютной истины равнозначно отрицанию объективной истины. Отрицание абсолютного соответствия равнозначно отрицанию какого бы то ни было соответствия между мышлением и объективным миром вообще.

С точки зрения философского релятивизма все три названные теории совершенно равноценны: ни одна из них не хуже, но и не лучше другой. А раз так, то нет никакого смысла создавать новые теории и заменять ими старые: это дело никому не нужное и совершенно бесполезное. Выходит, что нет и не может быть никакого развития научного знания. Мы обречены вечно топтаться на одном месте.

Однако в действительности все обстоит совершенно иначе. Все три последовательно сменившиеся теории отличаются друг от друга, и отличаются они степенью соответствия объективному миру. Каждая из них находится в большем соответствии с миром, чем предшествующая. Другими словами, смена одной теории другой есть не что иное, как движение по пути, который ведет к абсолютному соответствию между мышлением и объективным миром, т. е. к абсолютной истине. Все названные теории отличаются друг от друга степенью приближения к абсолютной истине. Каждая новая теория есть еще один шаг по пути, ведущему к абсолютной истине. Таким образом, в научном познании существуют не только относительные истины, но и абсолютная истина. Абсолютная истина складывается в процессе развития научного знания из относительных истин. Развитие научного (и не только научного) знания есть движение к абсолютной истине.

Но человек не только и не просто движется к абсолютной истине. Он всегда ею обладает. Ведь каждая новая теория может представлять собой шаг вперед к абсолютному соответствию лишь постольку, поскольку она находится в большем соответствии с миром, чем предшествующая ей теория, содержит в себе больше моментов, элементов, крупниц соответствия, причем моментов, крупниц соответствия и только соответствия, т. е. абсолютного соответствия. Каждая относительная истина есть еще один шаг к абсолютной истине потому и только потому, что она содержит в себе абсолютную истину, причем в большей мере, чем предшествующие относительные истины. Мир в целом и любые его части неисчерпаемы. Поэтому соответствие между миром и научной теорией всегда с неизбежностью является неполным, неточным, т. е. относительным. Иначе говоря, между миром и научной теорией всегда существует и соответствие, и одновременно несоответствие. Поэтому в любой научной теории присутствует не только то, что соответствует действительности (т. е. истинное), но и то, что ей не соответствует (т. е. ложное). Но в целом, если мы имеем дело с подлинной научной концепцией, соответствие в ней преобладает над несоответствием. Поэтому в целом это единство соответствия и несоответствия является истиной, хотя и относительной.

По мере дальнейшего развития постепенно накапливаются факты, которые не укладываются в рамки данной теории. До поры до времени это несоответствие преодолевается путем доработки теории. Из нее удаляются те или иные моменты несоответствия и добавляются моменты соответствия. Но это возможно лишь тогда, когда дело касалось идей, относившихся к периферии теории.

Но может наступить время, когда новые факты приходят в противоречие с теми идеями, которые составляют центр, ядро теории. Тогда никакая переделка теории помочь не может. В результате старая теория отбрасывается. Создаются новые идеи, на их основе новые гипотезы, одна из которых превращается в теорию. По отношению к новой теории старая выступает уже не как истина, а как заблуждение, но не абсолютное, а относительное.

Характеризуя отношения между противоположностями, включая и противоположность истинного и ложного, Ф. Энгельс писал: «Мы знаем, что эти противоположности имеют лишь относительное значение: то, что ныне признается истиной, имеет свою ошибочную сторону, которая теперь скрыта, но со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону, в силу которой оно прежде могло считаться истиной...»⁹

Смена теорий ни в малейшей степени не ставит под сомнение роль практики как критерия истины. Все дело в том, что практика никогда не стоит на месте. Она развивается. В результате той степени соответствия между мышлением и объективным миром, которая на прежнем этапе развития обеспечивала успех человеческой деятельности, становится явно недостаточно на новом этапе. Теперь для успешного ее протекания необходимо новое, более полное соответствие. И практика одновременно и требует нового, более полного соответствия, и обеспечивает его достижение.

Как писал В. И. Ленин: «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики. Конечно, при этом не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько „неопределен“, чтобы не позволить знаниям человека превратиться в „абсолют“, в то же время настолько определен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма»¹⁰.

⁹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии... С. 303.

¹⁰ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм... С. 145-146.

Для характеристики отношения между старой и новой теориями как нельзя лучше подходит понятие диалектического отрицания, которое означает одновременно и гибель, и рождение, и уничтожение, и сохранение. Новая теория отрицает старую. Старая теория с появлением новой гибнет, исчезает. Но это не голое, не зряшное отрицание. Старая теория уничтожается, но все, что было в ней объективного, сохраняется, переходит в содержание новой. Именно поэтому смерть старой теории означает рождение новой. Для такого рода отрицания существует и еще один термин — снятие. Новая теория есть снятие старой.

При переходе от старой теории к новой моменты соответствия с действительностью, которые присутствовали в первой, не отбрасываются. В идеале все они переходят в новую теорию, и к ним добавляются такие моменты соответствия, которые в старой теории отсутствовали. Поэтому новая теория находится в большем соответствии с действительностью, т. е. является более истинной, чем старая. Таким образом, хотя все научные теории являются истинами относительными, между ними существуют различия в степени соответствия действительности, в степени истинности. Все эти теории, являясь единством соответствия и несоответствия, отличаются друг от друга количеством моментов соответствия и только соответствия, т. е. абсолютного соответствия. В каждой новой теории присутствует все больше моментов абсолютного соответствия, т. е. крупниц абсолютной истины, и она тем самым представляет собой еще один шаг на пути к абсолютному соответствию, т. е. к абсолютной истине.

К такому пониманию пришли некоторые глубоко мыслящие ученые еще в XIX в. «Нам может казаться, — писал британский историк науки Уильям Уэвелл (1794-1866), — что принципы, составлявшие существо предыдущих периодов знания, низвергаются и уничтожаются позднейшими открытиями, но на деле эти принципы входят и включаются в последующие учения той долей истины, какая была в них. Таким образом они продолжают быть существенной частью науки. Прежние истины не изгоняются, но поглощаются, не отрицаются, а расширяются...»¹¹

¹¹ Уэвелл В. История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени. Т. 1. СПб., 1867. С. 10.

Такого рода взгляда придерживался, например, великий физик XX в. Луи Виктор де Бройль (1892-1987). «Когда физическая теория, — писал он, — добивается получения связного математического представления об известных явлениях, она стремится к тому, чтобы предсказать новые явления. Иногда эти предсказания подтверждаются дальнейшими экспериментальными исследованиями, и теория, выдержав, таким образом, испытание, укрепляется. Иногда — и можно сказать, что с течением времени это всегда в конце концов происходит, — либо эксперимент не подтверждает одного из предсказаний теории, либо вдруг в ходе эксперимента обнаруживается, зачастую независимо от воли исследователей, новый факт, который не согласуется с теорией. Тогда нужно доделать или переделать воздвигнутое ранее здание теории. Но, и это существенно, такая переделка, поскольку она должна производиться с учетом всех накопленных ранее фактов, должна быть осуществлена так, чтобы включить тем или иным образом, и зачастую в качестве первого приближения, в новую теорию предыдущую теорию и всю совокупность уравнений, на которых она зиждется, хотя их толкование может измениться. Таким образом, новая теория должна признать все точные предсказания старой теории, но, отличаясь от нее в некоторых пунктах, она должна строго предвидеть наблюдаемые факты, в том числе и те, которые старая теория не в состоянии предвидеть. Путем таких последовательных включений развивается теоретическая физика; не отрицая ни одного из своих предшествующих успехов, она охватывает все время изменяющимся и расширяющимся синтезом возрастающее число экспериментальных фактов»¹².

Таким образом, существует не только относительная истина как единство соответствия и несоответствия, но и абсолютная истина, т. е. такое соответствие, которое является только соответствием. Абсолютная и относительная истины теснейшим образом связаны. В области теоретического знания нет относительной истины без абсолютной и абсолютной истины без относительной. Они всегда представляют собой одно и то же и одновременно не одно и то же.

¹² Бройль Л. де. По тропам физики // Бройль Л. де. По тропам науки. М., 1962. С. 163-164.

Абсолютная истина существует, но не сама по себе, а только в относительных истинах. А каждая относительная истина одновременно и включает в себя абсолютную истину, и является шагом по пути к абсолютной истине. Поэтому развитие науки носит кумулятивный характер. «Итак, — писал В. И. Ленин, — человеческое мышление по своей природе способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки добавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то сужаемы дальнейшим ростом знания»¹³.

Теория познания диалектического материализма включает в себя признание относительности знания. В этом смысле в ней присутствует элемент релятивизма. Но, признавая относительный релятивизм, она категорически отвергает абсолютный релятивизм, который с неизбежностью ведет к отрицанию объективной истины, а тем самым к отрицанию бытия объективного мира или по меньшей мере к сомнению в его существовании.

Возникновение новой теории совершенно необязательно ведет к полному отказу от старой, хотя случается и такое. Существует и такой вариант движения научной мысли, когда старая теория сохраняется, но в ином качестве, чем раньше. Если до появления новой теории она выступала как единственная для данной предметной области и в этом смысле как всеобщая, то теперь — как истинная только в определенных рамках, как частный случай новой теории.

Возникновение теории относительности и квантовой механики не привело к отказу от классической механики. Последняя оказалась совершенно верной, но лишь в применении к ситуациям, когда малы скорости, слабы поля тяготения и величина кванта действия стремится к нулю. Такая форма связи между старыми и новыми теориями получила название *принципа соответствия*.

¹³ Бройль Л. де. По тропам физики... С. 137.

Об этом принципе написаны горы работ. Для тех, кто хорошо знаком с теорией абсолютной и относительной истины, может показаться странным такое чрезмерное внимание к одному из частных проявлений диалектики этих двух моментов познания. Но все дело в том, что люди, которые подняли этот шум, либо совсем не знали о существовании этой теории, либо ничего в ней не поняли. Теми же причинами объясняется ажиотаж вокруг взглядов постпозитивиста Карла Раймунда Поппера (1902-1994) на процесс познания вообще, на истину и заблуждение в частности. По существу, он попытался проложить тропинку там, где давно существует большая торная дорога, причем попытка эта ни к чему дельному не привела. Он подметил и абсолютизировал некоторые моменты процесса познания при полном игнорировании всех остальных.

3. Конкретность истины

Истина, как уже указывалось, не зависит ни от человека, ни от человечества. Но она зависит от места, условий и времени. В этом смысле абстрактной истины никогда нет, истина всегда конкретна. Частные проявления конкретности истины философы отмечали давно. «...Одно и то же предложение либо одно и то же суждение (*intellectus*), — писал, например, крупный средневековый схоласт-мыслитель Пьер (Петр) Абеляр (1079-1142), — в разное время могли оказаться истинными или ложными: например, если кто-либо подумает или скажет о сидящем Сократе, что он сидит, то эта мысль, как выражение в речи, будет истинной, и она же будет ложной, после того как [Сократ] встанет»¹⁴. Видный деятель века Просвещения Шарль Луи Монтескье (1689-1755) как-то заметил в одном из своих «Персидских писем», правда, скорее в виде насмешки, чем всерьез: «То, что в одно время является правдой, в другое бывает заблуждением»¹⁵.

¹⁴ *Абеляр П.* Диалектика (Предикаменты) // *Абеляр П.* Теологические трактаты. М., 1995. С. 101.

¹⁵ *Монтескье Ш.* Персидские письма. М., 1956. С. 187.

Но одним из первых, если не первым, принцип конкретности истины совершенно четко выразил Г. Гегель. «Если истина — абстрактна, — читаем мы в его „Лекциях по истории философии“, — то она — не истина. Здравый человеческий разум стремится к конкретному...»¹⁶ Положение «Отвлеченной истины нет; истина конкретна»¹⁷ выдающийся русский мыслитель Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889) рассматривал как один из важнейших принципов гегелевской философии и полностью принимал его. «Мы, — писал И. Дицген, — не ищем, не знаем и знать не хотим об истине „в себе“, о „всеобщей“, „вечной“, „ясной“ истине. Мы хотим конкретную, человеческую, временную, историческую истину, связанную с местом, временем и материей, с конкретными условиями и обстоятельствами...»¹⁸ И, говоря все это, он ссылаясь на К. Маркса: «Это, господа, марксистская истина. Заслуги нашего знаменитого предшественника не ограничиваются анализом капитала и политической экономии. Заслуга Маркса заключается в том, что он открыл новую *теорию истины*, истинную теорию познания, которая рассматривает связь между душой и телом, мышлением и бытием»¹⁹. Огромное значение принципу конкретности истины придавал В. И. Ленин. «Основное положение диалектики, — писал он, — абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»²⁰. Это положение он повторял снова и снова²¹. «Весь дух марксизма, — читаем мы у него, — вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (χ) лишь в связи с конкретным опытом истории»²². Ставя вопрос: «В чем самая суть, живая душа марксизма?», В. И. Ленин отвечал на него: «конкретный анализ конкретной ситуации»²³.

¹⁶ Гегель Г. Лекции по истории философии. Кн. 1 // Соч. Т. 9. [Л.], 1932. С. 30.

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Избранные философские сочинения. Т. 1. М., 1950. С. 666.

¹⁸ Дицген И. Есть и пить — самое главное // Дицген И. Против идеализма и поповщины. М.; Л., 1926. С. 230.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад // Полн. собр. соч. Т. 8. С. 400.

²¹ Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад. Ответ В. И. Ленина Р. Люксембург // Полн. собр. соч. Т. 9. С. 37.

²² Ленин В. И. Письмо И. Ф. Арманд // Полн. собр. соч. Т. 49. С. 329.

²³ Ленин В. И. «Коммунизм». «Журнал Коммунистического Интернационала для стран Юго-Восточной Европы» (на немецком языке). Тетради 1-2, от 1 февраля 1920, до 18-й, от 8 мая 1920 // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 136.

С проблемой конкретности истины мы уже столкнулись в предшествующем разделе при рассмотрении вопроса о смене одних теорий другими. После появления новой теории старая далеко не всегда превращается в частный случай первой. От нее могут полностью отказаться. Речь, разумеется, идет не об игнорировании фактов, на базе которых строилась эта теория. Они, конечно, сохраняются, хотя теперь по-новому интерпретируются. Не может, разумеется, быть и речи об отказе от тех моментов соответствия, тех крупиц абсолютной истины, которые имелись в старой теории. Они так или иначе входят в состав новой теории и в этом смысле сохраняются. Но от старой теории как от целостного концептуального образования отказ все же происходит. От нее отказываются как от заблуждения. Таким образом, теория, которая в определенное время и в определенных условиях не просто считалась, но действительно была истинной, в другое время и в других условиях становится ложной.

Принцип конкретности истины применим не только к теориям, но и к любым истиннонесущим мыслетворениям, в частности, конечно, и к суждениям, включая и житейские. Допустим, за окном льет дождь. Я говорю: «Дождь идет». Данное суждение в данный момент времени и применительно к данному месту несомненно является истинным. Но вот дождь прекратился, а я по-прежнему повторяю: «Дождь идет». Мое суждение ничуть не изменилось, оно осталось точно таким же, каким было раньше. И в то же время оно коренным образом изменилось, ибо из истинного превратилось в ложное. А кардинально изменилось оно потому, что оно не изменилось. Истина есть соответствие между миром и действительностью. В мире произошли изменения, а мысль о нем осталась той же самой. В результате на смену соответствию между миром и суждением пришло несоответствие между ними. И теперь, чтобы мое суждение осталось истинным, нужно его изменить, привести мысль в соответствие с изменившимся миром.

Зависимость истины от времени особенно наглядно проявляется в общественных науках. Природный мир за время существования науки не претерпел никаких существенных трансформаций. В принципе он остался тем же самым. Все изменения в естественно-научном знании связаны с его все более глубоким проникновением в этот принципиально не изменившийся мир. В отличие от природы, общество за это время претерпело существенные изменения.

Буквально на глазах ученых и философов возникли новые, ранее не существовавшие его формы. В Новое время возникло капиталистическое общество, которое в своем последующем развитии значительно изменилось; в Новейшее время в России вначале возникло, а затем погибло общество, которое именовалось социалистическим. В результате в общественных науках те или иные концепции полностью или частично перестали соответствовать реальности лишь потому, что сама эта реальность стала другой. Они находились и сейчас находятся в соответствии с бывшей реальностью, но не соответствуют сегодняшней реальности.

Нужно отметить, что понимание того, что истина конкретна, всегда присутствовало в обыденном, житейском познании. Нельзя не вспомнить русскую народную сказку о набитом дураке. Сын, вернувшись домой, рассказывает матери, что видел мужиков, которые молотили горох. Он им пожелал «молотить три дня и намолотить три зерна», за что его побили. Мать ему на это сказала, что нужно было пожелать им: «Носить — не переносить, таскать — не перетаскать», — и они тогда бы поделились с ним горохом. Сын принял совет к действию. На следующий день, увидев похоронную процессию, он высказал ее участникам это пожелание, за что снова был побит. На его жалобы мать сказала, что ему нужно было произнести: «Канун да ладан» и поплакать, тогда бы его накормили и напоили. На следующий день сын произнес эти слова и заплакал, встретив свадебный поезд, и ему снова сильно досталось от обозленных гостей ²⁴.

²⁴ См.: Набитый дурак // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 т. Т. 3. М., 1957. С. 200-201.

Такого рода сказки бытовали у словаков, англичан, немцев, итальянцев, абхазов, абазинов, арабов, народов Северной Африки, вьетнамцев, японцев и многих других культурно-языковых групп²⁵.

4. Граничность (ограниченность), или предельность, истины

Соединя вместе все, что было сказано в предыдущих разделах, можно сделать вывод не только о том, что истина всегда конкретна, но и о том, что любое истинное мыслетворение является истинным только в определенных границах, при выходе за которые оно превращается в свою противоположность — становится ложным. В этом смысле истина всегда гранична, всегда ограничена, всегда предельна.

Граничность истины проявляется в ее конкретности, в ее зависимости от времени, места и условий, но не только в этом. Понятие граничности истины является более широким, чем понятие ее конкретности. Достаточно вспомнить пример с применением принципа соответствия к отношению между релятивистской и классической механикой. Последняя остается верной, но только в определенных пределах. Как только мы выходим за эти границы и пытаемся применить ее, например, к микромиру, то она превращается в свою противоположность, выступает как заблуждение.

И не следует думать, что такого рода явление имеет место лишь тогда, когда мы обращаемся к теориям, ставшим частным случаем новых, более широких теорий.

²⁵ См.: Егорка-дурачок // Словацкие сказки. М., 1955; Смышленный Ганс // Братья Гримм. Сказки. Минск, 1954; Джек-лентяй // Английские народные сказки. М., 1960; Джуфа // Итальянские сказки. М., 1959; О глупце // Абхазские сказки. Сухуми, 1974; Дурак Капатущ // Абазинские народные сказки. М., 1985; Простофиля // Арабские народные сказки. М., 1990; Всем дуракам дурак // Газель с золотыми копытами. Сказки Северной Африки. М., 1988; Правильные ответы // Высокоученый Куинь и другие забавные истории. М., 1974; Настоятель и служка // Японские народные сказки. М., 1965 и др.

Вообще любая теория имеет границы своего применения. При выходе за них она с неизбежностью становится заблуждением. Это прекрасно было показано Ф. Энгельсом на примере закона Бойля о зависимости между объемом газа и давлением, под которым находится газ. «Реньо, — писал Ф. Энгельс, — нашел, что закон Бойля вообще верен лишь приблизительно; в частности, он неприменим к таким газам, которые посредством давления могут быть приведены в капельно-жидкое состояние, и при том он теряет свою силу с того именно момента, когда давление приближается к точке, при которой наступает переход в жидкое состояние. Таким образом, оказалось, что закон Бойля верен только в известных пределах. Но абсолютно ли, окончательно ли он верен в этих пределах? Ни один физик не станет утверждать это»²⁶.

В ложное с неизбежностью превращается любое самое верное положение, когда оно абсолютизируется, раздувается, преувеличивается. «...Всякую истину, — писал В. И. Ленин, — если сделать ее „чрезмерной“ (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно при указанных условиях превращается в абсурд»²⁷. Но, становясь ложным, оно продолжает сохранять в себе крупицу истины, что и позволяет выдавать его за истинное.

Доведение до абсурда можно наблюдать и на примере трактовки совершенно правильного положения о конкретности истины. Современный американский филолог Ханс Келлнер в своем интервью Эве Доманска утверждал: «Истина есть всегда истина данного момента, данной аудитории, данной проблемы и ситуации... Истина — это то, что правдоподобно и убедительно для универсальной аудитории. Но я сомневаюсь в существовании универсальной аудитории в рамках какого-либо человеческого опыта. Это разновидность идеалистического понятия, так же как и сама идея истины. То, что мы имеем, есть рассказы, истинные для данного пространства и времени»²⁸. Стоило Х. Келлнеру добавить к зависимости истины от места, времени и условий ее зависимость от аудитории (т. е. людей), как тут же у него исчезла объективная истина, а тем самым и истина вообще.

²⁶ Энгельс Ф. Анти-Дюринг... С. 93. Роберт Бойль (1627-1691) — английский физик. Анри Виктор Реньо (1810-1878) — французский физик и химик.

²⁷ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 46.

²⁸ Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М., 2010. С. 62.

5. Истинное и ложное

В предшествующих разделах фактически уже было показано, что истинное и ложное, будучи противоположностями, в то же время теснейшим образом связаны: они не только отрицают, но взаимно проникают друг в друга. Но тема эта настолько сложна, что требует специального рассмотрения. Когда этот вопрос рассматривается в литературе, то он обычно формулируется как проблема отношения истины и заблуждения. Это не совсем точно, ибо в истине, в силу ее объективности и только объективности, нет и не может содержаться заблуждение. Когда говорят о диалектике истины и заблуждения, то практически под истиной понимают не собственно истину, а истинные мыслетворения. В них действительно может быть ложное. Однако в использовании привычной формулировки указанной проблемы нет ничего криминального, но при условии понимания ее как отношения истинного и ложного.

Об относительности грани между истинным и ложным некоторые философы говорили задолго до Г. Гегеля. «Мы, — писал Марк Туллий Цицерон (106-46 до н. э.), — не из тех, которым кажется, что нет ничего истинного, но из тех, которые утверждают, что ко всему истинному присоединено нечто ложное, и притом настолько подобное истинному, что нет никакого признака для правильного суждения и принятия»²⁹. «Ведь истинное и ложное, — читаем мы в другой его работе, — столь близко соседствуют друг с другом, равно как и то, что не может быть познано, с тем, что может (если только это вообще существует, но это мы еще увидим), так что мудрец не должен вставать на столь крутом обрыве»³⁰.

²⁹ Цицерон Марк Туллий. О природе богов // Философские трактаты. М., 1984. С. 64.

³⁰ Цицерон Марк Туллий. Учение академиков. М., 2004. С. 139-141.

«...Изменчивость истины, — утверждал Фома Аквинский (1225/6-1274), — следует рассматривать с точки зрения ума, истина которого состоит в [его] согласованности с разумемой [им] вещью. Затем эта согласованность, равно как и любое другое уподобление, может изменяться двояко — через изменение одного из крайних членов. Итак, с одной стороны, истина претерпевает изменения со стороны ума, когда изменяется мнение о вещи, которая сама по себе не изменилась, с другой — когда изменилась вещь, но не мнение [о ней]; в обоих случаях возможно изменение истины в [свою противоположность, а именно] ложь»³¹.

Как указывал французский философ и ученый Блез Паскаль (1623-1662): «Истина так нежна (точнее было бы перевести „тонка“. — Ю. С.), что, чуть только отступил от нее, впадаешь в заблуждение, но и заблуждение это так тонко, что стоит только немного отклониться от него, и оказываешься в истине»³².

Но впервые проблема относительности грани между истинным и ложным была по-настоящему поставлена только Г. Гегелем, а затем разработана с позиций материализма Ф. Энгельсом и другими философами-марксистами.

В предшествовавших разделах было достаточно полно показано, что грань между истинным и ложным является не абсолютной, а относительной. В истинном может присутствовать ложное, в ложном — истинное; истинное может превратиться в ложное, а ложное — стать истинным. Пожалуй, никто так точно не охарактеризовал отношения между истинным и ложным, как Ф. Энгельс. «Истина и заблуждение, — писал он, — подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области...

³¹ *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 1-43. Киев; М., 2002. С. 227.

³² *Паскаль Б.* Письма к провинциалу, или Письма Людовика Монтальта к другу в провинцию и к отцам иезуитам о морали и политике иезуитов. СПб., 1898. С. 31.

Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ указанной узкой области, так эта противоположность делается относительной и, следовательно, негодной для точного научного способа выражения. А если мы попытаемся применить эту противоположность вне пределов указанной области как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т.е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной»³³.

Понимал диалектику истинного и ложного И. Дицген. «Наиболее яркий и в то же время самый поучительный пример настоящего значения противоречия, — читаем мы у него, — дан в противоположности между истиной и заблуждением. Оба эти понятия лежат друг от друга еще дальше, чем Северный и Южный полюса, и все-таки первые два полюса находятся в тесной связи между собой, равно как и последние»³⁴.

В последние десятилетия в западной философии довольно часто стало использоваться слово «фаллибилизм» («фоллибилизм») (от англ. *fallible* — подверженный ошибкам, ненадежный), которое имеет несколько связанных друг с другом, но довольно нечетких значений. Одно из них — взгляд, согласно которому универсальным методом развития человеческого познания является метод проб и ошибок. Его придерживались, например, Ч. Пирс и К. Поппер. Другое, более широкое толкование: невозможность отделения истинного от ложного, а тем самым и познания истины. И в том, и в другом смысле фаллибилизм ошибочен.

Но можно понимать под фаллибилизмом тезис, согласно которому движение к истине не идет по прямой линии, что оно с необходимостью предполагает появление и преодоление заблуждений. Если к этому положению добавить, что в человеческом познании наряду с заблуждением всегда присутствует и объективная истина, которая рано или поздно будет постигнута, то его вполне можно принять.

³³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг... С. 92.

³⁴ Дицген И. Письма о логике // Дицген И. Аквизит философии и письма о логике. М., 1913. С. 152. См. также: Он же. Аквизит философии // Избранные философские сочинения... С. 220-222.

Познание истины с неизбежностью включает в себя возникновение и преодоление заблуждений. Это понимали все великие ученые. «Люди, которые сами не занимаются наукой, — писал Л. де Бройль, — довольно часто полагают, что науки всегда дают абсолютно достоверные истинные положения; эти люди считают, что научные работники делают свои выводы на основе неоспоримых фактов и безупречных рассуждений и, следовательно, уверенно шагают вперед, причем исключена возможность ошибки или возврата назад. Однако состояние современной науки, так же как и история наук в прошлом, доказывает, что дело обстоит совсем не так»³⁵. С ним полностью солидарен другой великий физик XX в. Макс Борн (1882-1970): «...Я убежден, что в науке нет философской столбовой дороги с гносеологическими указателями. Нет, мы находимся в джунглях и отыскиваем свой путь посредством проб и ошибок, строя свою дорогу *позади* себя, по мере того как мы продвигаемся вперед»³⁶.

«Физик, — писал П. Дирак, — предпочитает забыть путь, который привел его к открытию. Он шел по извилистой дороге, сворачивая иногда на ложные тропы, — об этом не хочется теперь даже вспоминать. Ему, может быть, даже стыдно, он разочарован в себе из-за того, что так долго возился. „Сколько же времени я потерял, пойдя по такому пути, — говорит он сам себе. — Я же должен был сразу понять, что он никуда не ведет“⁴. Когда открытие уже сделано, оно обычно кажется таким очевидным, что останется лишь удивляться, как никто не додумался до этого раньше. В таких условиях никому не хочется вспоминать о былой работе, которая привела к открытию»³⁷.

³⁵ Бройль Л. де. Роль любопытства, игр, воображения и интуиции в научном исследовании // Бройль Л. де. По тропам науки... С. 293.

³⁶ Борн М. Эксперимент и теория в физике // Успехи физических наук. 1958. Т. 66. Вып. 3. С. 374.

³⁷ Дирак П. Воспоминания о необычайной эпохе // Дирак П. Воспоминания о необычайной эпохе. Сборник статей. М., 1990. С. 7.

Необычайно ярок и точен афоризм из записных книжек писателя Леонида Израилевича Лиходеева (1921-1994): «Там, где заблуждение наказуемо, истина невозможна»³⁸. Эта же мысль значительно раньше нашла прекрасное выражение в двустиии великого бенгальского поэта и прозаика Рабиндраната Тагора (1861-1941):

Перед ошибками захлопываем дверь.

В смятении истина: «Как я войду теперь?»³⁹

Со справедливостью этих высказываний нельзя не согласиться. Мне пришлось убедиться в этом на собственном опыте. Когда я занялся вопросом о природе социально-экономического строя стран Древнего Востока, то мне было с самого начала ясно, что они ни в коем случае не могут быть отнесены к рабовладельческой общественно-экономической формации. Моя статья «К вопросу о первой форме классового общества», опубликованная в 1957 г., была первой после насильственного обрыва в середине 30-х гг. дискуссии об «азиатском» способе производства в советской философской и исторической литературе работой, в которой отвергался взгляд на древневосточные социоисторические организмы как рабовладельческие. Новая дискуссия об «азиатском» способе производства началась только семь лет спустя, в 1964 г., с тем чтобы снова быть насильственно прерванной к концу этого десятилетия. Но если я был совершенно прав в том, что страны Древнего Востока не были рабовладельческими, то предложенное в указанной статье позитивное решение вопроса было далеко не истинным. Ближе к истине я продвинулся в статьях «Проблема социально-экономического строя Древнего Востока» (1965) и «Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации» (1968), но и там содержались положения, от которых в последующем пришлось отказаться.

³⁸ Зачем хорошему человеку шагомер? Из записных книжек Леонида Лиходеева // Общая газета. 11-17.01.2001. С. 16.

³⁹ Тагор Р. Перед ошибками захлопываем дверь / Пер. А. Ибрагимова // Избранное. Стихи и пьесы. М., 1972. С. 67. То же в переводе С. Северцева: «Мы заперли дверь — заблуждены закрыли пути, // А истина плачет: „Мне тоже теперь не войти!“» (Чудо бытия. Философская поэзия. СПб., 2000. С. 62.)

Окончательно концепция политарного (как я предложил его называть) способа производства была разработана лишь в работе «Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения», написанной в 1973 г., но с трудом опубликованной лишь в 1980 г.⁴⁰

Признание относительности грани между истинным и ложным ни в коем случае не означает отрицание существования этой грани. Она всегда существует и в определенных границах (пределах) не только может быть, но и является абсолютной.

Понимание диалектического характера отношения между истинным и ложным должно быть положено в основу критики любого заблуждения. Как видно из сказанного выше, каждое заблуждение основывается на раздувании, абсолютизации тех или иных сторон действительности, поэтому в нем всегда содержатся какие-то моменты истины. Это, кстати сказать, всегда понимали вдумчивые исследователи. «Обычное заблуждение, — писал крупный английский историк Эдуард Фриман (1823-1892) в интереснейшей работе „Методы изучения истории“ (1884), — никогда не бывает заблуждением полным; оно всегда представляет извращение какой-либо истины; какая-нибудь сторона дела, совершенно верная сама по себе, признается в настолько непропорциональном виде сравнительно с другими сторонами, что практически перестает быть верной»⁴¹.

Поэтому всякая основательная критика заблуждения предполагает выявление не только его несоответствия действительности, но и тех моментов истины, которые были абсолютизированы. Иначе говоря, мало установить, в чем поборник заблуждения неправ, нужно обязательно выяснить, в чем он прав, что дает ему основания выдавать свои взгляды за истинные. Вскрыв моменты истины, содержащиеся в том или ином ложном построении, их нужно очистить от искажений и дать им место в истинной картине действительности. Пока это не будет сделано, заблуждение будет вновь и вновь возрождаться и иметь сторонников.

⁴⁰ См.: Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: Сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.

⁴¹ Фриман Э. Методы изучения истории. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011. С. 60.

Такой подход необходим при рассмотрении любой как научной, так и философской ложной концепции. Особенно важно это при анализе философских построений.

6. Истинное и ложное в развитии мировой философской мысли.

Ложноистинные концепции

«Философский идеализм, — писал В. И. Ленин во фрагменте „К вопросу о диалектике“, — есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное... развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолюте, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть („*вернее*“ и „*кроме того*“) *дорога* к поповщине через один из оттенков бесконечно сложного *познания* (диалектического) человека. Познание человека не есть (resp. не идет) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближавшаяся к ряду кругов, к спирали. Любопытный отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота *volia* гносеологические корни идеализма. А у поповщины (= философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всеильного, объективного, абсолютного, человеческого познания»⁴².

⁴ Ленин В. И. К вопросу о диалектике // Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 322.

Исходя из этих положений, В. И. Ленин при критике тех или иных идеалистических концепций главную задачу видел в том, чтобы выявить, какой именно момент истины был раздут их создателями. Написанное В. И. Лениным предисловие к первому изданию книги «Материализм и эмпириокритицизм» заканчивалось словами: «Что касается до меня, то я тоже — „ищущий“ в философии. Именно: в настоящих заметках я поставил своей задачей разыскать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путанное и реакционное»⁴³.

За непонимание этой истины В. И. Ленин критиковал крупного русского философа Георгия Валентиновича Плеханова (1856-1918). «Плеханов, — писал он, — критикует кантианство (и агностицизм вообще), более с вульгарно-материалистической, чем с диалектико-материалистической точки зрения, поскольку он лишь а limine отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая *связь и переходы* всех и всяческих понятий»⁴⁴.

Это определило недостатки и плехановской критики махизма. «... Нельзя взять в руки литературы махизма или о махизме, — указывал В. И. Ленин, — чтобы не встретить претенциозных ссылок на новую физику, которая-де опровергла материализм и т.д. и т.п. Основательны ли эти ссылки, это вопрос другой, но связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению. Разбирать махизм, игнорируя эту связь, — как это делает Плеханов, — значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса»⁴⁵.

⁴³ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм... С. 11.

⁴⁴ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Философские тетради... С. 161.

⁴⁵ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм... С. 265.

Возвращаясь к приведенной выше цитате из фрагмента «К вопросу о диалектике», должен сказать, что не со всеми содержащимися в нем положениями я согласен. Все-таки не всякая домарксистская идеалистическая философия есть поповщина. О существенном различии между философским идеализмом и религией мною уже было достаточно сказано в первой книге цикла (1.6.1), и повторять это нет необходимости. Не думаю, что В. И. Ленин прав, когда характеризует весь философский идеализм как пустоцвет. Это применимо ко всей современной буржуазной философии и многим философским идеалистическим учениям прошлого. Но далеко не ко всем.

Дело в том, что в философии в эпоху до возникновения диалектического материализма многие моменты, стороны, грани и т. п. человеческого познания не могли быть открыты в адекватной форме. Чтобы обнаружить тот или иной момент познания, необходимо было его абсолютизировать, раздуть. Иначе его нельзя было бы заметить. В результате создавались в целом ложные учения, но которые содержали в себе истину. И самое важное заключается в том, что иначе эта истина никогда не смогла бы быть открыта. Иного пути к данной истине в этой области знания не было и быть не могло. Такого рода философские концепции нельзя охарактеризовать иначе как *ложноистинные*. Ложноистинными были учения классиков домарксистского идеализма: Платона, Аристотеля, Г. Лейбница, И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля. Как уже было показано, первый из них открыл понятия и тем самым объективное общее, последний — мышление как объективный процесс, идущий по объективным законам. И эти открытия могли быть совершены только идеалистами, но ни в коем случае не материалистами.

Когда натурматериалисты приступали к исследованию познания, которое представляет собой крайне сложный и противоречивый процесс, они никогда и никак не могли охватить его во всей его целостности и сложности. В результате они начинали раздувать отдельные моменты и тем самым с неизбежностью сползали к идеализму, что можно наглядно видеть на примере хотя бы Демокрита (460-370 до н. э.) и Джона Локка (1632—1704). Боязнь окончательно стать идеалистами на каком-то этапе побуждала их прекращать дальнейшие исследования познания.

Идеалисты же никакой боязни не испытывали, они бесстрашно продолжали абсолютизировать моменты познания и в результате нередко делали великие открытия в области гносеологии, пусть не в адекватной, а в превратной, иллюзорной форме. Домарксистские идеалисты внесли в изучение познания значительно больший вклад, чем натурматериалисты. Если бы философия была только материалистической, она бы вообще не смогла развиваться.

Развитие домарксистской философии было возможно при условии существования как материализма, так и идеализма и непрерывного взаимодействия, борьбы между этими двумя направлениями. Идеализм в истории философии был не менее нужен, чем материализм. Но поскольку открытия идеалистов делались в иллюзорной форме, они во многом оставались непонятными и невостребованными наукой, что особенно наглядно можно видеть на примере философии Г. Гегеля.

Необходимость было извлечь из этих учений содержащуюся в них истину, заменить ложноистинные концепции истинными. Но, как мы видели, натурматериалисты оказались на это неспособны. Сделать это смог только всеобъемлющий материализм, диалектический материализм, который сумел усвоить, включить в себя все достижения предшествующей философской мысли — не только материалистической, но и идеалистической. Когда это произошло, нужда в идеализме исчезла. В гносеологическом плане он стал совершенно ненужным, чего нельзя сказать о плане социальном. Продолжали и продолжают сохраняться общественные классы, заинтересованные в существовании извращенного, ложного взгляда на природу и общество. Это главная причина продолжения существования идеализма в современном мире.

Глава 4. Мыслительные иллюзии. Наука и идеология

1. Иллюзии как вид заблуждения

Кроме обычных заблуждений, представляющих собой просто ошибки познания, существуют и заблуждения особого вида. Суть этих заблуждений заключается в том, что они навязываются человеку той или иной внешней по отношению к познанию объективной силой. Их принято называть *иллюзиями*. И пока эти силы действуют, людям крайне трудно вырваться из плена иллюзий. Преодоление этого вида заблуждений предполагает прекращение или по крайней мере сокращение масштаба действия этих сил. В зависимости от характера действующих сил иллюзии могут носить и несут различный характер. Основными видами иллюзий являются иллюзии религиозные и иллюзии идеологические. Однако грань между ними относительна: существуют и такие религиозные иллюзии, которые одновременно являются идеологическими.

2. Религиозные иллюзии как порождение зависимой практической деятельности

В третьей книге цикла (III.6.4) уже говорилось о существовании двух сфер человеческой практической деятельности: области свободной деятельности и области несвободной, зависимой деятельности. Свободная практическая деятельность была основой получения знаний о природных и социальных явлениях, накопления верных представлений о реальном мире. Совокупность этих знаний, которые носили сугубо эмпирический характер и не образовывали целостной системы, следует назвать *здравым знанием (здравознанием)*. В процессе последующего исторического развития на основе здравознания возникла наука. Свободная практическая деятельность, в процессе которой добывалось здравознание, была основой формирования *здорового смысла*.

Иную роль играла несвободная практическая деятельность. Как уже отмечалось, с самого начального момента появления человека существовала крайне узкая, но тем не менее реальная сфера деятельности, в которой человек обладал достаточной силой, был хозяином, был свободен. Это прежде всего была сфера деятельности по изготовлению орудий, производственная деятельность в самом узком смысле. Что же касается деятельности человека, непосредственно направленной на обеспечение его существования, то результаты ее чаще зависели не столько от собственных усилий человека, сколько от неконтролируемой игры случайностей. В первую очередь это относится к охоте, которая была важнейшим источником средств существования первобытных людей.

Не приводя примеров из этнографической литературы (а их огромное количество), ограничусь одним высказыванием крупнейшего русского этнографа Льва Яковлевича Штернберга (1861-1927), в котором обобщены результаты наблюдений поколений ученых над жизнью тех народов, которые к Новому времени продолжали находиться на стадии первобытного общества: «Какими же методами человек борется за свое существование? В первую очередь применяет он свои собственные силы. Наряду с грубой физической силой он применяет свое великолепное орудие — свой интеллект, свои изобретения — орудия, которые существовали уже с древнейшего известного нам периода человеческого существования. Его основной метод борьбы за существование — это метод техники, изобретений. Но вот оказывается, что все его гениальные изобретения недостаточны для борьбы с природой. При всем своем искусстве в одном случае он направляет стрелу в животное даже в самую плохую погоду и убивает его, а в другом случае при самых благоприятных условиях делает промах, стреляет и не попадает.

В одном случае он может наловить рыбы в один день столько, что ее хватит надолго, а в другом случае могут пройти целые месяцы и он не поймает ни одной рыбы. Одним словом, перед ним в борьбе за существование встает „его величество случай“, то, что мы называем удачей, счастьем и т. д., явление, для него совершенно непонятное, таинственное»¹. Если так велика роль случайностей в жизни наших современников, имеющих за своими плечами накопленный в течение сотен тысячелетий опыт, то тем более была она велика в ранние эпохи истории человечества.

Кстати сказать, не лучше, чем у первобытных людей, обстояло дело и в мире традиционного крестьянства классовых обществ. «В крестьянском быту, — писал один из лучших знатоков жизни русского крестьянина XIX в. Семен Михайлович Пономарев (1865-1889), — встречается масса непредвидимых случайностей: болезнь работников, недосуг, падеж скота, недостаток семян, личная непредприимчивость даже, а кроме того, крестьянину беспрестанно приходится считаться с особыми условиями своего производства: при отсутствии у нас столь важного страхования посевов, деревенец, вспахивая и засевая поле, отдает себя, свое богатство, целый годовой обиход и до некоторой степени свое ближайшее будущее в руки слепой судьбы: выгорит дело, выпадает вовремя дождь, не погубит жара — пан, нет — пропал. Мужик вечно окружен беспросветной неизвестностью, может быть, оттуда у него вырабатывается фаталистическое мирозерцание»².

Человеческая практическая деятельность с самого начала была раздвоена на свободную и несвободную, причем в течение крайне длительного периода сфера второй была неизмеримо более широкой, чем сфера первой. Именно это раздвоение при гигантском преобладании сферы несвободной деятельности породило такую иллюзорную форму отображения реальности, какой является религия.

¹ Штернберг Л. Я. Эволюции первобытных верований // Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012. С. 246-247.

² Пономарев С. Земледельческое братство как обычно-правовой институт сектантов // Северный вестник. 1886. Кн. 10. Отдел 2. С. 8-9.

Только наличие собственной силы хотя бы в одной сфере практической деятельности делает возможным осознание своего бессилия в других сферах, осознание своей зависимости от каких-то иных сил. И эта возможность с течением времени превратилась в действительность. На каждом шагу своей повседневной деятельности, направленной на поддержание существования, человек ощущал зависимость ее результатов не только и не столько от собственных усилий, сколько от неконтролируемой игры случайностей. Сам ход практической деятельности неопровержимо доказывал человеку существование каких-то сил, влияющих на ее результаты и тем самым на всю жизнь людей.

Человек, с одной стороны, не мог не осознать гнета случайностей над собой, а с другой, не мог осознать господствующую над ним слепую необходимость природы адекватно. Власть случайностей, власть слепой необходимости природы над человеком могла быть осознана только в иллюзорной форме. Господствовавшие над человеком, определявшие течение и результаты его практической деятельности естественные силы природы были осознаны им как силы сверхъестественные, надприродные; естественные силы прибрели в сознании человека облик сил сверхъестественных.

Религия возникла не в процессе размышления над причинами каких бы то ни было природных или социальных явлений. Осознание зависимости исхода человеческих действий от сил, иных, чем естественные способности человека, пришло в ходе практических попыток во что бы то ни стало обеспечить достижение желаемых результатов.

Люди той эпохи в своей практической деятельности достаточно широко применяли метод проб и ошибок. Поэтому наряду с действиями, которые реально способствовали достижению цели, действиями здоровыми они совершали массу действий, в действительности ненужных, лишних, зряшных. В сфере свободной практической деятельности происходил своеобразный отбор отдельных действий. Выявлялись здоровые действия, и происходил отсев лишних, зряшных. Происходила выработка *здорового образа* действий.

Иначе обстояло дело в сфере несвободной практической деятельности. В силу того, что здесь результат деятельности зависел не столько от собственных усилий человека, сколько от случайного стечения обстоятельств, отделение нужных действий от ненужных было делом крайне трудным, а иногда и вовсе невозможным. В результате те или иные действия, реально не нужные для достижения цели, могли закрепиться и закреплялись. Так здоровые человеческие действия стали обрастать такими действиями, которые в действительности были совершенно не нужны, но рассматривались людьми как абсолютно необходимые для достижения цели и поэтому сознательно повторялись ими, отнимая и время, и силы. Такие действия были не просто ненужными, а *паразитическими*.

Возникший как восполнение бессилия несвободной практической деятельности *паразитический образ действия* с необходимостью вызвал к жизни *иллюзорный образ мысли*. Наряду со *знанием о* здоровых действиях человека, естественным, понятным образом вызывающих те или иные нужные ему результаты, возникла *вера* в то, что вместе с такими действиями существуют и акты совершенно иного рода, которые обеспечивают успех человеческой деятельности каким-то совершенно непонятным способом. Иными словами, рядом со *знанием о* реальных влияниях одних человеческих действий, *знанием о* естественных силах и способностях человека возникла *вера* в существование таинственных влияний других человеческих действий, в наличие у человека каких-то совершенно иных, совершенно непонятных сил и способностей.

Раздвоение ранее единой живой реальной практической деятельности на деятельность здоровую и деятельность паразитическую имело своим неизбежным следствием раздвоение человеческого познания: наряду со *знанием о* реальных связях и реальных влияниях возникла *вера* в существование у определенных человеческих действий способности каким-то непонятным, таинственным способом обеспечивать достижение желаемого результата. И здесь тоже «вначале было дело». Не мыслительная иллюзия породила практическую, а, наоборот, практическая — мыслительную.

Паразитический образ практической деятельности вызвал к жизни иллюзорный паразитический образ мысли, отличный от здравого смысла, и в результате возникла первая форма религии, которую принято называть *магией* (*колдовством, волшебством, чародейством*). Магия была тем зародышем, из которого в процессе дальнейшего развития возникли все более сложные формы религии: оменализм, фетишизм, эма- низм, демонизм, включая идолопоклонство и шаманизм, политеизм и монотеизм ³.

Практическое происхождение имела не только религия, но и другая, тоже древняя иллюзорная форма отражения действительности — *мифология*. Древнейшие мифы всегда были связаны с определенными ритуальными, обрядовыми действиями. Долгое время считалось, что в отношении мифа и ритуала первичным является миф. Обрядовые действия рассматривались как своеобразная инсценировка мифа. Но в последующем наукой было установлено, что не миф вызвал к жизни ритуал, а, наоборот, обрядовые ритуальные действия породили первые мифы. И здесь «вначале было дело» ⁴. Как писал К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе»: «Общественная жизнь является, по существу, *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и понимании этой практики» ⁵.

В религии с самого начала присутствовало знание. Когда возникла магия, нужно было знать, какие магические действия нужно совершить, чтобы гарантировать успех здоровой человеческой деятельности. Но это знание, в отличие от здравого знания, в реальности не способствовало и не могло способствовать успеху здоровой деятельности. Оно было пустым, зряшным, ложным знанием — *пустознанием, лжезнанием*. И таким религиозное знание оставалось всегда и во всех своих формах, включая самые сложные. Высшей утонченной формой лжезнания является теология (богословие).

³ Подробнее о возникновении и развитии религии см.: *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. 2-е изд. с новым предисловием и приложениями. М., 2002. С. 446-526; *Он же.* Возникновение религии и ее первая исходная форма — магия // Скепсис. № 1. Весна 2001; *Он же.* Основные этапы эволюции первобытной религии // Скепсис. №2. Зима 2002-2003; *Он же.* Религия // Гобозов И. А. Социальная философия. Учебный словарь. М., 2008.

⁴ См.: *Семенов Ю.* Тотемизм, первобытная мифология и первобытная религия // Скепсис. № 3-4. Весна 2005; *Он же.* Миф // Гобозов И. А. Социальная философия..

⁵ *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 3.

3. Социарное сознание как порождение и отражение объективного социального бытия

Домарксистские материалисты придерживались взгляда, согласно которому бытие определяет сознание. Но под бытием они всегда понимали только природу, природное бытие. Поэтому положение о первичности бытия и вторичности сознания фактически сводилось у них к тезису об определяющей роли природного бытия по отношению к взглядам на него (натурарному сознанию). Открыть объективное общественное бытие они оказывались не в состоянии, что неизбежно приводило их к выводу о том, что представление об обществе (социарное сознание) определяет характер общественной среды.

Диалектический материализм является материализмом и историческим — пантоматериализмом. Его основоположники открыли объективное общественное бытие и показали, что оно первично по отношению к социарному сознанию, определяет социарное сознание. Но отношение между объективным социальным бытием и социарным сознанием было далеко не идентично отношению природного бытия и натурарного сознания. Вторичность натурарного сознания по отношению к природе прежде всего выражалась в том, что первое было отражением, образом второго. Особое место среди природных объектов занимал мозг. Он тоже мог отражаться — и отражался — в натурарном сознании. Но последнее выступало по отношению к мозгу не только как его отражение, но в известном смысле и как его продукт, как его порождение.

Объективное социальное бытие как таковое было открыто только марксизмом. Образующие его социально-экономические отношения впервые были обнаружены и стали объектом исследования несколько раньше, но ненамного — лишь с появлением классической буржуазной политической экономии, т. е. где-то с середины XVII в. До этого об их существовании даже не подозревали. Это значит, что они не были объектами сознательного человеческого познания. Однако это отнюдь не значит, что они до XVII в. вообще не отражались в социальном сознании. Объективное социальное бытие, система социально-экономических отношений всегда отражались в социальном сознании, но более чем своеобразным способом.

Как уже было показано в третьей книге цикла (III.1), поиски объективного социального бытия были не чем иным, как поисками объективного источника общественных идей. Если объектом познания эта система стала довольно поздно, то источником общественных идей она была всегда. Она всегда порождала социальное сознание, т. е. выступала в роли, которая в определенной степени аналогична роли мозга по отношению ко всему сознанию.

Но порождение мозгом сознания само по себе ни в коем случае не было отражением его в сознании. Отражение мозга в сознании ничем существенным не отличалось от отображения в сознании других объектов мира. Иначе обстояло дело с системой социально-экономических отношений. Она, порождая социальное сознание, тем самым очень своеобразно отражалась в нем. Люди, отражая подобным образом объективное социальное бытие, совершенно не осознавали ни того, что они что-то отражают, ни того, что именно они отражают. Они и не знали, и не понимали ни того, что в их головах что-то *отражается*, ни того, что именно в их головах *отражается*.

Объективное социальное бытие выступало при этом не как некая объективная субстанция, которую нужно познать, а как некая объективная сила, которая заставляла людей создавать именно такие, а не иные идеи. Объективное социальное бытие всегда порождало определенные объективные интересы: в бесклассовом обществе это были интересы общества в целом, в классовом обществе — интересы и общества в целом, и классов, на которые оно было расколото. Эти объективные интересы, выступая как объективная сила, порождали определенные духовные продукты, и тем самым в этих продуктах незримо, скрыто отражалось объективное социальное бытие.

Это отражение шло в двух основных формах. Первая из них — отражение в форме общественных человеческих эмоций. Объективное общественное бытие, порождая объективные интересы и тем самым выступая как объективная сила, формировало социальную волю и специфически человеческие эмоции, прежде всего чувства долга, чести и совести. Вторая форма — отражение в идеях и их системах, но идеях не адекватных, а иллюзорных. Это непреднамеренное отражение объективного общественного бытия в сознании человека обычно называют идеологическими иллюзиями, иллюзорной идеологией, или просто идеологией. К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря об идеологии, всегда имели в виду иллюзорную идеологию.

«Идеология, — писал, например, Ф. Энгельс, — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представление о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и вообще не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника. Такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое действие кажется *основанным* в последнем счете на мышлении, потому что совершается *при посредстве* мышления»⁶.

⁶ Энгельс Ф. Письмо к Ф. Мерингу, 14 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 83.

Последующие марксисты стали говорить о существовании наряду с иллюзорной идеологией еще и идеологии научной. Не вдаваясь в споры о правомерности такого подразделения идеологии, я буду рассматривать здесь идеологию только в одном смысле этого слова, буду иметь в виду одну только иллюзорную идеологию.

4. Идеология и ее компоненты: социальная программа и социальная мифология

Единицами научного знания являются теории. Имеет свои единицы и идеология. Для обозначения таких единиц я буду употреблять слово «учение». Последнее слово имеет много смыслов: оно нередко используется для обозначения всех вообще концепций, включая и теории. Говорят, например, об учении Дарвина, учении Павлова и т. п. Я здесь буду использовать его в одном узком смысле — для обозначения единицы одной только идеологии.

Теория есть только система идей и понятий, отражающая сущность изучаемых явлений. Она никогда не включает в себя программы действий человека. Суть ее состоит только в объективном отражении сущности исследуемых явлений. Она должна исходить исключительно из фактов. Создание теории диктуется только стремлением к истине. Никакие другие факторы здесь действовать не должны. Другое дело, что теория может лечь в основу той или иной программы человеческой деятельности. Но основанная на той или иной теории программа не входит в теорию, не является ни ее частью, ни ее стороной.

В отличие от теоретической идеи, идея, которая положена в основу учения, прежде всего выражается в программе, причем программе не просто действий, а действий человека по отношению к другим людям, т. е. в программе поведения, социальной. Программная идея и разработанная на ее основе программа человеческого поведения — первая и исходная часть учения. Теоретик вскрывает сущность явлений, создатель учения прежде всего выступает как учитель жизни, он учит людей, как нужно жить, как нужно вести себя. У программы всегда есть определенная объективная основа. Это объективные интересы определенной группы людей — чаще всего общественного класса, подразделения класса, вообще того или иного определенного слоя людей.

Но учителю или учителям мало предложить людям определенную программу поведения, нужно убедить их принять ее, а для этого необходимо ее обосновать. Но доказать правильность предлагаемой программы невозможно без обращения к фактам, прежде всего фактам общественной жизни.

Как уже указывалось, люди долгое время даже не подозревали о существовании объективного социального бытия. Но кроме него всегда существовало субъективно-объективное общественное бытие: система волевых отношений людей, узлами которой были различного рода общественные институты, существовали многообразные действия людей по отношению друг к другу. И все это всегда было вполне доступно познанию людей и всегда познавалось ими. Человеческая картина мира всегда включала в себя картину не только природы, но и общества. И картина общества, как и картина природы в донаучном и ненаучном познании, была двухслойной: первый слой — чувствовопятийный мир для нас, второй — холиофактуальный мир для нас (см. об этом: IV.14.4). Кроме фактов природных всегда существовали факты, относящиеся к обществу.

И учитель, вынужденный заняться фактами, строит из них такую картину реальности, из которой с неизбежностью вытекает правильность пропагандируемой им программы поведения. Таким образом, любое учение включает в себя два компонента: программу поведения и обоснование этой программы. Внешне все это выглядит так, как если бы программа поведения вытекала из созданной на основании фактов картины реальности, прежде всего картины общественной реальности. В действительности же все обстоит в точности наоборот: факты подгоняются под программу, картина реальности строится такой, которая требуется для обоснования программы.

Если картина действительности, предлагаемая теорией, определяется исключительно лишь фактами, то картина реальности, даваемая учением, диктуется интересами определенной группы людей. Здесь, в отличие от науки, присутствуют только такие факты, которыми можно обосновать предлагаемую учением программу поведения. Здесь они действительно вторичны по отношению к концепции, подчинены концепции. Эту вторую часть учения нередко называют *социальной мифологией*. Социальная мифология включает в себя идеи, концепции и созданные на основе этих идей и концепции холии — идеефактуальные (концеп-циофактуальные) картины мира. Элементы социальной мифологии — социальные, или идеологические, мифы, призванные обосновывать содержащуюся в учении программу.

Но программа поведения совершенно необязательно выступает как особая, отличная от социальной мифологии часть учения. Если брать естествознание, то научная теория никогда не включает в себя никакой оценки явлений действительности. И это понятно: ни атомы, ни электроны, ни протоны нельзя охарактеризовать ни как хорошие, ни как злые, ни как хорошие, ни как дурные.

Иное дело — явления общественной жизни. Они всегда подвергаются той или иной оценке. А социальная мифология всегда дает картину прежде всего общества. И, рисуя общество, идеолог всегда оценивает явления общественной жизни либо как хорошие, справедливые, которые тем самым необходимо отстаивать и сохранять, либо как плохие, несправедливые, подлежащие уничтожению. Тем самым задается, иногда совершенно незаметно для последователей учения, определенная программа поведения.

5. Объективное в идеологических иллюзиях

Так как идеология всегда порождается объективной силой, уходящей корнями в систему социально-экономических отношений, то в каждом учении в иллюзорной форме присутствует определенное объективное содержание. Особенно наглядно это можно видеть на примере учений, возникающих в переломные периоды истории того или иного конкретного общества. Когда в результате развития производительных сил возникает объективная необходимость в замене старых социально-экономических отношений новыми, то это далеко не всегда происходит стихийно.

В определенных ситуациях становится необходимой социально-политическая революция. Чтобы старые социально-экономические отношения были уничтожены и утвердились новые, нужен захват власти новым прогрессивным классом и отстранение от нее старого правящего класса.

Но социально-политическая революция не может произойти без появления революционной идеологии. Настоятельно нужным становится, чтобы члены общества, заинтересованные в его преобразовании, осознали необходимость радикальных перемен вообще, отстранения от власти правящей верхушки прежде всего. Революционное учение должно включать в себя программу действий прогрессивных сил общества и обоснование этой программы, в частности оправдание захвата власти. И осознание это рано или поздно происходит, но, как правило, не в адекватной, а в иллюзорной форме.

В ранних буржуазных революциях оно нередко происходило в оболочке религиозных учений. Под знаменем борьбы за истинную христову веру против ее извращения происходила Нидерландская буржуазная революция. Объективной необходимостью для Англии XVII в. была ликвидация абсолютизма и остатков феодальных отношений, что одно только могло обеспечить окончательное утверждение капитализма. Революционные силы этой страны выступали под знаменем пуританизма (от лат. *purus* — чистый), полного очищения христианства от язычества, которым, по убеждению пуритан, был заражен не только католицизм, но и сменившее его в Англии англиканство. Препятствием для победы истинного, очищенного христианства был абсолютизм. Королевская власть стояла на страже англиканства. Поэтому победа правого, «божьего» дела была невозможна без отстранения короля от власти и уничтожения абсолютизма. «Железнобокие» Оливера Кромвеля (1599-1658) шли в бой против «кавалеров» Карла I (1600-1649) с пением псалмов и победили. Король был казнен, королевская власть уничтожена (1649). Сколько-нибудь существенно не изменила положения вещей и Реставрация. А в результате «Славной революции» (1688) с абсолютизмом в Англии было покончено. В ней полностью утвердились капиталистические порядки.

Во Франции XVIII в. революционная идеология была уже не религиозной, а чисто светской. Но это несколько не мешало ей быть иллюзорной. Просветители XVIII в. исходили из того, что существует некая неизменная, вечная природа человека, которая требует равенства, братства и свободы. А существующий порядок исключал реализацию этих краеугольных принципов. Он был деспотическим, он уродовал, калечил природу человека. Поэтому его уничтожение было необходимым условием утверждения человеческого счастья. Под лозунгом братства, равенства и свободы французский народ сверг королевскую власть, уничтожил абсолютизм и одержал победу над внутренними и внешними врагами революционной Франции. Но вместо царства братства, равенства и свободы утвердился капитализм, который принес с собой новую форму эксплуатации человека человеком. Наступило общее разочарование в плодах революции. Но объективная необходимость ликвидации старого строя была уже реализована. Во Франции утвердился капитализм, и стал возможным дальнейший прогресс общества.

Умению найти в иллюзорной идеологии за иллюзорной формой скрытое в ней объективное содержание учил марксистов В. И. Ленин. Он это наглядно показал на примере идеологии русского народнического социализма. «Ошибка некоторых марксистов, — писал он, — состоит в том, что, критикуя *теорию* народников, просматривают ее исторически-реальное и исторически-правомерное содержание в борьбе с крепостничеством. Критикуют, и справедливо критикуют, „трудовое начало“ и „уравнительность“ как отсталый, реакционный, мелкобуржуазный социализм и забывают, что эти теории выражают передовой, революционный мелкобуржуазный демократизм... И плох был бы тот марксист, который, критикуя фальшь социалистического прикрытия буржуазных лозунгов, не умел бы оценить исторически-прогрессивного значения их как самых решительных буржуазных лозунгов в борьбе против крепостничества»⁷.

⁷ Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 213-214.

Такого рода примеров можно привести множество. Но вряд ли в этом есть необходимость. И приведенного выше вполне достаточно, чтобы понять суть идеологических иллюзий. Эти учения сознательно, преднамеренно создавались, но объективное социальное бытие отражалось в них бессознательно, непреднамеренно. В марксистской философской литературе проблема идеологических иллюзий была в свое время хорошо разработана в работе известного британского философа-марксиста Мориса Корнфорта (1909— 1980) «Диалектический материализм. Введение» (1952-1954)⁸ и в работе югославского философа-марксиста Любомира Живковича (1900-1968) «Теория социального отражения» (1962)⁹.

6. Философия как наука и философия как идеология

Как было уже сказано, философия, будучи прежде всего теорией познания, включает в себя в качестве необходимейшего момента предельно общий взгляд на общество, его историю и на человека как социальное существо. И это обстоятельство существенно сказалось на всей философии в целом, делая ее не только наукой, но одновременно и идеологией.

Философские концепции, как правило, являются одновременно и теориями, и учениями. Но в разных философских системах соотношение научного, теоретического и идеологического бывает самым различным. Были системы почти полностью научные, были системы, сочетавшие в себе в разных пропорциях науку и идеологию. И были, наконец, системы, представлявшие собой чистые учения, чистую идеологию. Именно эти последние и были охарактеризованы в первой книге цикла (1.1.1) как парафилософские. Самые яркие примеры: иррационализм во всех своих разновидностях, все варианты современной религиозной философии, философия постмодерна.

⁸ См.: *Корнфорт М.* Диалектический материализм. Введение. М., 1956. С. 365-378.

⁹ См.: *Живкович Л.* Теория социального отражения. М., 1969.

На философию влияют не только интересы тех или иных групп общества. Каждое конкретное общество может находиться в разных состояниях: переживать расцвет, находиться в упадке или даже клониться к гибели. Каждое состояние общества порождает определенные настроения как в обществе в целом, так и в различных слоях его населения. И когда существует философия, все это находит в ней выражение в виде тех или иных учений.

Бывают периоды, когда философия выступает прежде всего как наука, в ней идет смена теорий, делаются открытия, которые навсегда остаются достоянием человечества. Это эпохи расцвета философской мысли. Одна из самых известных таких эпох — VI-IV вв. до н. э. в Древней Греции, другая — вторая половина XVI - первая половина XIX в. в Западной Европе.

Но бывают и такие периоды, когда философия выступает прежде всего как идеология, теоретическая ее составляющая либо уходит на задний план, либо даже полностью исчезает. В последнем случае перед нами не столько философия, сколько парафилософия и даже лжефилософия. Можно назвать две таких эпохи: III в. до н. э. - V в. н. э. в античном мире, вторая половина XIX - начало XXI в. в Западной Европе.

Некоторые патриотически настроенные авторы необычайно гордятся самобытностью философских систем, созданных в их родной стране. Эта кичливость более чем смешна. Ведь истина-то объективна. Поэтому чем этнически самобытнее та или иная философская система, тем в большей степени она представляет собой учение, а не теорию, и, соответственно, тем дальше она отстоит от науки и от истины.

Известный отечественный философ Александр Леонидович Никифоров прямо отстаивает идею о том, что если наука интернациональна, то философия — всегда национальна¹⁰. Это вполне гармонирует с его общим взглядом на философию как на нечто, кардинально отличное от науки и совершенно неспособное давать истину.

¹⁰ *Никифоров А. Л.* Философия в России: к апологии свободы // Эпистемология и философия науки (далее — ЭФН). 2010. Т. 23. № 1. С. 127-128.

Глава 5. Объективность, субъективизм, партийность и объективизм

1. Объективность и субъективизм

Объективность — это прежде всего существование вне и независимо от сознания. Быть объективным означает существовать вне и независимо от сознания. Но кроме этого основного смысла словопонятия «объективность» и «объективный» имеют и иные значения. Истина, как уже указывалось, объективна и только объективна, но ее объективность не полностью тождественна объективности мира. Мир может существовать и без сознания, а истины без сознания быть не может, ибо она есть особого рода отношение между миром и сознанием, но при этом такое, которое не зависит от сознания.

Говорят не только об объективности мира, но, например, и теории, взгляда, мнения и т. п. При этом имеется в виду их соответствие объективной реальности, т. е. их истинность. Когда говорят об объективном подходе человека к решению той или иной проблемы, под этим подразумевается стремление понять мир таким, каким он является на самом деле. Когда человека характеризуют как объективного, то имеется в виду вовсе не объективность его существования. Под объективностью человека здесь понимается и его стремление, и его способность увидеть мир, каким он является в действительности, ни на йоту не отклоняясь от истины.

Нередко говорят также и об объективности мышления. При этом имеется в виду его абсолютная ориентированность на достижение истины, какой бы она ни была, на его полную беспристрастность. В частности, она выражается в том, что человек способен отказаться от самой любимой идеи, если выясняется ее ложность.

Об этом, как мы уже видели, писали и Иоганн Готтлиб Фихте (1762-1814) (см. 1.2.1), и крупнейший французский физиолог и медик Клод Бернар (1813-1878) (см. IV.13.2). Насущно необходимым для ученого считал великий русский естествоиспытатель Иван Петрович Павлов (1849-1936) «абсолютное беспристрастие мысли». «Это значит, — пояснял он, — что как бы вы ни возлюбили какую-нибудь вашу идею, сколько бы времени ни потратили на ее разработку, — вы должны ее откинуть, отказаться от нее, если встречается факт, которые ей противоречит и ее опровергает. И это, конечно, представляет страшные испытания для человека. Этого беспристрастия мысли можно достигнуть только многолетней, настойчивой школой»¹.

Во всех этих случаях значение словопонятий «объективный», «объективность» либо прямо совпадает со смыслом словопонятий «истинность», «истинный», либо теснейшим образом с ними связано. В этих выражениях наглядно проявляется стихийное убеждение всех нормальных людей, что истина может быть только объективной и никакой другой.

Противоположностью данного смысла слова «объективность» является значение слова «субъективизм». Последнее слово ни в коем случае не является синонимом слова «субъективность».

Субъективность с необходимостью присуща всем без исключения образам внешнего мира: ощущениям, восприятиям, представлениям, понятиям, идеям, холиям, теориям. Они объективны по содержанию, субъективны по форме. Понимаемая таким образом субъективность совершенно неустраима.

Иное дело — *субъективизм*. Он представляет собой бессознательное или сознательное отклонение от истины, от пути, ведущего к истине. Причин может быть много. Нередко они коренятся в сложностях и трудностях процесса познания: недостаточность фактов, невозможность или неспособность выдвинуть новую истинную идею и т. п. Как уже указывалось, процесс движения к истине включает в себя появление и преодоление частных заблуждений. Это, если можно так выразиться, гносеологические причины субъективизма.

¹ Павлов И. П. Об уме // Неопубликованные и малоизвестные материалы И. П. Павлова. Д., 1975. С. 21.

Другие его причины могут лежать и лежат за пределами познания, являются непознаваемыми, вненаучными. Ими могут быть те или иные особенности человека, в частности его сугубо личные интересы. Уже ранние исследователи научного познания указывали на самолюбие, тщеславие, корысть как на факторы, побуждающие ученого отклоняться от истины ².

Желая добиться известности, славы, высокого положения, обогащения, человек не останавливается перед прямыми подлогами. Подобного рода субъективизм опасен и тем, что человек, достигнувший таким путем высокого положения в обществе, использует его для борьбы против тех, кто отстаивает истину. Субъективизм в таком случае заключается не только в отклонении от истины, но и в стремлении задушить ее, покончить с ней. Самое страшное, когда создается целая клика людей, заинтересованных в том, чтобы не дать своим оппонентам возможность отстоять истину. В качестве примера можно привести борьбу академика Трофима Денисовича Лысенко (1898-1976) и его приверженцев против хромосомной теории наследственности, нанесшую огромный ущерб отечественной науке. В первой (I.1.2-3) и четвертой (IV.6.3; 11.3) книгах цикла уже приводились примеры других лженаучных построений, создания лжефактов, подделок. Еще больше их можно почерпнуть из литературы ³.

Бывает, что людьми движут вроде бы самые благородные побуждения. Так, например, Вацлав Ганка, возможно, создал «Краледворскую рукопись», исходя из чисто патриотических соображений (см. IV.6.3). Такие же мотивы движут, по-видимому, многими из тех, кто продолжает выдавать «Велесову книгу» за подлинный памятник древнерусской культуры (см. там же). Но суть дела от этого не меняется. Чем бы ни был вызван субъективизм, он с неизбежностью означает отклонение от истины, а тем самым приводит к самым печальным результатам.

² См., напр.: *Навиль Э.* Логика гипотезы. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011. С. 124-128.

³ См.: *Лук А. Н.* О предвзятости и пристрастии в науке (аналитический обзор) // Проблемы научного творчества. Вып. 3. М., 1983; *Кругликов Э. П.* «Ученые» с большой дороги. М., 2001; *Формозов А. А.* Человек и наука. Из записей археолога. М., 2005 и др.

2. Объективность и партийность

Наивысшей степени развития субъективизм достигает, когда в сокрытии правды и распространении заблуждения заинтересованы те или иные общественные классы или отдельные фракции этих классов. В таком случае принято говорить о *партийности*. О силе партийности писал в свое время крупнейший английский философ Томас Гоббс (1588-1679). «Я не сомневаюсь, — читаем мы в „Левиафане“, — что если бы истина, что *три угла треугольника равны двум углам квадрата*, противоречила бы чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии»⁴.

Когда-то у нас в СССР широкое хождение имело мнение о том, что все науки партийны, не исключая и естественных, что за теоретической борьбой в естествознании может стоять и стоит столкновение интересов разных общественных классов. Вот что, например, писал в 1926 г. философ и физик по образованию Василий Петрович Егоршин (1898-?) в статье «Естествознание и классовая борьба»: «Уже из того, что естествознание является составной частью идеологии или мировоззрения, с очевидностью следует, что естествознание одинаково подвержено всевозможным классовым влияниям, как и другие идеологии. Совершенно непонятным было бы, почему, — раз согласно методологии исторического материализма ничего в обществе нет неклассового, — почему это естествознание, всегда бывшее ареной ожесточеннейшей борьбы разных направлений и школ, должно рассматриваться так, как будто оно похоже на того дьяка, который

Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева?..»⁵

⁴ Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения в 2 т. Т. 2. М., 1964. С. 133.

⁵ Егоршин В. Естествознание и классовая борьба // Под знаменем марксизма (далее — ПЗМ). 1926. № 6. С. 123. См. также: Он же. Естествознание, философия и марксизм. М., 1930. С. 87-88.

«Надо заострить внимание, — читаем мы в другой статье того же автора, — на партийном характере физики... Большевистская партийность в области физики означает, что партийные задачи пронизывают все содержание физики, когда выдвигаются такие проблемы, делается ударение на таких вопросах, которые имеют значение для осуществления генеральной линии партии, когда физик становится на точку зрения пролетариата безраздельно и эту точку зрения выражает по *любому* вопросу»⁶.

И это было не мнение одного человека, а официальная позиция. В опубликованной в 1930 г. редакционной статье журнала «Естествознание и марксизм» утверждалось: «Совершенно очевидно, что никакая теория, особенно в условиях обострения классово-борьбы, не может быть свободна от политики, что не могут быть не партийными философские основы и выводы науки... Философия, естественные и математические науки так же партийны, как и науки экономические или исторические»⁷. В полном соответствии с таким взглядом названный журнал в 1931 г. решением президиума Коммунистической академии был переименован. Он стал называться «За марксистско-ленинское естествознание».

Партийной была объявлена и химия. Соответственно, великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев (1834-1907) был назван «ярким, наиболее активным представителем буржуазной химии»⁸. Не избежала такой участи и математика. «Подводя итоги, — писал философ, математик по образованию Эрншт (Эрнест) Яромирович Кольман (1892-1979), — можно сказать: математика прежде всего не составляет исключения по сравнению со всеми остальными науками, она так же, как и все остальные науки, общественные и естественные, должна быть у нас партийной наукой. Ведь не случайно такие люди, как

Троцкий, говорили о том, что арифметика не знает партийности, что она не знает политики»⁹.

⁶ *Егоршин В.* О положении на фронте физики и и задачи Общества физиков-материалистов // За марксистско-ленинское естествознание (далее — ЗМЛЕ). 1931. №1. С. 116.

⁷ За партийность в философии и естествознании // Естествознание и марксизм. 1930. №2-3. С. IV

⁸ *Кедров Б., Никифоров В.* К вопросу о менделеевских химических съездах // ЗМЛЕ. 1931. №2. С. 12.

⁹ *Кольман Э.* Политика, экономика и... математика // ЗМЛЕ. 1931. № 1. С. 40.

Следуя подобному рода догме, Т. Д. Лысенко именовал свою концепцию наследственности марксистско-ленинской и противопоставлял ее растленной буржуазной генетике.

Но в последующем идея партийности естественно-научных теорий, зависимости их содержания от социальных факторов подавляющим большинством советских философов была оставлена. Стало ясно, что если можно говорить о партийности науки, то лишь в отношении общественных наук. Самое, пожалуй, любопытное, что в последние десятилетия в западной философии и социологии науки усиленно отстаивается и пропагандируется идея «социально-культурной обусловленности (детерминированности)» естественно-научного знания, довольно сходная со взглядами советских философов 30-х гг. В то время, например, увидела свет книга философа и физика Бориса Михайловича Гессена (1883-1936) «Социально-экономические корни механики Ньютона» (М.: Л., 1933). На Западе в 1974 г. появилась работа ученика Т. Куна, американского историка науки П. Формана «Веймарская культура, причинность и квантовая теория, 1918-1927: Адаптация германских физиков и математиков к враждебному интеллектуальному окружению», в которой основные особенности квантовой механики выводятся из духовной атмосферы германского общества, порожденной поражением страны в Первой мировой войне¹⁰. Идея «социальнокультурной обусловленности (детерминированности)» была с величайшим восторгом принята многими нашими философами¹¹. Вот что, например, утверждает в вступительной статье к сборнику «Естествознание в гуманитарном контексте» (1999): «...По возрастающей идет развитие и обоснование тезиса, согласно которому человеческая культура накладывает неизгладимый отпечаток на создаваемую в процессе научного исследования картину мира. В человеческом познании, утверждает Хайдеггер, „действительность истолковывается в свете идей, и мир взвешивается ценностями“, и от этого факта естествознанию не уйти»¹².

¹⁰ *Forman P.* Weimar culture, causality and quantum theory, 1918-1927: Adaptation by german physicists and mathematitians to a hostile intellectual environment // Historical studies in the physical sciences. Philadelphia, 1974.

¹¹ См., напр.: Социокультурная детерминированность науки. М., 1984; Социокультурные факторы развития науки (по материалам историко-научных исследований). М., 1987; *Черняк В. С.* Интеллектуальные революции, их предпосылки и динамика // Грани научного творчества. М., 1999 и др.

¹² Предисловие // Естествознание в гуманитарном контексте. М., 1999. С. 3.

Обращаясь к давлению классовых интересов на представления об обществе, мы возвращаемся к той самой теме, которая выше была более или менее детально рассмотрена — к проблеме идеологии и идеологических иллюзий. Всякое учение, всякая идеология всегда партийна, и иной она быть не может. Не повторяя уже сказанного об идеологических иллюзиях, остановлюсь лишь на тех моментах, которые еще не рассматривались.

Иногда идеологические (включая религиозные) иллюзии трактуются как сознательный обман. Достаточно вспомнить появившийся в XVI в. знаменитый трактат «О трех обманщиках», в котором речь шла о Моисее, Магомете (Мухаммеде) и Иисусе Христе. Однако само по себе понятие идеологической иллюзии исключает обычный простой обман. Идеологическая иллюзия всегда предполагает самообман. И создатель учения, и его последователи всегда сами находились в плену иллюзий, верили в них.

Для человека, принадлежащего к тому или иному общественному классу, интересы этой группы являются настолько своими, привычными, родными, что он даже не замечает, как они давят на него. Ведь не замечает же обычный человек давление на его тело огромного столба воздуха. Поэтому очень часто человек всецело принимает и готов всеми силами защищать и отстаивать идеологию, в которой обосновываются интересы его класса, являющиеся и его собственными. У него нередко нет даже сомнений в истинности данной концепции. А если они все же начинают закрадываться, то само по себе осознание выгоды этих взглядов, как для его класса, так и для него самого, побуждает душить эти сомнения и защищать данные положения. Здесь уже к самообману добавляется и обман.

3. Агитация, пропаганда, «пиар», средства массовой информации

Суть идеологии в классовом обществе заключается в ее служении классовым интересам. Каждый правящий класс, чтобы обеспечить свое господство, нуждается не только в государственной машине принуждения, но и в идеологии. Только при помощи идеологии можно сформировать у большинства членов общества такие персономиры (см. об этом понятии: II.5.5; IV10.1), которые побуждали бы их носителей действовать так, как нужно и выгодно господствующему классу. Если у трудящихся будут сформированы такие персономиры, в которых общественная реальность выступит не как мир эксплуатации и насилия, каким он на самом деле является, а как мир если и не полностью справедливый, то по крайней мере единственно возможный, то повиновение их властям будет обеспечено.

Распространение, внедрение идеологии, выгодной правящему классу, в широкие массы — важнейшая для этого класса задача. Как уже указывалось, всякая идеология включает в себя два компонента: программу действий и ее обоснование — социальную мифологию. Отсюда вытекают два вида деятельности по внедрению идеологии. Первый — агитация: призывы к действиям, заложенным в программе. Второй — пропаганда: обоснование действий, предписываемых программой, распространение социальных, идеологических мифов. Понятия агитации и пропаганды известны давно. Агитацией и пропагандой занимались не только правящие круги, но и силы, враждебные им. Противники существующего строя раскрывали его язвы и призывали к его свержению. В последние десятилетия слова «агитация» и «пропаганда» были отеснены на задний план или даже вытеснены словосочетанием «public relations» или его сокращением — PR, что произносится как «пиар». Пиар включает в себя и агитацию, и пропаганду, и рекламу (позитивную и негативную).

Распространение идеологии приобрело гигантский размах с появлением того, что было названо средствами массовой информации (СМИ). Первым из них стала возникшая вместе с капитализмом периодическая печать. Она сразу продемонстрировала свою пропагандистскую мощь. Как писал выдающийся британский поэт Джозеф Редьярд Киплинг (1865-1936), который одно время сам был журналистом:

Солдат забудет меч и бой,
Моряк — океанский шквал,
Масон пароль забудет свой,
И священник забудет хорал.
Девушка — перстни, что мы ей дарим,
Невеста — «да» прошептать,
И еврей забудет Иерусалим,
Скорей, чем мы Печать!!

<...>

Интердикты Папа пишет зря,
Зря декреты волнуют умы,
Вот пузырь раздут — и нет пузыря,
Это делаем только мы!
Помни о битве, она страшна,
И троны должны признать,
Что Королева гордыни одна:
Печать — Печать — Печать!¹³

Вслед за печатью в XX в. появились радиовещание, кинематограф и, наконец, телевидение. Все важнейшие средства массовой информации находятся в руках господствующего класса. И посредством их формируются персономы читателей, слушателей и зрителей. В результате их воздействия на умы людей их персономы все более и более отклоняются от мира, каков он на самом деле. Реальный компонент мира для нас все более замещается псевдореальным и реально-псевдореальным (см. IV.5).

Появились имиджмейкеры (от англ. *image* — образ, подобие и *make* — делать) — специалисты, создающие квазиобразы тех или иных людей, чаще всего политических деятелей, резко отличные от их оригиналов, и тем самым подменяющие реальные существа реально-псевдореальными.

¹³ Киплинг Р. (Пер. А. Оношкович-Яцыны.) Печать // Киплинг Р. Стихотворения. Роман. Рассказы. М., 1998. С. 315-316.

Как говорил один такой мастер, он, если ему хорошо заплатят, проведет в президенты США рыжего пса против апостола Павла. Читаются курсы лекций и появляются учебники по пиару и имиджелогии. В результате такого рода действий рядовой человек, находящийся под могучим воздействием СМИ, особенно телевидения, оказывается не в состоянии провести грань между реальным миром для нас — и тем самым объективной действительностью — и псевдореальным миром для нас.

Это явление было подмечено некоторыми современными философами. Жоржем Батаем (1897-1962) был введен в оборот термин «симулякр» (фр. *simulacres*, лат. *simulatio* — видимость, притворство). Он был принят и по-разному интерпретировался философами-постмодернистами и не только ими. Жаном Бодрий- яром (1929-2007) была написана книга «Симулякры и симуляция» (1981). Одно из основных значений слова «симулякр» — симуляция образа, копия, у которой никогда не было и нет оригинала. Постмодернисты говорят не только о гносеологической, но и об онтологической «проекции» симулякра. Но так как они не признают существования объективного мира и отказываются от теории отражения, то по-настоящему разработать это понятие они оказались не в состоянии. Для них характерен крайний эклектицизм в этом, как и во многих других вопросах. Отрицая существование объективной реальности, они в то же время пишут о происходящей в современном обществе подмене реального симуляцией, о невозможности провести грань между ними. В целом все, что написано постмодернистами по проблеме симуляции и симулякров, поражает алогизмом и бестолковостью.

Если обратиться к личностям журналистов и вообще всех подвизающихся в разных ролях в сфере СМИ и пиара, то среди них можно обнаружить как людей, искренне убежденных, что они вещают правду, так и откровенных циников, которые ни во что не верят и готовы за приличные деньги доказывать, обосновывать и оправдывать все, что только угодно их хозяевам. А между этими полюсами существует масса переходных фигур, у которых самообман и обман сочетаются в разных пропорциях. Наряду со стремлением к материальному благополучию многими из них движет страх потерять достигнутое положение и подвергнуться преследованию в случае, если они будут говорить невыгодную хозяевам правду.

Если объявлять «Велесову книгу» историческим источником побуждает тех или иных людей бескорыстный ура-патриотизм, стремление приукрасить историю родного народа, то совершенно иные мотивы движут теми публицистами, которые, вопреки неопровержимым доказательствам, и сейчас во что бы то ни стало стремятся выдать «Документы Сиссона» за подлинные. Здесь действуют фурии классового интереса наших господствующих верхов. И дело не сводится только к пропаганде этой фальшивки. Общественному мнению усиленно внушается, что получение большевиками денег от немцев столь неоспоримо, что доказывать его не имеет никакого смысла. Этот тезис должен приниматься без каких бы то ни было сомнений. А между тем все в действительности обстоит в точности наоборот. Приверженцы такого взгляда не смогли привести в его пользу ни единого достоверного свидетельства. Это вынужден был признать, например, даже такой ненавистник коммунистов, как историк-эмигрант Сергей Петрович Мельгунов (1880-1956) в книге «Золотой немецкий ключ большевиков» (Париж, 1940; 2-е изд. Нью-Йорк, 1989).

Миф о «золоте кайзера» как причине революции в России является одним из многих, распространяемых нашими СМИ. Имеются и другие: миф о вечности частной собственности, миф о капитализме как обществе без эксплуатации и деления на социальные классы и буквально тут же миф о том, что классовое деление при капитализме является результатом наличия у разных людей разных способностей, о том, что если человек не стал миллионером, то причина в отсутствии у него достаточного ума, талантов и т.п. и т.д.

Казалось бы, из сказанного выше с необходимостью напрашивается вывод, что партийность и объективность совершенно несовместимы. Действительно, во многих, если не в большинстве случаев партийность исключает объективность. Но это совершенно необязательно. Все зависит от характера самой партийности. Все дело в том, что партийность партийности рознь. Если интересы класса требуют искажения картины действительности, то такая партийность действительно исключает объективность. Ее можно назвать *субъективистской* партийностью. Но бывает и так, что интересы определенного класса требуют видеть мир именно таким, каким он является в действительности, без каких-либо искажений и прикрас. Такая партийность не только не исключает объективности, а, наоборот, предполагает ее и исключает субъективизм. Это *объективистская* партийность.

4. Партийность в общественных науках

Введение понятия партийности и подразделение ее на субъективистскую и объективистскую позволяет понять особенности познания в общественных науках. Они всегда в той или иной степени были партийными. Если эта партийность является объективистской, то тогда процесс познания идет в основном так же, как в естественных науках. Возможны и неизбежны заблуждения, возможно и имеет место воздействие разных вненаучных факторов, в частности личных и групповых интересов. Иное дело, когда партийность носит субъективистский характер. В таком случае общая картина той или иной области социальной реальности будет искажена. Это более чем наглядно можно видеть на примере истории первой подлинной общественной науки — политической экономии.

Было время, когда буржуазия была передовым общественным классом, который еще только шел ко власти. Ее идеологи не только не отвергали идею прогресса, но, наоборот, разрабатывали и обосновывали ее (см. III.1). Буржуазная партийность в те времена если не полностью, то в значительной степени была объективистской. Это позволило буржуазным экономистам создать пусть не вполне совершенную, но тем не менее настоящую научную теорию капиталистической экономики. Ядром ее была идея о том, что стоимость товара определяется временем, общественно необходимым для его создания. О ранних этапах развития экономической мысли уже достаточно было сказано в третьей книге цикла (III. 1), и нет смысла повторяться.

С утверждением буржуазии у власти и выходом на первый план классовой борьбы между нею и рабочим классом положение радикально изменилось. Как писал К. Маркс: «Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой... Люди, все еще претендовавшие на научное знание и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата, которые уже нельзя было игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, который лучше всего представлен Джоном Стюартом Миллем. Это банкротство буржуазной политической экономии, что мастерски показал в своих „Очерках из политической экономии (по Миллю)“ великий русский ученый и критик Н. Чернышевский»¹⁴.

В результате буржуазная политическая экономия оказалась не только неспособной развивать дальше свою теорию. Она стала отказываться от прошлых своих достижений в этой области. Нужно было опровергнуть марксову теорию прибавочной стоимости. Но для этого нужно было отбросить трудовую теорию стоимости, созданную классиками буржуазной политэкономии. И это было сделано. В конце концов возникла неоклассическая экономия, которую именуют также субъективной школой в экономике, маржинализмом (от фр. *marginal* — предельный), формальной экономической теорией, или просто формальной экономией.

¹⁴ Маркс К. Послесловие ко второму изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 17-18.

Суть сдвига, который произошел в буржуазной экономической науке, состоял в том, что она стала ограничиваться изучением только явлений — лишь экономической деятельности людей, их экономического поведения, — отказавшись от проникновения в их сущность, от исследования экономических отношений. Как следствие, в данной области знания исчезла теория. Накапливались факты, делались частные обобщения, создавались концепции, но ни одна из них не была подлинной теорией. В них адекватное в самых причудливых формах сочеталось с иллюзорным. Экономическая наука перестала быть наукой в точном смысле слова. Это выразилось, в частности, и в изменении самого названия этой сферы знания. Словосочетание «политическая экономия» стало все чаще заменяться словом «экономикс» (*economics*).

Кризис современной буржуазной экономической науки не могли не заметить наиболее дальновидные из ее представителей. Президент Королевского экономического общества Генри Фелпс Браун в своем обращении к съезду общества 8 июля 1971 г. отметил, что используемые в экономике теоретические модели не воспроизводят преобладающие тенденции реального мира и поэтому не могут помочь тем, кто пытается диагностировать и предвидеть движение реальной экономики¹⁵. Как подчеркнул он, именно это расхождение между экономикой и практическими проблемами «есть причина разочарования и беспокойства не только тех, кто занимается решением этих проблем, но также и тех, кто озабочен развитием экономики как науки»¹⁶. Поэтому он счел необходимым привлечь к данной ситуации внимание членов Экономического общества.

¹⁵ *Phelps Brown E.H. Underdevelopment of Economics // Economic Journal. 1972. Vol. 82. №325. P. 2.*

¹⁶ *Phelps Brown E.H. Underdevelopment of Economics... P. 2.*

Дэвид Уорсвик в работе «Возможен ли прогресс экономической науки?» (1972) писал, что «сейчас существуют целые направления абстрактной экономической теории, не имеющие связи с конкретными фактами и почти не отличимые от чистой математики»¹⁷. Поэтому если прогресс в этой науке возможен, то крайне незначительный. В том же году появилась книга Бенджамина Уорда «Что же все-таки неладно с экономике?», в которой говорится о теоретическом кризисе этой науки. Как констатирует автор: «...Желание систематически сопоставлять теорию с фактами не было заметной чертой этой дисциплины»¹⁸. В книге Марка Блауга «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют» (1992; русск. пер.: М., 2004) целая глава носит название «Кризис экономической теории».

«Утратив все свои корни в обществе, — пишут американские экономисты Джон Беллами Фостер и Фред Мэдофф, — ортодоксальная неоклассическая экономика, презентовавшая себя как единственную парадигму, стала дисциплиной, в которой доминируют бессмысленные абстракции высокого уровня, механистические модели, формальные методологии и математический язык, отвлеченные от исторического развития. Это все, что угодно, но не знание о реальном мире; скорее, основное значение так понимаемой экономики заключено в ее роли саму себя подтверждающей идеологии»¹⁹.

«Я думаю, — говорил в интервью, данном в 2010 г., крупный американский экономист Кеннет Джозеф Эрроу, — что господствующее сейчас направление экономической науки не дает ответа на многие вопросы»²⁰. И в заключение название статьи, написанной в том же году восьмью западными экономистами (Д. Коландером, А. Кирманом, Г. Фельмером, А. Хаасом, М. Голдбергом, К. Джелиусом, Т. Люке и В. Слотом), — «Финансовый кризис и провалы современной экономической науки»²¹.

¹⁷ *Worswic G. D.* Is Progress of Economic Science Possible // *Economic Journal*. 1972. Vol. 82. №2. P. 78.

¹⁸ *Ward B.* What's Wrong With Economics? London, 1972. P. 173.

¹⁹ *Фостер Дж.Б., Мэдофф Ф.* Финансовое схлопывание и стагнация: возврат к реальной экономике // *Прогнозис*. 2008. № 4. С. 178.

²⁰ *Гринберг Р., Рубинштейн А.* Теория, инновации и контуры будущей экономики в диалоге с Кеннетом Эрроу // *Вопросы экономики*. 2010. № 10. С. 16.

²¹ См.: *Вопросы экономики*. 2010. №6.

В апреле 2010 г. в Москве состоялась Международная конференция «Политическая экономия: реактуализация классики и новая теория социально-экономического развития», где экономика была подвергнута уничтожающей критике. В выступлениях ее участников обосновывалась настоятельная необходимость возвращения от экономики к политической экономии²².

Все это, разумеется, не означает, что переход к неоклассической экономике вообще положил конец накоплению знаний в данной области. Пришел конец развитию лишь теоретической мысли. «...*Ни одному профессору* политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, — писал В. И. Ленин, — нельзя верить *ни в одном слове*, когда речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо последняя такая же *партийная наука* в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов. Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими „приказчиками“ (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со *всей линией враждебных нам сил и классов*»²³.

Сходные процессы наблюдались и наблюдаются с такой, казалось бы, далекой от политики наукой, которую у нас всегда называли *этнологией*, или *этнографией*, а на Западе сейчас — *социальной, культурной* или *социокультурной антропологией*. Возникла она в середине XIX в. и, как и любая другая наука, начала со сбора, накопления, систематизации и эмпирической обработки фактов и первое время носила чисто эмпирический характер. Превращение ее в науку теоретическую началось с возникновением эволюционистских учений.

²² См.: Павлов М. Ю. Перспективы политической экономии как особой сферы приращения теоретических и практических знаний об экономической жизни // Альтернативы. 2011. № 1.

²³ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм... С. 363-364.

Концепция, изложенная в книге выдающегося американского этнографа Льюиса Генри Моргана (1818-1881) «Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877) была первой подлинно научной теорией в области этнографии. Она не просто описывала явления, а определенным образом объясняла их. Именно это и обусловило ее широкое распространение.

Но в конце XIX в. в западной этнологии произошел резкий поворот от эволюционизма к антиэволюционизму. Одна из причин заключалась в выявлении целого ряда фактов, которые находились в противоречии с существовавшими эволюционистскими построениями, в частности со схемами развития первобытного общества, созданными Л. Г. Морганом.

Но эта причина была не единственной и даже не главной. Ведь если одна определенная эволюционистская концепция пришла в противоречие с вновь добытыми данными, то ее вполне можно было бы попытаться заменить другой, тоже эволюционистской, но при этом такой, в которую бы укладывались не только старые, но вновь обнаружившиеся факты. И если это не произошло, то причины лежали за пределами науки.

Вот что писал о них выдающийся американский этнолог Лесли Олвин Уайт (1900-1975): «Использование эволюционной теории вообще и теории Л. Моргана в частности К. Марксом и радикальным социалистическим рабочим движением вызвало сильную оппозицию со стороны капиталистической системы. Вследствие этого антиэволюционизм стал символом веры определенных слоев общества... Он стал философией оправдания церкви, частной собственности, семьи и капиталистического государства подобно тому, как „социальный дарвинизм“ стал философским оправданием безжалостной эксплуатации в промышленности»²⁴.

²⁴ White L.A. The Concept of Evolution in Cultural Anthropology // Evolution and Anthropology: A Centennial Appraisal. Washington, 1959. P. 109.

Отвержение эволюционизма было одновременно и фактическим отказом от теории, и переходом на позиции чистого эмпиризма. Западные этнологи не просто фактически отбросили теорию, но, на словах признавая необходимость теории, на деле стали обосновывать необходимость отказа от нее. Так, например, крупный британский социальный антрополог (этнолог) Альфред Реджинальд Радклифф-Браун (1881-1955) в работе «Исследование систем родства» подвергает резкой критике то, что он вслед за одним из мыслителей XVIII-XIX вв. Дагалдом Стюартом (1753-1828) именуется методом воображаемой истории (*conjectural history*). Именно в применении этого метода он видит главный порок основного труда Л. Г. Моргана. В его «Древнем обществе» дается не реальная история, а воображаемая.

А. Р. Радклифф-Браун считает, что в использовании исследователями такого метода заключается главное препятствие на пути к созданию «научной теории человеческого общества»²⁵. При этом он совершенно забывает, что Д. Стюарт, который ввел термин «воображаемая история», рассматривал его как полностью тождественный термину «теоретическая история»²⁶. А. Р. Радклифф-Браун выступает здесь как чистый эмпирик. Говоря о теории, он совершенно не понимает ее сущности. Ему даже не приходит в голову, что теория есть всегда умозрение, что создание ее совершенно немислимо без воображения, без фантазии. Теоретическая история в этом смысле — всегда воображаемая история.

За последнее столетие западной этнологией (социальной антропологией) был накоплен огромный, поистине бесценный фактический материал, сделано немало представляющих несомненный интерес эмпирических обобщений, но в области теории не наблюдалось никакого продвижения вперед. Это признают многие этнографы. Известный исследователь Эдмунд Рональд Лич (1910-1989) писал: «В течение ста лет своего существования академические антропологи не открыли ни одной обоснованной универсальной истины о человеческой культуре или человеческом обществе, иной, чем тривиальные аксиомы, к примеру — все люди обладают языком»²⁷.

²⁵ См.: Radcliff-Brown A. R. The Study of Kinship Systems // Radcliff-Brown A. R. Structure and Function in Primitive Society. New York; London, 1965. P. 49-51.

²⁶ Stewart D. Account of the Life and Writing of Adam Smith // Readings in Early Anthropology. Ed. by J. S. Slotkin. Chicago, 1965. P. 460.

²⁷ Leach E. Social Anthropology. London, 1982. P. 52.

Это привело его к весьма пессимистическому выводу о том, что в этой области знания вообще невозможно открытие каких-либо законов. «Антропологи, — читаем мы в его книге, — которые воображают, что посредством разума они могут свести наблюдения этнографов к номотетической естественной науке, попусту теряют время»²⁸.

Неспособность современных западных этнологов создать теорию особенно наглядно проявилась в новой области этнологической науки, получившей на Западе название *экономической антропологии*, у нас — *экономической этнологии*. Эта научная дисциплина специализируется на изучении социально-экономических отношений первобытного общества (*primitive economy*) и экономических отношений крестьянского мира цивилизованных обществ (*peasant economy*). За время существования экономической этнологии первобытности, и особенно в 60-70-е гг., когда эта дисциплина пережила подлинный бум, был накоплен поистине гигантский фактический материал, который настоятельно требовал теоретического осмысления. В западной экономической антропологии наметились два основных направления: формалистское и субстантивистское, между которыми развернулась упорная борьба. Но все попытки создать теорию первобытной экономики оказались тщетными. В результате на рубеже 60-х и 70-х гг. западная экономическая этнология оказалась в состоянии глубокого концептуального кризиса.

В поисках выхода из теоретического тупика, в котором оказалась экономическая антропология, некоторые специалисты в этой области стали обращать свои взоры к марксизму. В 1969 г. американский исследователь Скотт Кук в одной из статей писал, что изучение конкретных данных по примитивной экономике, с одной стороны, марксистской литературы — с другой, привело его к выводу, «что подлинное преодоление противоречия между формалистской и субстантивистской концепциями может быть достигнуто через творческое применение диалектического метода, постигнутого Гегелем и использованного Марксом в социальных и экономических исследованиях»²⁹.

²⁸ Ibid.

²⁹ Cook S. The «Anti-Market» Mentality Re-Examined. A Further Critique of Substantive Approach to Economic Anthropology // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1969. Vol. 25. № 4. P. 378.

«Я смею утверждать, — продолжал он, — что экономическая антропология может выйти из нынешнего теоретического тупика путем следования примеру Маркса, увидевшего в производстве ядро экономики и ключ к выделению экономически существенных явлений в применении диалектического метода для приближения к экономической реальности»³⁰.

Однако одного только желания применить марксизм мало. К сожалению, у многих западных исследователей первобытной экономики обращение к марксизму нередко сводилось к простому облачению давно известных фактов и концепций в наряд марксистской терминологии, что, конечно, заведомо не могло привести к какому-либо продвижению вперед в области теории ни доклассовой, ни любой другой экономики. Нужно было знать марксизм, причем подлинный, настоящий, и только такой марксизм, а не различные его суррогаты, мог помочь создать подлинно научную теорию первобытной экономики. Такую теорию вначале первобытной, а затем и крестьянской экономики удалось создать лишь в нашей стране³¹.

Никакой подлинной теории никогда не было и нет в западной *социологии*. Там имеется социология, которая прямо именуется эмпирической. Создаются так называемые теории среднего уровня, которые в действительности являются вовсе не теориями, а паратеориями, которые не отражают сущности общественных явлений и в которых адекватное в разных пропорциях сочетается с иллюзорным.

Общие же концептуальные построения, которые могли бы с полным правом претендовать на статус подлинной научной теории, в современной западной социологии полностью отсутствуют. Современная буржуазная партийность порождает запрет на проникновение в сущности общества.

³⁰ Ibid. P. 382.

³¹ См.: Семенов Ю. И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1-3. М., 1993; *Он же*. Общая теория традиционной крестьянской экономики (крестьянско-общинного способа производства) // Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX века - начала XX века. Т. 1. М., 2002.

Это в той или иной степени осознают наиболее проницательные из западных специалистов, работающих в этой области. Среди них выделяется американский социолог Алвин Уолкер Гоулднер (1920-1980) — автор нашедшей в свое время книги «Наступающий кризис западной социологии» (1971). Существующую западную социологию, которая с неизбежностью искажает картину социальной реальности под давлением истеблишмента, А. Гоулднер критикует с позиции новой, еще только долженствующей возникнуть науки, которую он именует рефлексивной социологией. «Хотя рефлексивная социология, — пишет он, — предполагает, что любая социология развивается только при определенных общественных условиях, которые она глубоко заинтересована понять, она также осознает, что элиты и различные институты стремятся получить что-то в обмен за поддержку, которую они оказывают социологии. Она осознает, что развитие социологии зависит от поддержки общества, которое допускает ее развитие в определенных направлениях, но одновременно ограничивает ее в других сферах и, таким образом, деформирует ее характер. Одним словом, любая социальная система стремится нанести ущерб той самой социологии, которой она же и дает жизнь. Призыв к „объективности“ со стороны социологии, которая не осознает этого противоречия и которой не хватает конкретного понимания того, каким образом ее собственные руководящие институты и элита представляют для нее главную опасность, — это молчаливое свидетельство успешной гегемонии этой системы над такой социологией. Это доказывает неумение достичь той самой объективности, о преданности которой она заявляла с такой гордостью. Рефлексивная социология может освоить следующую неблагоприятную для себя информацию: *всякая существующая власть враждебна высшим идеалам социологии*. В то же самое время она осознает, что чаще всего это — внешняя опасность, поскольку самые глубокие последствия она имеет, когда связана с внутренними интересами карьеры и общественным положением самих социологов. Рефлексивная социология полностью осознает, что глубже всего социологию искажают потому, что сам социолог — добровольный участник этого искажения»³².

³² Гоулднер А. У. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 555-556.

А. Гоулднер не одинок. В 1988 г. французский социолог Реймон Будон выступил со статьей «Станет ли когда-нибудь социология нормальной наукой?», а в 1994 г. Питер Людвиг Бергер поставил вопрос еще более хлестко — «Имеет ли еще социология какой-то смысл?»³³. Работ, в которых доказывалось, что западная социология не имеет теории и поэтому не является наукой, появилось в последние годы столь много, что в 1989 г. Рендалл Коллинз в статье «Социология: наука или антинаука?» выступил с попыткой доказать, что «социология вовсе не обречена на научную несостоятельность»³⁴. Убедительных доказательств найти он не смог и в результате закончил статью призывом к социологам быть терпимыми и не слишком критиковать друг друга. «Многое из того, что мы говорим сегодня о работах коллег, — писал он, — отличается негативизмом, враждебностью, пренебрежением. Эта фракционность ослабляет социологию, ибо мы нуждаемся в многообразии подходов, чтобы подтвердить наши результаты перекрестными сравнениями. Чтобы продвинуться в социологии, нам нужен дух благородства, а не дух фракционного антагонизма»³⁵.

Не лучше обстоит дело и в той дисциплине, которая носит название *политической науки*, или *политологии*. Там тоже не удастся создать подлинной теории. Не вдаваясь в детали, приведу названия статей нескольких видных западных политологов: Дэвид Истон «Упадок современной политической теории» (1951); Альфред Коббан «Закат политической теории» (1953); Лари Д. Спенс «Политическая теория в отставке» (1980)³⁶.

³³ См.: Boudon R. Will Sociology Ever Be a Normal Science? // Theory and Society. 1988. Vol. 17. №4; Berger P. L. Does Sociology Still Make Sense? // Schweizer Zeitschrift fur Soziologie. 1994. Bd. 20. № 1.

³⁴ Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // Теория общества. Фундаментальные проблемы. М., 1999. С. 38.

³⁵ Там же. С. 67.

³⁶ Переводы этих статей на русский язык см.: Политическая теория в XX веке: Сборник статей. М., 2008.

5. Объективность и объективизм

Многие считают необходимым условием объективности в познании социальной реальности отказ от какой бы то ни было партийности, занятие надпартийной, нейтральной позиции. Но нейтральность, надпартийность, увы, всегда есть не более чем иллюзия. Как справедливо подчеркивал В. И. Ленин: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»³⁷. Поэтому существует только единственный способ обеспечения объективности подхода: стать на позиции общественного класса, интересы которого требуют объективности. Никакого другого способа нет и быть не может.

В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе)» (1895) В. И. Ленин тому, что выше было названо объективностью, противопоставил подход, который он назвал *объективизмом*, или узким объективизмом. В работах различных авторов советских лет последнее явление получило название буржуазного объективизма. Важной задачей марксистов в это время считалась борьба против буржуазного объективизма, что нередко выливалось в критику объективного подхода и оправдание отхода от истины. Все это уже тогда заставило некоторых исследователей отнести довольно настороженно к этому понятию, а позднее, во время перестройки, истолковать его как теоретическое основание отказа от объективного изображения социальной реальности и оправдания субъективизма.

Но хотя В. И. Ленин в последующих работах слово «объективизм» в указанном смысле почти не употреблял³⁸, приводимое им различие между «объективностью» и «объективизмом» имеет под собой серьезные основания. Прежде всего отмечу, что оно необходимо лишь при анализе познания социальной реальности. К естественно-научному познанию оно совершенно неприменимо. Это связано с тем различием между познанием социальных явлений и природных феноменов, о котором уже шла речь выше. Познание явлений природы исключает какую бы то ни было их оценку, познание же социальных явлений, наоборот, с неизбежностью ее предполагает.

³⁷ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Поли, собр. соч. Т. 12. С. 104.

³⁸ Кроме указанной выше работы он использовал это понятие только в еще одной своей статье: Ленин В. И. О политической линии // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 101-103.

Последнее положение отвергалось последователями ряда философских и социологических школ, в частности неокантианцами. Они резко противопоставляли объективный научный подход и оценку. Последнюю они относили к области морали. Как, например, писал известный в свое время русский правовед, социолог и философ Павел Иванович Новгородцев (1866-1924): «Наука о существующем не может дать никаких критериев для оценки. Она нарушила бы свой объективный характер, если бы бралась судить и оценивать»³⁹. Точно такой же точки зрения придерживался русский «легальный марксист», экономист и социолог Михаил Иванович Туган-Барановский (1865-1919). Он утверждал, что наука должна только объяснять «социальные факты», но ни в коем случае их не оценивать⁴⁰.

Все данные ученые исходили из того, что к оценкам абсолютно неприменимы понятия истины и заблуждения. Такая точка зрения отстаивается многими и сейчас. Так, например, в статье доктора философских наук Александра Архиповича Ивина «Ценности в научном познании» категорически утверждается: «...оценки (а значит, и нормы) не имеют истинностного значения, они не могут быть истинными или ложными»⁴¹.

Вопреки подобному подходу, и к оценкам полностью применимы понятия истины и заблуждения. Оценки могут быть как истинными, объективными, так и ложными. Действительно, например, стоит только поставить вопрос, истинной или ложной является оценка Великой Отечественной войны советского народа как справедливой, и все станет на свое место.

³⁹ *Новгородцев П. И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сборник статей. М., 1902. С. 259-260.

⁴⁰ *Туган-Барановский М. И.* Теория ценностей и теория прибыли // Научное обозрение. 1900. № 3. С. 632 сл.

⁴¹ *Ивин А. А.* Ценности в научном познании // Логика научного познания. Актуальные проблемы. М., 1987. С. 243.

Объективная картина социальной реальности с необходимостью должна включать в себя истинные, объективные оценки представленных в ней явлений общественной жизни. Если она содержит лишь описание (пусть самое детальное) явлений, но исключает их оценки, то является не объективной, а объективистской. Таким образом, объективизм заключается в отказе от оценки познаваемых социальных явлений. Он имеет место тогда, когда в силу партийных симпатий человек не хочет давать объективную оценку явлений, а дать ложную он прямо не решается, не желая разоблачать себя. В результате он пытается выдать свою позицию за надпартийную, нейтральную, а тем самым и объективную. Объективизм есть видимость объективности, за которой скрывается субъективизм, в данном случае — тщательно замаскированная субъективистская партийность.

В последние годы наши доморощенные поборники «общечеловеческих ценностей» с надрывом рассказывают о горестной участи молодых немцев, австрийцев, итальянцев, венгров и т. п., которые были убиты на Восточном фронте, много говорят о страшном горе, постигшем их близких, и т. п. Авторы таких публикаций, как правило, никогда прямо не осуждают людей, которые их убили, но вольно или невольно подводят к мысли о том, насколько все это было печально, несправедливо и бесчеловечно. Они гордятся своей объективностью. На деле это вовсе не объективность, а объективизм, а тем самым и скрытый субъективизм.

Понять, чем отличается в постановке и решении указанного вопроса объективизм от объективности, лучше всего можно на примере написанного в 1943 г. великолепного стихотворения замечательного советского поэта Михаила Аркадьевича Светлова (1903-1964) «Итальянец»:

Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца, —
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...
Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?
Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!
Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.
Разве среднего Дона излучина
Иностранным ученым изучена?
Нашу землю — Россию, Расаю —
Разве ты распахал и засеял?
Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...
Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!
Никогда здесь ты не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...⁴²

Поэту по-человечески жаль и погибшего юношу, и его родителей, обреченных на одинокую старость, но это нисколько не отменяет самого главного — «нет справедливости справедливее пули моей». Это и есть подлинная объективность.

⁴² Светлов М. А. Итальянец // Советская поэзия. Т. 1. М., 1977. С. 515-516.

Оценка всего происходящего в обществе необходима не только для познания, для выявления истины. Она насущно необходима человеку, в особенности тогда, когда он оказывается в экстремальных ситуациях. Как писал участник Великой Отечественной войны поэт Генрих Моисеевич Рудяков (1923-1989):

Когда мой взвод несет потери
И нам нельзя ни шагу вспять,
Я должен знать, кому я верю.
Я должен знать.
Когда снаряды бьют, кромсая,
И головы нельзя поднять,
Я должен знать, кого спасаю.
Я должен знать.
Потом пускай слагают гимны
И безутешно плачет мать.
Я должен знать, за что я гибну.
Я должен знать ⁴³

⁴³ Рудяков Г. М. «Когда мой взвод несет потери...» // Строфы века. Антология русской поэзии. Минск; М., 1995. С. 675.

Часть II. Проблема материального нервно-физиологического механизма мышления и воли (поиски и гипотезы)

Глава 1. Проблема отношения мышления и мозговых материальных процессов.

1. Проблема отношения между мыслительными и мозговыми нервно-физиологическими процессами

Во второй (II.5.2; 6.3), а затем и в последующих книгах цикла отмечалось существование двух качественно отличных родов идеального. Один из них присущ и сравнительно высоко организованным животным, и человеку. Это биоидеальное, сенсоидеальное. Другой род — социоидеальное, ментоидеальное, или духовное, — принадлежит исключительно человеку. Хотя социоидеальное, человеческий дух, не сводится к одному только мышлению, но именно последнее является важнейшей составляющей человеческого духа. Мышление пронизывает весь духовный мир человека. Человеческое познание есть прежде всего мышление. Понятие мышления дает ключ к пониманию сознания. К сознанию относится не только мышление, но и чувственное познание. Но чувственное познание лишь постольку сознание, поскольку оно пронизано мыслью, осмысленно. Осознание чего-то означает его осмысление.

Биоидеальное не есть процесс, оно есть проявление определенного свойства определенных нервно-физиологических, прежде всего мозговых, процессов. У животных есть психика, но нет психических процессов, психической деятельности. Никаких других процессов, кроме нервно-физиологических, в мозгу животных не происходит. Мышление же есть такое идеальное, которое представляет собой не только и не просто свойство материального процесса, а особого рода процесс. Появление мышления есть возникновение идеального как процесса.

Поэтому решение психофизиологической проблемы применительно к социоидеальному прежде всего предполагает поиски ответа на вопрос об отношении между мыслительными процессами и происходящими в мозгу материальными нервно-физиологическими процессами.

Поставим его в форме вопроса: мыслительные процессы и нервные процессы в мозгу суть одно и то же или же не одно и то же?

Попробуем сначала порассуждать по принципу: да или нет.

2. Первое предлагаемое решение названной выше проблемы: мыслительные и мозговые нервно-физиологические процессы суть одно и то же

Прежде всего, посмотрим, к каким результатам ведет утвердительный ответ на данный вопрос. Если мыслительные процессы и нервные мозговые процессы суть одно и то же, то отсюда следует вывод, что мышление есть явление биологическое, и только биологическое, и, следовательно, единственной наукой о мышлении является физиология высшей нервной деятельности. Не существует никаких других законов, управляющих мышлением, кроме законов физиологии высшей нервной деятельности. Именно такой точки зрения придерживались И. П. Павлов и его последователи (II.5.4-6). А современные «научные» материалисты пошли еще дальше. Они сводят мышление не просто даже к физиологическим, а к физико-химическим процессам, происходящим в мозгу (II.4.2).

Такого рода точку зрения в ее наиболее грубом варианте принято именовать вульгарно-материалистической. Русское слово «вульгарный» происходит от латинского слова *vulgaris*, означающего буквально «обыкновенный», «простой». Но в русском языке это слово приобрело смысл резко негативной оценки, который ему не был присущ в исходном языке.

Во избежание этого я вместо слова «вульгарный» буду использовать другое — «примитивный», от лат. *primitivus*, в число значений которого наряду с основным — «ранний» — входит и «простой», «упрощенный». Здесь и в дальнейшем данную точку зрения не только в крайнем, но во всех ее вариантах я буду называть примитивно-материалистической.

Подобный взгляд находится в резком противоречии с действительностью. Люди давно уже создали науку о мышлении как субъективной волевой деятельности человека, причем произошло это тогда, когда они практически ничего не знали о нервнофизиологических процессах, происходящих в мозгу человека. Создание науки о мышлении как объективном процессе тоже никак — ни прямо, ни косвенно — не связано с развитием знаний о функционировании человеческого мозга. Законы развития мыслительных процессов, открытые этой высшей логикой, совсем иные, чем законы физиологии высшей нервной деятельности. Вообще для понимания того, как развивается человеческая мысль, как, например, И. Ньютон пришел к открытию закона всемирного тяготения, а Г. Гегель к созданию диалектики, физиология высшей нервной деятельности дать ничего не может. Все это факты, опровергнуть которые невозможно.

Одна из причин отождествления мыслительных и нервно-мозговых процессов — использование одних и тех же слов для обозначения процессов мышления и процессов деятельности мозга. Доказывать, что важным видом мыслительной деятельности является анализ и синтез, нет никакой необходимости. Это бесспорно. Столь же бесспорно, что анализом и синтезом кора больших полушарий головного мозга занимается непрерывно. Напомню слова И. П. Павлова о деятельности этого органа: «Этот прибор глубоко и широко анализирует и синтезирует внешнюю среду, т. е. то выделяет, то сливает отдельные ее элементы, чтобы сделать эти элементы и комбинации из них бесчисленными сигналами основных необходимых условий внешней среды, на которые устремлена, установлена деятельность подкорковых узлов. Таким способом для этих узлов получается возможность тонко и точно приспособить их деятельность к внешним условиям, найти пищу, где она есть, верно избежать опасности и т.д.»¹

¹ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного исследования высшей нервной деятельности (поведения) животных. Сборник статей, докладов, лекций. 7-е изд. М., 1951. С. 314.

Из приведенных слов И. П. Павлова совершенно отчетливо видно не только то, что кора больших полушарий занимается анализом и синтезом, но и то, что этот анализ и синтез — явление совершенно иное, чем мыслительные синтез и анализ. Кора больших полушарий анализирует и синтезирует поступающие в нее раздражения. Разлагая их на элементы и соединяя их, она образует условные рефлексы, которые позволяют организму приспособиться к среде. Мышление ничего подобного не совершает. Оно анализирует и синтезирует вещи для нас, а тем самым и вещи в себе. Оно расчленяет, например, какой-либо целостный предмет на составляющие его части, а затем, соединяя эти выделенные части, воссоздает предмет во всей его целостности. Тем самым человек получает знание о строении предмета и т. п. Таким образом, мыслительный анализ и синтез, с одной стороны, — мозговой анализ и синтез, с другой — совершенно различные процессы.

Бесспорно, что мышление занимается обобщением и абстрагированием. Но обобщение и абстрагирование отмечено и у животных. На этом основании значительная часть ученых, занимающихся исследованием отражения мира в мозгу высших животных и их поведением, делают вывод, что мышление существует не только у человека, но и у этих животных, и, соответственно, их поведение является не условно-рефлекторным, а сознательным, целенаправленным и волевым. По их мнению, наличие у животных обобщения и абстрагирования несовместимо с признанием их поведения условно-рефлекторной деятельностью.

Как уже говорилось во второй книге цикла (II.13), обобщение и абстрагирование, которое совершает мышление, заключается в создании понятий, которые невозможны без слов, без языка, и идеальных универсатов. Ничего подобного у животных нет. Обобщение и абстрагирование у них суть деятельность коры головного мозга, причем такая, которая не только не исключает условно-рефлекторный характер поведения животных, но, наоборот, является необходимым условием успешного образования условных рефлексов.

Привычная формулировка: условный рефлекс вырабатывается на один определенный внешний агент, и когда это произошло, каждый раз на воздействие этого агента следует условная реакция. При этом нередко не принимается во внимание, что речь-то на самом деле идет не об одном и том же агенте, а о множестве сходных в каком-то отношении агентов. Когда, скажем, вырабатывается пищевой рефлекс на вспышку света, то каждая новая вспышка — не то же самое явление, которое имело место в прошлый раз, а новое явление, лишь сходное с первым. Даже в лабораторных условиях невозможно добиться абсолютного сходства явлений, на которые вырабатывается условный рефлекс. Тем более это невозможно в естественных условиях. Чтобы выжить, заяц должен бежать при виде не какого-либо одного конкретного волка, а любого волка. Чтобы прокормиться, хищник должен идти по следам не одного определенного конкретного животного, мясо которого способно утолить его голод, а любого животного данного вида. Таким образом, условный рефлекс всегда вырабатывается не на один определенный раздражитель, а на каждый агент, принадлежащий к определенной группе явлений. При этом необходимо выделение общего между ними и отвлечение от всего того, что их отличает. Особенно широким является обобщение представлений на первых этапах образования условного рефлекса.

Все это прекрасно понимал И. П. Павлов и постоянно писал об этом. «Важнейшее правило, — подчеркивал он, — это постепенность анализа. В условный рефлекс, во временную связь данный анализатор сперва вступает более общей, более грубой его деятельностью, и только затем, путем постепенного дифференцирования, условным раздражителем, остается работа его тончайшей или мельчайшей части. Например, если перед животным появляется светлая фигура, то сначала как раздражитель действует усиленное освещение, и только потом может быть выработан специальный раздражитель из самой фигуры, и т.д.»².

² Павлов И. П. Двадцатилетний опыт... С. 78.

Вполне понятны были И. П. Павлову и физиологические механизмы этого явления. «Здесь, однако, — пишет он, имея в виду кору больших полушарий головного мозга, — пришедший процесс нервного раздражения обыкновенно разливается, иррадируется по разным клеткам на большее или меньшее расстояние. Вот почему когда мы выработали, положим, условный рефлекс на один какой-нибудь определенный тон, то не только другие тоны, но и многие другие звуки вызывают ту же самую условную реакцию. Это в физиологии высшей нервной деятельности называется генерализацией условных рефлексов. Следовательно, здесь одновременно встречаются явления замыкания и иррадиации. Но затем иррадиация постепенно все более ограничивается; раздражительный процесс сосредотачивается в мельчайшем нервном пункте, вероятно, в группе соответственных специальных клеток. Ограничение наиболее скоро происходит при посредстве другого нервного процесса, который называется торможением»³.

И в заключение еще одно обобщающее высказывание И. П. Павлова: «Между прочим, я думал о понятиях, т. е. группировании многих конкретных предметов в одно общее представление, — приобретены ли они нами благодаря нашей словесности, нашим словом, отличающим нас от животных, или они имеются и в конкретном мире у животных. Судя по всему, они есть и у животных. Факт, который мне это доказал, — генерализация условных раздражителей. Ясно, что если в виде условного агента действует группа сходных раздражений, это есть тоже понятие, группирование предметов. Возьмите вы какой-нибудь определенный звук, положим, служащий животному сигналом, положим, врага, которого оно избегает. Ясно, что тут непременно должен быть групповой раздражитель, потому что звуки, которыми животное руководствуется, могут меняться в силе от расстояния, от напряжения голосовых связок этого животного, могут повышаться и понижаться в зависимости от того, как производится этот звук. Это есть жизненная потребность, необходимая и для животных, что раздражитель должен быть обобщенным, быть аналогом понятия»⁴.

³ Там же. С. 452.

⁴ См.: Павловские среды. Протоколы и стенограммы физиологических бесед. Т. 3. Стенограммы 1935-1936 гг. М.; Л., 1949. С. 7.

В последнем высказывании ярко проявилась и сила, и слабость И. П. Павлова. Он совершенно прав, когда говорит о группированном представительстве внешних предметов в мозгу животного, об обобщенном характере представлений (воспроизведений, репродуктивов) у животных. Но он совершенно неправ, когда принимает эти обобщенные представления за понятия. Он ближе к истине, когда характеризует их как животный аналог понятий. Понятия человека не только не существуют без слов, без языка, но возникают совершенно иначе: они не порождаются организмом, а создаются человеком. Здесь опять сказалось стремление И. П. Павлова без остатка свести к условно-рефлекторной деятельности не только поведение и отражение мира в мозгу животных, но и мышление и поведение человека.

Проблемой обобщения и абстрагирования у животных специально занимались ученики и последователи И. П. Павлова. Среди этих работ прежде всего следует назвать книги Мариониллы Максимовны Кольцовой «Обобщение как функция мозга» (Л., 1967) и Леонида Григорьевича Воронина (1908-1983) «Эволюция высшей нервной деятельности (Очерки)» (М., 1977). Выводы, сделанные ими, полностью совпадают с павловскими.

Таким образом, отождествление мыслительных и нервномозговых процессов ошибочно. Они — не одно и то же. Это необходимо учитывать, в частности, тем специалистам, которые работают над созданием искусственного интеллекта. Они говорят о моделировании деятельности мозга и моделировании мышления, принимая это за одно и то же. Но если мыслительные и нервно-мозговые процессы не одно и то же, то отсюда необходимо следует, что не одним и тем же являются моделирование мышления и моделирование работы мозга.

3. Второе предлагаемое решение рассматриваемой проблемы: мыслительные и нервно-мозговые процессы — не одно и то же

Утвердительный ответ на поставленный в первом разделе вопрос неверен. Но еще хуже получается с отрицательным ответом на него. В таком случае получается, что мышление есть процесс, никак не связанный с деятельностью мозга, не имеющий своей основной функционирование мозга. Подобный взгляд давно уже носит название психофизического, или психофизиологического, дуализма. Он в разных вариантах существует и в наши дни. Последнее его слово — уже упоминавшийся во второй книге цикла психофизиологический интеракционизм (II.4.2).

4. Ильенков versus Дубровский

Среди советских философов прямых, откровенных защитников крайних вариантов тех двух противоположных взглядов, которые выше были обозначены как примитивно-материалистический и дуалистический, было не очень много. В большинстве своем они стремились отмежеваться как от одной, так и от другой крайности. Но в силу нерешенности этого вопроса, связанной, в частности, с неумением различить два рода идеального: биоидеальное и социоидеальное, — все они так или иначе в определенной степени сползали на одну из двух существующих противоположных точек зрения. Это наглядно можно видеть на примере полемики между Эвальдом Васильевичем Ильенковым (1924-1979) и Феликсом Трофимовичем Михайловым (1930-2006), с одной стороны, и Давидом Израилевичем Дубровским (р. 1929) — с другой.

Обосновывая социальную природу мышления, Э. В. Ильенков писал: «Анатомически мозг Аристотеля ни в чем существенно не отличался от мозга Демокрита, а органы восприятия Рафаэля от органов восприятия Гойя... Оставаясь анатомически и физиологически одними и теми же, органы мышления и созерцания производят не только различные, но прямо противоположные друг другу понятия, образы»⁵. «Итак, на каком основании утверждается, — возражал ему Д. И. Дубровский, — что мозг Аристотеля ни в чем существенно не отличался от мозга Демокрита? И в каком смысле не отличался? В том смысле, что мозг Аристотеля и мозг Демокрита есть человеческий мозг? Или в том смысле, что мозг Аристотеля имел тождественную микроструктуру с мозгом Демокрита? Или известны сравнительные исследования структуры мозга этих великих мыслителей? Уже поставленные вопросы сами по себе говорят о том, что утверждения Э. В. Ильенкова совершенно неубедительны. Между тем если обратиться к точным фактам нейроанатомии, то справедливо будет как раз обратное. Данные нейроморфологии убедительно свидетельствуют, что мозг каждого человека обладает индивидуальными анатомическими особенностями, которые могут достигать весьма существенной степени, особенно в микроструктурном отношении»⁶. В этой дискуссии правда в главном и основном была на стороне Э. В. Ильенкова. И пытаясь оспорить его точку зрения, Д. И. Дубровский прибегает к явной передержке. Он приписывает своему оппоненту мнение об отсутствии каких бы то ни было различий между мозгом Демокрита и мозгом Аристотелем, а затем его опровергает. Но суть позиции, отстаиваемой Э. В. Ильенковым, заключается в том, что различие между философскими системами Демокрита и Аристотеля ни в малейшей степени не было определено разницей в структуре их мозга. Причина этого социальная и только социальная. Как писал Э. В. Ильенков, отвечая Д. И. Дубровскому: «„Особенности“, и прежде всего „генетические“, мозга Демокрита и Платона, равно как и мозга их читателей и почитателей, их друзей и противников, как покойных, так и живущих ныне, не имели, не имеют и не будут иметь ровно никакого отношения к особенностям тех философских систем, которые обозначены этими именами». И в этом он безусловно прав⁷.

⁵ Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии // Вопросы эстетики. Вып. 6. М., 1964. С. 53.

⁶ Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М., 1971. С. 52.

⁷ Ильенков Э. В. Психика и мозг (Ответ Д. И. Дубровскому) // ВФ. 1968. № 11. С. 154.

Но далее, дискусируя с Д. И. Дубровским, Э. В. Ильенков явно перегибает палку в другую сторону. Независимость мышления от мозга он превращает в абсолютную. Опровергая утверждение Д. И. Дубровского о том, что существуют, например, особенности мозга, делающие человека более способным к тому или иному виду деятельности, в частности биологические предпосылки гениальности, Э. В. Ильенков пишет: «С нашей точки зрения, все люди, родившиеся с биологически нормальным мозгом, в потенции талантливы, способны, одарены. И если до сих пор „талант“ и „одаренность“ кажутся редкостью, исключением из правила, то в этом повинна не матушка-природа, а совсем иные обстоятельства. Нам думается, что талантливым становится любой человек с биологически нормальным мозгом, если ему посчастливилось развиваться в нормальных человеческих условиях»⁸.

Тезис об отсутствии какой бы то ни было зависимости мышления человека от мозга вряд ли может быть принят. В частности, о независимости создаваемых человеком умственных конструкций от мозга можно говорить лишь в том случае, если мозг нормален. При определенных заболеваниях мозга с неизбежностью возникают бредовые построения. Ошибочны и уже приводившиеся во второй книге цикла (II.5.2) утверждения Э. В. Ильенкова и Ф. Т. Михайлова, что исследование работы мозга не может ничего дать для понимания процесса мышления. Все сказанное в одной из предшествующих книг (IV.2) опровергает их.

5. Еще одна из попыток найти выход из положения

Крайне заманчиво было решить вопрос об отношении между мышлением и нервно-мозговыми процессами по аналогии с тем, как решается проблема отношения между биологическими процессами и происходящими в биологическом существе физико-химическими процессами.

⁸ Там же. С. 151.

В любом живом организме идут биологические процессы. И в том же организме происходят процессы физико-химические. Естественно, возникает вопрос: являются ли биологические и физико-химические процессы, происходящие в организме, одним и тем же или не одним и тем же процессом. И здесь мы сталкиваемся с попытками дать ответ на этот вопрос, руководствуясь законом исключенного третьего.

Если дать ответ утвердительный, то получится, что биологические процессы есть те же самые физико-химические процессы. В таком случае с неизбежностью будет стерта грань между живым и неживым, исчезнет понятие жизни. А принципиальная, качественная грань между живым и неживым несомненно существует. Она выражается хотя бы в том, что живое, в отличие от неживого, способно умереть. Понятия жизни и смерти, столь важные для понимания живого, совершенно неприменимы к миру неживой природы. Данный ответ состоит в сведении без остатка биологических процессов к физико-химическим. Такого рода редукционизм существовал в прошлом и продолжает существовать и сейчас. Как видно из второй книги цикла (II.2), редукционистами являются многие из современных «научных» материалистов.

Но выводы из отрицательного ответа на поставленный вопрос ведут к еще худшим результатам. Биологические процессы в таком случае предстают как совершенно нематериальные, лишь соседствующие и взаимодействующие с материальными физикохимическими процессами. Мы тем самым приходим к *витализму* (от лат. *vitalis* — жизненный) — учению об особой нематериальной жизненной силе, присутствующей в организмах. Элементы витализма имеются в трудах Аристотеля. В XX в. на естественно-научном материале витализм (неовитализм) пытался обосновать немецкий биолог и философ Ганс Дриш (1867-1947) в ряде работ, из которых наиболее известен его двухтомный труд «Философия органического» (1908-1909). В популярной форме его концепция была изложена в книге «Витализм, его теория и система» (русск. пер.: М., 1915).

Единственный выход из положения состоит в признании, что биологические и физико-химические процессы в организме суть одновременно и одно и то же, и не одно и то же. Биологические процессы включают в себя физико-химические процессы, происходящие в организме, и в этом смысле являются одновременно и физико-химическими процессами. Но, включая в себя физико-химические процессы, биологические процессы в то же время не сводятся к ним, представляют собой большее, чем физико-химические процессы. Это особенно наглядно проявляется в том, что биологические процессы имеют свои собственные, специфически биологические закономерности, не сводимые к законам физики и химии.

Невольно напрашивается вывод, что примерно так же обстоит дело и с отношением между мыслительными и нервными мозговыми процессами. Мышление включает в себя в качестве своей материальной основы нервные мозговые процессы, и в этом смысле оно представляет собой и процесс материальный. Но, включая в себя нервно-мозговые процессы, мышление к ним не сводится. Оно представляет собой большее, чем нервные мозговые процессы, большее, чем деятельность мозга. По этому пути, как говорилось во второй книге цикла (II.5.6), пошли некоторые советские философы. Похоже, что к такой точке зрения склонялся и Ф. Энгельс, когда писал: «Мы, несомненно, „сведем“ когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу, но разве этим исчерпывается сущность мышления?»⁹

Однако эта аналогия здесь не срабатывает. Ведь биологические и физико-химические процессы являются процессами материальными, и только материальными. Их отношение суть отношение разных форм движения материи. Иначе обстоит дело с проблемой отношения между нервно-мозговыми процессами и мышлением. Нервно-мозговые процессы, бесспорно, материальны. А мышление по сути своей есть идеальное, духовное.

⁹ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. С. 563.

Здесь перед нами проблема отношения не разных форм движения материи, а материи и духа, материального и идеального, т. е. опять же тот самый основной вопрос философии. Можно все же догадываться, что мыслительные и нервно-мозговые процессы являются не только не одним и тем же, но в каком-то отношении одним и тем же. Но это слишком общее положение нуждается в конкретизации.

Глава 2. Мышление как единство объектного (дублидеального) процесса и субъективной человеческой деятельности и тем самым как идеальный (иконидеальный) процесс

По существу, многое по этому вопросу было уже сказано во второй главе четвертой книги «Мышление: словопонятийная и пунктолинейная энграммная корковая сети» (IV.2). Но было раскрыто далеко не все.

Кора головного мозга человека содержит в себе огромную массу информации о внешнем мире. Конкретными носителями этой информации являются, во-первых, пунктоэнграммный конгломерат, во-вторых, пунктолинейная энграммная сеть. Пунктоэнграммный конгломерат хранит информацию о чувствозримых предметах, чувствозримых сингулатах. Он содержит в себе сенсофонд организма. Пунктолинейная энграммная сеть содержит информацию об общем, универсалах. Она является носителем концептофонда и ментофонда человека. Вся эта информация в подавляющей части своей законсервирована, она существует в организме, но не для организма. Она существует только как объектальное, но не идеальное.

Эта информация начинает существовать для субъекта, когда содержащиеся ее энграммы оказываются в активуме коры. Тогда она расконсервируется, декодируется, начинает существовать в субъективуме как вещи для нас. Как уже не раз указывалось, активум коры является материальной основой субъективума.

Как уже было сказано во второй книге цикла (II.6.4), субъективум животного включает в себя два слоя: (1) перводубльидеальное и (2) втородубльидеальное. Оба эти пласта существуют и в субъективуме человека. Но к ним у человека добавляется еще одна составляющая. В отличие от первых двух, которые оба принадлежат к чувственному идеальному, сенсоидеальному, этот третий компонент имеет иную природу. Он тоже представляет собой идеальное, но только не чувственное, не сенситивное, не сенсоидеальное, а мыслительное, ментальное, мыслеидеальное, ментоидеальное.

В отличие от сенсоидеального, оно не подразделяется на первичное и вторичное, ибо все оно не имеет непосредственного источника во внешнем мире. Иначе обстоит дело с подразделением на дублидеальное и иконидеальное. Оно относится и к нему. В субъективиум входит, разумеется, ментальное дублидеальное.

Подразделение идеального на сенсоидеальное и ментоидеальное неразрывно связано с подразделением на сенситивное и ментальное также и объектального. Объектальное, заключенное в нервных процессах, приходящих в мозг из внешних рецепторов, и в пунктоэнграммном конгломерате, есть сенсообъектальное, а объектальное, содержащееся в линейных (но не пунктовых) энграммах пунктолинейной энграммной сети, — ментообъектальное. И то, и другое объектальное становится дублидеальным, когда участки коры, в которых оно заключено, оказываются в активииуме.

Чтобы терминологически отличить субъективиум человека от субъективиума животного, можно назвать первый суперсубъективиумом (сверхсубъективиумом). С чисто формальной точки зрения суперсубъективиум состоит из двух хотя и тесно связанных, но тем не менее различных субъективиумов: сенсосубъективиума и ментосубъективиума. Для такого подразделения имеются основания: базовая часть сенсосубъективиума — перводублидеальное — отличается значительной независимостью от ментоидеального. Но в то же время даже оно насквозь пронизано ментоидеальным. Что же касается втородублидеального, то оно в значительной степени подчинено ментоидеальному. Именно в ментосубъективиуме заключена вся сущность суперсубъективиума. Поэтому в последующем изложении термины «суперсубъективиум» и «ментосубъективиум» (там, где это специально не оговорено) будут использоваться как синонимы.

Во всем последующем изложении речь будет идти не о неврообъектальном вообще, а только о ментоидеальном, не об идеальном вообще, а лишь о ментообъектальном. Различие между сенсообъектальным и ментообъектальным, между сенсоидеальным и ментоидеальным, между активииумом животных и суперактивиумом человека коренится в той принципиальной разнице между животными и человеком, речь о которой неоднократно шла в предшествующих книгах цикла.

Человек, в отличие от животных, преобразует мир, создает вещи, которые до этого не существовали. Успешное создание этих вещей с необходимостью предполагает наличие у человека к началу процесса их изготовления образов, точнее, квазиобразов — копий, не имеющих оригинала. Появление таких квазиобразов невозможно без познания общего, т. е. без появления образов общего — понятий и различного рода их комбинаций. Ни квазиобразы, ни понятия не могут возникнуть в результате воздействия внешних агентов на рецепторы организма, а тем самым и на его нервную систему. Они могут быть только созданы. Созданы должны быть и эти образы в целом, и содержащаяся в них в виде дублирующей информации, вещи для нас. Создание материальных вещей предполагает создание и чувственно-умозримых, и умозримых вещей для нас, идеальных сингулятов и идеальных универсатов.

Если положение о творении понятий и их комплексов вряд ли может вызывать особые возражения, то иначе дело обстоит с тезисом о создании информации. Поэтому он нуждается в разъяснении. Когда речь идет о создании материальных предметов, то все, конечно, понимают, что они творятся не из ничего, а из других материальных же вещей. Так же обстоит дело и с творением информации. Новая информация создается на основе ранее существовавшей.

Как уже указывалось, в чувственном познании отражаются не только вещи, но и практическая, прежде всего производственная, деятельность людей, несущая информацию об общем. Но эта информация существует в чувственном познании в скрытом виде; она существует в организме, но не существует для субъекта. Она является потенциальной, но не реальной. Чувственное познание не обладает такими формами отражения, которые сделали бы информацию об общем реальной, существующей для субъекта. Такими формами являются только понятия и их комбинации.

А эти формы могут быть только созданы. Но информация всегда объектальна. Она не может существовать без материального носителя, которым являются состояние нервов и нервные процессы. Потому создавать новую информацию, новые виды информации невозможно без воздействия на нервы и нервные процессы. Необходимо создавать и уничтожать нервные связи, изменять состояния нервных волокон и т. п. Иначе говоря, нужно управлять течением материальных нервных процессов.

Когда возникает управление нервными процессами, происходит коренное изменение информации, несомой ими. До этого она существовала как нечто пассивное, как определенный порядок множества состояний нервного процесса. Когда нервные процессы стали управляться и направляться, объектальное стало создаваться, изменяться, трансформироваться, иными словами, пришло в движение, само стало особого рода процессом. Вполне понятно, что процессом стало только то объектальное, которое оказалось в суперактивнуме и тем самым стало дубльидеальным. В последующем речь пойдет только об этом объектальном. Именно оно, и только оно, стало процессом.

Как видно из всего сказанного, объектальное могло быть процессом только при условии управления нервными процессами, являвшимися его материальными носителями. Именно это управление материальными нервными процессами и является не чем иным, как преобразованием объектального, созданием, изменением и при необходимости уничтожением идеальных универсатов. Иными словами, управление нервными процессами представляет собой преднамеренное творение идеальных универсатов, целенаправленную деятельность определенного субъекта, субъективную деятельность.

Таким образом, объектальный процесс имеет две оболочки. Одна из них — материальные нервные процессы, другая — субъективная деятельность. В случае с сенсоидеальным объектальное выступает в качестве содержания образа внешнего мира (дубльидеального), материальный нервный процесс — в качестве его субъективной формы. С ментоидеальным все обстоит иначе. Особенности строения и состояние нервной системы, когда она в норме, никак не сказываются на том, каким именно умозримый мир предстает перед субъектом.

Состояние мозга влияет на умозримый мир, каков он для нас, лишь в случае патологии — шизофрении и т.п. (см. об этом: IV.10.1).

Субъективной формой для содержания мыслительных образов внешнего мира является субъективная деятельность. Мышление, ментоидеальное есть единство объектального (дублидеального) процесса и субъективной деятельности. Вместе взятые, они образуют ментальное иконидеальное. Субъективная деятельность не есть что-то постороннее по отношению к мышлению, она есть то же самое мышление, но взятое в его обратном отношении к материи, иначе говоря, воля. Субъективная деятельность есть волевая деятельность. Мышление всегда одновременно является и волей, оно может существовать только при условии обратного воздействия на мозговые материальные процессы, а затем через практику на материальный внешний мир.

Все объективные процессы идут по определенным законам. Будучи объективным процессом, мышление тоже с неизбежностью должно быть подчинено законам. Каждая форма движения материи имеет свои особенные, присущие только ей законы. Мышление не есть форма движения материи, оно не материально, а объектально. Оно есть движение идеальных универсатов, умозримых вещей для нас, причем не каких-либо особых, а любых. Поэтому собственными законами мышления могут быть только такие законы, по которым движутся все без исключения объекты мира, т. е. предельно общие законы развития. Как мы знаем, их принято называть законами диалектики (см. II.9.3).

Когда Г. Гегель открыл, что мышление есть не только субъективная деятельность человека, но и объективный процесс, идущий по объективным законам, перед философами сразу встал вопрос о природе объективности человеческого мышления. Г. Гегелю было совершенно ясно, что объективность мышления не может состоять в его материальности. Но если оно нематериально, то, следовательно, должно быть духовным, причем таким духовным, которое по своей природе является объективным и только объективным. Отсюда с неизбежностью следует вывод о существовании объективного нечеловеческого мышления, абсолютной идеи. Объективность же человеческого мышления объясняется тем, что оно является одним из проявлений нечеловеческого абсолютного мышления.

Труднее пришлось материалистам. Они знали только один вид объективного — материальное, материю. Поэтому принятие тезиса об объективности мышления как процесса означало для них признание мышления материальным, одной из форм движения материи. Но тогда исчезало различие между материальным и идеальным, материей и духом. В результате натурматериалистам не оставалось ничего другого, как игнорировать открытие Г. Гегеля.

Выход из положения был найден с обнаружением существования двух видов объективно-реального: материального и объектального — и выявлением того, что одной из разновидностей объектального является информация. В мышлении нет ни грана материи в любой ее форме, оно не есть особая форма движения материи и не включает в себя никакие формы движения материи. И тем не менее оно — не только субъективная деятельность, но и объективный процесс. Его объективность заключается в его не материальности, а объектальности. Мышление есть неразрывное единство объектального (дубльидеального) процесса и субъективной, волевой деятельности.

Так как мышление есть и объективный процесс, и деятельность, причем творческая, созидательная, то с неизбежностью встает вопрос, во-первых, о том, что является субстантом этого процесса, во-вторых, о том, кто является субъектом деятельности, деятелем, творцом, созидателем. Можно, конечно, сказать, что и субстантом, и субъектом (творцом) является человек. В общем и целом это верно, но этого совершенно недостаточно.

У животного субъективум есть проявление активиума. У человека суперсубъективум, точнее, та его часть, которая выше была названа ментосубъективумом, есть не только проявление активиума.

Суперсубъективум, существуя на базе активиума, обратно воздействует на активиум, управляет и активиумом в целом, и всеми нервными процессами, которые в нем совершаются.

Суперсубъективум и есть тот самый одновременно и субстант мышления, и его субъект. Он и есть то, что принято называть человеческим духом, сознанием, человеческим Я.

Он идеален и тем самым и объектален. Он есть не только познание, но и воля, он есть нерасторжимое единство познания и воли. Мышление как познание невозможно без его обратного воздействия на мозг и тем самым через практическую деятельность на внешний объективный, материальный мир. Так как суперсубъективизм по своей природе идеален (и объектален), то получается, что идеальное (и тем объектальное), управляя материальными мозговыми процессами, управляет самим собой, творит, создает самое себя. Человеческий дух является таким творцом, который творит самое себя, единством творца и творения. Мышление творит себя и тем самым умоизобразимый мир для нас, мир, каким он существует для человека. И, создавая умоизобразимый мир для нас, мышление тем самым воссоздает умоизобразимый (и не только умоизобразимый) мир, каким он существует сам по себе, т. е. объективно, вне и независимо от мышления. В какой-то степени к такому пониманию человеческого духа приблизился великий немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте (1762-1814). Но этот творящий себя и мир, каков он для человека, дух он оторвал от человека и превратил в абсолютное Я, творящее все существующее: и общество, и природу. Реальный человеческий ментосубъективизм есть такая информация, которая подчинила себе свой собственный материальный носитель (без которого она, разумеется, существовать не может), вырвалась на свободу и стала изменять, трансформировать, создавать самое себя. Если у животных субъект есть тот же самый организм, лишь взятый в определенном отношении, то у человека все обстоит иначе. У человека субъект, он же субстант мышления, он же творец самое себя, продолжая существовать в материальной, телесной оболочке нервно-мозговых процессов, в то же время противостоит мозгу как части организма, а тем самым и организму, телу в целом. Человек есть единство тела и духа, в котором ведущая роль принадлежит духу. Дух управляет телом и тем самым самим собой. Только таким и может быть существо, занимающееся материальным производством.

Действия человеческих рук, вооруженных орудиями, могут направлять течение материальных процессов, происходящих в мире, только в том случае, когда они являются волевыми, сознательными. И чтобы они могли быть такими, необходимо, чтобы мышление могло управлять материальными мозговыми процессами. Управление человеком течением материальных нервных процессов в мозгу — необходимое условие управления человеком течением материальных процессов во внешнем мире.

Метафорически отношение между мышлением (духом) и мозгом можно сравнить с отношением между всадником и лошадью. Человек оседлал лошадь и управляет ее движением. Лошадь всегда только либо стоит на месте, либо движется. А всадник атакует противника или бежит от него, догоняет или перегоняет в гонке соперника, исполняет номер в цирке и т. п. Аналогия здесь, конечно же, очень грубая. Ведь и наездник, и лошадь — существа материальные. А дух в отличие от мозга не материален, а идеален.

Сверхсубъективизм, дух управляет не только самим собой. Он не только заставляет мозг замыкать и размыкать нервные связи между словесными энграммными пунктами, не только заставляет течь процесс нервного возбуждения по пунктолинейной корковой сети в нужном направлении. В сферу его деятельности включен весь пунктоэнграммный конгломерат. Мышление замыкает нервные связи не только между словесными энграммными пунктами, но и между ними и энграммными пунктами, несущими информацию о самых различных предметах внешнего мира, — предметными энграммными пунктами. Замыкается, например, связь между энграммными пунктами, несущими информацию, скажем, о яблоке, и между энграммными пунктами таких слов, как «яблоко», «круглый», «цвет», «красный», «спелый», «вкусный», «гладкий», «запах», «приятный», «сердцевина», «кожура» и т. п. и т. д.

Таким образом, мышление оперирует не только понятиями, но и представлениями (воспроизведениями, репродуктивами), расчленяет их на части и склеивает воедино элементы разных представлений. В результате создаются различного рода мыслечувствования, и в суперсубъективизме начинают существовать несуществующие в действительности предметы (кентавры, ангелы, черти и т. п.). Оперирование одновременно и понятиями, и представлениями характерно для художественного мышления. Его продуктами являются такие мыслечувствования, которые принято называть литературными персонажами, — Дон Кихот, Санчо Панса, Евгений Онегин, Татьяна Ларина и т. п. (см. IV.4.5).

Мышление, управляя работой мозга, может не только направлять внешние действия человека, но и оказывать воздействие на процессы, происходящие в его организме. Науке хорошо известно явление, называемое самовнушением.

Но нельзя ограничиться положением о том, что человеческий дух управляет мозгом. Нужно попытаться объяснить, как это возможно, т. е. попытаться раскрыть материальный, нервнофизиологический механизм воли.

Глава 3. Проблема нервно-физиологического механизма воли

1. Постановка проблемы нервно-физиологического механизма свободы воли в современной науке

То обстоятельство, что мышление управляет работой мозга, является несомненным фактом. Но с готовностью его признавали лишь сторонники концепции психофизиологического взаимодействия. Приверженцы примитивно-материалистической точки зрения начисто это отрицали. Остальные же материалисты старались воздерживаться от каких-либо высказываний по этому вопросу. Открытого заявления о том, что мышление способно управлять и управляет мозговыми материальными процессами, мы не находим даже у тех материалистов, которые признавали существование свободы человека и тем самым наличие у него свободы воли. А между тем, по существу, это одно и то же. Соглашаться с бытием у человека свободы воли нельзя, не признавая способности человеческого духа управлять работой мозга. Из всех философов-материалистов мне известен только один, который прямо заявил о признании этого факта. Это многократно упоминавшийся выше Д. И. Дубровский. «Вряд ли можно усомниться, — писал он в работе „Информация, сознание, мозг“ (1980), — что мысль, образ, волевое усилие действительно управляют телесными процессами, инициируют и регулируют наши действия и поступки. Эмпирические подтверждения этого мы получаем непрерывно»¹. «Следовательно, — уточнял он в труде „Проблема идеального. Субъективная реальность“ (2002), — я могу, как бы это странно ни звучало, оперировать по своей воле некоторым классом своих мозговых неуродинамических систем, т. е. управлять ими»².

¹ Дубровский Д. И. Информация, сознание, мозг. М., 1980. С. 190.

² Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002. С. 156.

Те из наших исследователей, которые обратили внимание на это заявление Д. И. Дубровского, встретили его в штыки. «...Совсем загадочной, — писал крупнейший нейрофизиолог, директор Института высшей нервной деятельности АН СССР Павел Васильевич Симонов (1926-2003), — представляется постулируемая Д. И. Дубровским способность „управления“ некоторым классом мозговых нейродинамических систем своего мозга»³.

Д. И. Дубровский в своих работах подвергает совершенно справедливой критике приверженцев примитивно-материалистического взгляда, упрекая их в отрицании несомненного факта. Рассматривает он и взгляды современных нейрофизиологов, стоящих на позициях новейшей разновидности концепции психофизиологического взаимодействия — дуалистического интеракционизма. Последние, будучи не философами, а специалистами по нейрофизиологии, пытались, не ограничиваясь общими утверждениями, создать естественно-научную теорию, объясняющую, каким образом человек управляет мозгом.

Такую попытку предпринял крупнейший физиолог Джон Кэрю Экклз (1903-1997) в работах «Нейрофизиологический базис сознания» (1953) и «Лицом к лицу с реальностью. Философские приключения исследователя мозга» (1970). Он исходит из существования разлитой в универсуме духовной субстанции. Наш мозг обладает способностью вступать в контакт с духом, и когда это происходит, «поле влияния» духа, воздействуя на мозг, определяет сознательную деятельность человека. «...Мозг, — пишет Дж. Экклз, — при помощи особой способности входит в связь с духом, обладая свойством „детектора“, исключительная чувствительность которого несравнима с детектором какого бы то ни было физического прибора»⁴. Чтобы дух мог подключиться к мозгу, необходимо возбуждение некоторого критического количества взаимосвязанных нейронов коры. И когда это происходит, «дух вызывает изменения в системе материи и энергии»⁵.

³ Симонов П. В. Наука о высшей нервной деятельности человека и психофизиологическая проблема // Журнал высшей нервной деятельности. 1980. Т. 30. Вып. 2. С. 239.

⁴ Eccles J. C. The Neurophysiological Basis of Mind. Oxford, 1953. P. 267-268.

⁵ Eccles J. C. Facing Reality. Philosophical Adventures by a Brain Scientist. New York, etc., 1970. P. 125.

Дж. Экклз дает массу точнейших подробностей о работе возбужденной части коры мозга, но о связи мозга и духа ничего конкретного сказать не может. «И если Экклз, — совершенно справедливо замечает Д. И. Дубровский, — считает, что его гипотеза способствует расширению границ естественных наук за пределы „природной системы — материя, энергия“, то мы вынуждены признать, что в действительности такое расширение означает только выход за пределы науки вообще, в область теологии или спиритизма»⁶.

Гипотеза Дж. Экклза не дает никакого решения рассматриваемой реальной и очень важной проблемы. Но решение-то ее необходимо. «Как объяснить, — совершенно четко формулирует вопрос Д. И. Дубровский, — „механизм“ идеального причинения? Каким образом явления субъективной реальности, которым нельзя приписывать физические свойства, способны выступать причиной телесных изменений?»⁷

«Идеальное причинение (и то, что именуется „идеальной причиной“), — отвечает он, — является видом информационного причинения („информационной причины“), которое качественно отличается по своему внутреннему „механизму“ от физического причинения»⁸. Но если суть дела в специфике информационной причинности, качественно отличной от физической, то такого рода явление должно иметь место и в управляемых информацией механизмах. Но этого же нет. Может быть, тогда дело не просто в информационной причинности вообще, а в том, что она в данном случае является не только информационной, но одновременно еще и физической. Но психика есть и у животных, а того управления мозговыми процессами, о котором идет речь, у них нет. Как пишет сам же Д. И. Дубровский: «...У животных нет той специфичной для человека формы активности, которая именуется свободой воли»⁹.

⁶ Дубровский Д. И. Психические явления и мозг... С. 72.

⁷ Дубровский Д. И. Проблема идеального... С. 152.

⁸ Там же.

⁹ Дубровский Д. И. Проблема идеального... С. 151.

Тогда Д. И. Дубровский наряду с давно известным понятием детерминации вводит понятие самодетерминации. «...Акт свободы воли (как в плане производимого выбора, так и в плане генерации внутреннего усилия для достижения цели), — пишет он, — есть акт *самодетерминации*. Тем самым устраняется тезис о несовместимости понятия свободы воли и детерминации, но последнее должно браться в смысле не только внешней, но и внутренней детерминации»¹⁰. Слов здесь много, только толку-то никакого. Если существует самодетерминация, то нужно показать, как она возможна, вскрыть ее механизм. А вот этого-то как раз и нет.

Не только все философы, но и практически все ученые, которые так или иначе сталкиваются с этим вопросом, делятся на два основных лагеря. Одни из них считают, что никакой свободы воли не существует ни у животных, ни у людей. К их числу относится И. П. Павлов и все его ортодоксальные последователи. С их точки зрения, все поведение как животных, так и человека является условно-рефлекторным. Но если нет и не может быть духа, который управлял бы мозгом, то нет и не может существовать никакого механизма подобного управления. Поэтому здесь нет никакой проблемы, которую нужно было бы решать. Вопрос может состоять только в установлении условно-рефлекторной природы актов поведения, которые принимаются за произвольные.

Сторонники второго направления выступали с критикой концепции И. П. Павлова. С их точки зрения, кроме условно-рефлекторных актов поведения существуют качественно отличные от них целенаправленные, волевые, рассудочные акты, что кроме высшей нервной деятельности существует качественно отличное от нее мышление, рассудок, разум, интеллект.

¹⁰ Там же. С. 156.

И они были бы правы, если бы исходили из того, что условно-рефлекторным, причем полностью условно-рефлекторным, является поведение животных, включая и высших, а волевым, сознательным — поведение человека. Но в том-то и дело, что если не все они, то большинство их приписывают наличие волевого, целенаправленного поведения не только человеку, но и животным, прежде всего высшим. Получается, таким образом, что они, как ортодоксальные павловцы, стирают грань между животными и человеком. Первые биологизируют человека, а вторые очеловечивают животных.

На антипавловских позициях всегда стояли и стоят подавляющее большинство зарубежных исследователей. Когда-то большинство советских ученых придерживались павловских взглядов. Одни — потому, что были искренне убеждены в истинности учения И. П. Павлова. Другие — потому, что после состоявшейся в 1950 г. Объединенной научной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященной проблемам физиологического учения И. П. Павлова, даже сомневаться в правильности выдвинутых этим ученым идей было опасно: могли выгнать с работы ¹¹.

Но постепенно, особенно после смерти И. В. Сталина и XX съезда КПСС, все эти запреты были сняты самой жизнью. В результате многие павловцы шаг за шагом стали переходить на ан-типавловские позиции в понимании поведения животных. Вряд ли можно их за это упрекнуть: каждый ученый имеет полное право придерживаться взглядов, которые представляются ему истинными. Плохо было, пожалуй, то, что, отказываясь от основных положений И. П. Павлова, многие из этих исследователей продолжали клясться в своей верности его учению, причем тогда, когда всякая опасность лишиться за отказ от павловского учения возможности заниматься наукой давно уже исчезла.

¹¹ Материалы сессии см.: Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения И. П. Павлова. Стенографический отчет. М., 1950. См. также: Идеология и наука. Дискуссии советских ученых середины XX века. М., 2008. С. 143-178.

Примером может послужить работа Леонида Викторовича Крушинского (1911-1984) «Биологические основы рассудочной деятельности. Эволюционный и физиолого-генетический аспекты поведения» (1977; 1986), кстати, удостоенная Ленинской премии. В ней отстаивается взгляд, что по крайней мере у высших животных поведение ни в коем случае не сводится к условно-рефлекторной деятельности. У них наряду с ней существует и другая, более высокая форма — рассудочная деятельность.

С тем чтобы как-то согласовать свои воззрения с павловскими, Л. В. Крушинский объявляет, что прокламируемая им рассудочная деятельность животных тоже есть не что другое, как высшая нервная деятельность, но только иная, чем условно-рефлекторная. Таким образом, и у него, как и у И. П. Павлова, с чисто формальной точки зрения получается, что поведение животного есть высшая нервная и только нервная деятельность. Но это не что иное, как явная попытка сбить читателя с толку. В действительности И. П. Павлов, говоря о высшей нервной деятельности, во всех своих работах имел в виду исключительно условно-рефлекторную и только условно-рефлекторную деятельность. Иной трактовки высшей нервной деятельности мы у него не находим.

Еще один прием: Л. В. Крушинский уверяет, что И. П. Павлов в выступлении на одной из своих сред, состоявшейся 13 ноября 1935 г., под давлением фактов отказался от своих прежних взглядов на поведение животных. Но смерть, последовавшая вскоре после этого (27 февраля 1936 г.), помешала ему объявить это во всеуслышание. Это утверждение Л. В. Крушинского было в дальнейшем подхвачено новыми антипавловцами. Один из них — Леонид Александрович Фирсов (1920-2006) — не ограничился только объявлением исследователей, продолжавших придерживаться павловского учения, догматиками. Он обвинил их в распространении «малодоказанных постулатов», во втискивании фактов в «прокрустово ложе надуманных идеологических построений», которые они совершали на «фоне самозабвенного обмана (не заблуждения, а именно обмана, дабы не усложнять себе жизнь)»¹².

¹² Фирсов Л. А. По следам Маугли // Язык в океане языков. Новосибирск, 1993. С. 46.

В действительности ни о каком отказе И. П. Павлова от собственных положений не может быть и речи. В 30-е гг. им и его учениками было установлено, что временная нервная связь может возникнуть не только между безусловным раздражителем и ранее индифферентным агентом, который тем самым становится условным раздражителем, но также и между двумя индифферентными для организма раздражителями. Вторую связь нельзя назвать условным рефлексом. Если условный рефлекс является единством знания и действия, то возникновение второй нервной связи есть возникновение только нового знания о мире, которое впоследствии может проявиться в условно-рефлекторной деятельности. Ни о какой другой форме действия животного, отличной от рефлекса, у И. П. Павлова речь не шла. И обращаясь к поведению шимпанзе Рафаэля, с которым велись эксперименты, И. П. Павлов подчеркнул, что в нем проявляются не только собственно рефлексы, но и временные нервные связи второго вида (между индифферентными раздражителями)¹³.

Важнейшим в концепции Л. В. Крушинского является утверждение, что для высших животных характерна «способность улавливать простейшие эмпирические законы, связывающие предметы и явления окружающей среды, и возможность оперировать этими законами при построении программ поведения в новых ситуациях»¹⁴. Но ни об этих эмпирических законах, ни тем более о физиологических, нервных механизмах их отображения мы из книги ровным счетом ничего не узнаем. Физиология головного мозга там полностью отсутствует.

¹³ См.: Павловские среды... Т. 3. С. 261-263.

¹⁴ Крушинский Л. В. Биологические основы рассудочной деятельности. Эволюционный и физиолого-генетический аспекты поведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. С. 27.

Не лучше обстоит дело и в совместной книге Л. А. Фирсова и А. М. Чиженкова «Эволюция интеллекта. Присущ ли разум животным?» (СПб., 2004). Авторы дают утвердительный ответ на поставленный ими вопрос. У них нет сомнений, что высшие животные обладают и разумом, и волей, что их поведение является сознательным, целенаправленным, планомерным и волевым. Но о механизме разума и воли у животных они не могут сказать ничего, кроме общих и совершенно пустых фраз. «Высшие животные, особенно обезьяны, — читаем мы в книге, — способны устанавливать новые связи как между собой и предметами окружающей действительности, так и между различными предметами, что и является материальной основой мышления»¹⁵. Чувствуя, что этого совершенно недостаточно, авторы формулируют положение, которое они именуют НМОВ — нервная модель опережающего вывода. Затем они поясняют: «НМОВ — это врожденная базисная структура, которая осуществляет первичный формально-логический схематизм мышления у человека и высших животных. При этом данная структура, в силу врожденности, не зависит от каких-либо форм обучения»¹⁶. И это все.

По существу, все разговоры о нервной деятельности, которых в книге немало, представляют собой прикрытые для возвращения авторов к старым, безжалостно раскритикованным И. П. Павловым приемам, заключающимся в истолковании поведения животного по аналогии с поведением человека. «Изучение поведения обезьян в настоящее время, — пишут они, — стало немислимым без привлечения знаний о психической деятельности человека»¹⁷.

Нет нужды рассматривать все работы, относящиеся к этому направлению. Их немало. Ограничимся в последующем лишь книгами Зои Александровны Зориной, первая из которых, «Зоопсихология. Элементарное мышление животных» (М., 2001), написана ею в сотрудничестве с Ингой Игоревной Полетаевой, а вторая, «О чем рассказали „говорящие“ обезьяны» (М., 2006), создана совместно с Анной Анатольевной Смирновой.

¹⁵ Фирсов Л. А., Чиженков А. М. Эволюция интеллекта. Присущ ли разум животным? СПб., 2004. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 43.

¹⁷ Там же. С. 15.

Все эти авторы крайне непоследовательны. На одних страницах они говорят о наличии у животных «зачатков» и «элементов» мышления. Такая формулировка предполагает, что мышление присуще лишь людям, а у животных обнаруживаются лишь его зачатки и элементы¹⁸. Но на тех же, а также и других страницах эти же самые авторы пишут о наличии у животных настоящего элементарного (довербального) мышления, которое называют также «разумом», «рассудочной деятельностью», «разумным» или «рассудочным» поведением¹⁹. Но это означает признание существования двух форм мышления: одного — животного, а другого — человеческого. А это предполагает выявление, во-первых, общих признаков, присущих и тому, и другому мышлению, во-вторых, различий между ними. В качестве общей характеристики авторы принимают ту, которую когда-то в одной работе дал крупный психолог и нейрофизиолог Александр Романович Лурия (1902-1971): мышление возникает тогда, когда субъект оказывается в ситуации, из которой нет готового, привычного выхода²⁰.

Если принято такое определение, то мышление можно найти практически у всех животных. И амеба может в принципе найти выход из непривычной ситуации. Самое, пожалуй, любопытное, что люди, берущиеся разобраться в мышлении животных и человека, имеют о человеческом мышлении более чем странное представление. Они, например, выделяют такие формы мышления, как индуктивное, дедуктивное и абстрактно-логическое (вербальное). Неужели им неизвестно, что именно абстрактно-логическое мышление является и индуктивным, и дедуктивным?

З. А. Зорина и А. А. Смирнова в оправдание своего отступления от учения И. П. Павлова тоже утверждают, что в самые последние годы жизни великий ученый отказался от своих положений. И самое удивительное, что в качестве доказательства они приводят цитату из его работы «Естествознание и мозг», относящейся к 1909 г. Сами они при этом ссылаются на «Павловские среды», причем с указанием

¹⁸ Зорина З.А., Полетаева И. И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2006. С. 3, 7, 17 и др.

¹⁹ Там же. С. 3 и др.

²⁰ Там же. С. 16.

страницы, но без указания тома ²¹. Разумеется, ни в одном из трех томов «Сред» на указанной странице ничего похожего нет.

З. А. Зорина и ее соавторы без конца говорят, что руководимая мышлением деятельность животных носит целенаправленный, волевой характер. Но, хотя они работают на кафедре высшей нервной деятельности биологического факультета МГУ, им и в голову не приходит попытаться не то чтобы раскрыть физиологические механизмы прокламируемого ими поведения животных, но хотя бы что-нибудь сказать о них.

Остаются совершенно пустыми, чисто камуфляжными все высказывания, что рассудочная деятельность животных тоже есть высшая нервная деятельность, но только другая, не условно-рефлекторная. Никакой физиологии высшей нервной деятельности в их работах и в помине нет: в наличии одна лишь зоопсихология, та самая, права на существование которой в качестве науки И. П. Павлов категорически отрицал. Да они и сами это признают. В заглавии большинства их работ без всяких обиняков значится слово «зоопсихология».

Все современные исследователи, относящиеся к этому направлению, пишут о преодолении догматизма и отставания от западной науки, изучающей поведение, об огромном шаге вперед, который ими теперь сделан. А на деле произошло возвращение от объективного исследования поведения животных к субъективистскому его толкованию, которое всегда было присуще зоопсихологам и которое подвергалось жесточайшей критике в трудах И. П. Павлова.

Суть зоопсихологического подхода — трактовка поведения животных по аналогии с субъективными переживаниями человека. Наши современные исследователи полностью воскресили прежнюю зоопсихологическую терминологию: животное подумало, поставило цель, приняло решение и начало по заранее выработанному плану его реализовывать. Кумиром наших современных антипавловцев снова стал немецкий психолог Вольфганг Келер (1887-1967), а его книга «Исследование интеллекта человекоподобных обезьян» (русс. пер.: М., 1930) стала для них библией.

²¹ См.: Зорина З.А., Смирнова А. А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М., 2006. С. 64. Ср.: Павлов И. П. Двадцатилетний опыт... С. 79.

В. Келер заявил, что он открыл у шимпанзе такую форму мыслительной деятельности, как инсайт (озарение). Наши авторы молитвенно это повторяют, несмотря на то что И. П. Павлов, который был прекрасно знаком с трудами В. Келера и подвергал их жесточайшей критике, убедительно показал, что факты, на которые ссылается этот исследователь, не дают основания толковать их подобным образом. Он предложил им другую, на мой взгляд, совершенно верную интерпретацию²². В целом приходится говорить не о прогрессе нашей науки о поведении животных, а о ее чудовищной теоретической деградации.

Отсутствие весомых аргументов восполняется откровенной демагогией. Чуть ли не главный довод против тех, кто отказывается признать существование у животных мышления и волевой сознательной деятельности, заключается в том, что этим отказом они вырывают непроходимую пропасть между животными и людьми²³. На деле их оппоненты просто-напросто проводят качественное различие между животными и человеком, и только. А это качественное различие, что бы по этому вопросу ни говорили, действительно существует. И о какой непроходимой пропасти, вырываемой этими исследователями, может идти речь, когда все они без малейшего исключения (речь, разумеется, идет только об ученых) считают, что предками человека являются животные, т. е. признают, что эта качественная грань была когда-то перейдена.

Отказ от выявления физиологических механизмов трактуемого как произвольное поведения животных не является чем-то принципиально новым в нашей науке, причем необязательно дореволюционной и первых лет советской власти.

²² См.: Павловские среды. Т. 3. М.; Л. 1949. С. 385-389; Павлов И. И. Интеллект человекообразных обезьян // Неопубликованные и малоизвестные материалы И. П. Павлова. Л., 1975.

²³ См.: Зорина З. А., Смирнова А. А. Указ. соч. С. 35.

Крупный отечественный физиолог академик Иван Соломонович Бериташвили (Беритов) (1884/5-1974) еще в 30-х гг. создал и до самых последних дней отстаивал положение о том, что высшей формой поведения позвоночных животных является вовсе не условно-рефлекторная деятельность, как полагал И. П. Павлов, а качественно отличная от нее образная, или психонервная, деятельность. О психонервной деятельности им написана масса работ, но ни в одной из них мы не найдем ответа на вопрос, является эта деятельность материальной или идеальной, или же она соединяет в себе физиологическое и психическое, а если так, то каким образом²⁴. Все эксперименты, которые он проводил с животными, целиком и полностью укладываются в рамки условно-рефлекторной деятельности. Важное положение его концепции заключается в том, что поведение животного определяется образами, возникающими и репродуцирующимися в его мозгу. Но если так, то, спрашивается, каким способом образы, которые являются по своей природе идеальными, управляют материальными мозговыми процессами? Судя по содержанию его работ, такой вопрос даже и не приходил в голову И. С. Бериташвили.

Не приходил он в головы и всем рассмотренным выше исследователям, утверждавшим, что поведение животных носит волевой, сознательный, целенаправленный характер. Естественно, что никто из них даже не пытался его решить. Разумеется, что ответа на него мы не найдем и в книгах даже самых сверхсовременных западных специалистов, занимающихся исследованием поведения животных и наделяющих животных мышлением и волей. Ну а с тем, что творится с вопросом о механизмах управления человеком своим мозгом, мы уже знакомы. Короче: названная проблема к настоящему времени остается полностью нерешенной. Поэтому предстоит ей специально заняться. Другого выхода нет. Но перед этим нужно хотя бы коротко задержаться на материалах, которые дали основания современным антипавловцам утверждать, что у животных есть рассудочная деятельность, качественно отличная от условно-рефлекторной.

²⁴ См.: *Бериташвили И. С.* Об образной психонервной деятельности животных. М., 1966; *Он же.* Избранные труды. Нейрофизиология и нейропсихология. М., 1975.

2. Обобщение и абстрагирование у животных. Поведение человекообразных обезьян и условные рефлексy

Как на доказательство наличия у высших животных мышления наши современные зоопсихологи ссылаются на существование у них способности к обобщению и абстрагированию. Они видят в этом неопровержимое доказательство несводимости поведения к условно-рефлекторной деятельности. Но никто из них даже не попытался вскрыть нервные механизмы этого обобщения и абстрагирования.

Как уже говорилось (1.2), изучением этих механизмов много занимался И. П. Павлов и сторонники его учения. Но наши современные зоопсихологи не только не ссылаются на работы И. П. Павлова и павловцев, в которых эта проблема рассматривается, но упорно делают вид, что таких работ вообще не существует. И понять их можно. И. П. Павлов убедительно доказал, что то обобщение и абстрагирование, которое наблюдается у животных, полностью вписывается в условно-рефлекторную теорию.

Другой довод, к которому прибегают наши новейшие зоопсихологи, — это невозможность объяснить поведение по меньшей мере человекообразных обезьян, не выходя за рамки условно-рефлекторной теории. Этот довод опровергается трудами и самого И. П. Павлова, в которых все сложности поведения антропоидов, с которыми он работал, получают достаточно полное объяснение с позиций его теории. Существуют и работы, авторы которых специально занимались поведением антропоидов и убедительно показали, что все действия, включая самые сложные, подопытных животных прекрасно объясняются с помощью павловской теории.

Это прежде всего серия статей Михаила Петровича Штодина, опубликованных в «Трудах Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова» (1947)²⁵, а также книги Эразма Григорьевича Вацура (1907-1967) «Исследование высшей нервной деятельности антропоида (шимпанзе)» (М., 1948) и Анатолия Ивановича Счастливого «Сложные формы поведения антропоидов. Физиологическое изучение „произвольной“ деятельности шимпанзе» (Л., 1972).

В заключение нельзя не указать на еще одну чаще всего сколько-нибудь четко не осознаваемую причину, побуждающую многих ученых отказываться от трактовки поведения животных, особенно высших, как условно-рефлекторного. ИмPLICITно принято считать, что признание поведения животных рефлекторным вообще, условно-рефлекторным в частности, равносильно признанию его абсолютно предопределенным. Такая его трактовка присутствует, например, в работе Ивана Михайловича Сеченова (1829-1905) «Рефлексы головного мозга» (см.: П.8.3).

Но совершенно очевидно, что поведение животного, особенно высшего, абсолютно предопределенным не является. Будучи предопределенным в главном и основном, оно всегда не предопределенное в деталях. Каждый конкретный акт поведения животного мог произойти, а мог не произойти. В поведении животных существует вариативность, альтернативность. Вот эта-то вариативность и принимается за проявление воли, свободы. Но, как указывалось в третьей книге цикла (III.5), абсолютной предопределенности в мире вообще нет. Все процессы, происходящие в мире, одновременно и предопределенны, и неопределенны, включая и те, что имеют место в неживой природе. Но никакой воли и свободы там заведомо быть не может.

²⁵ Штодин М. П. Материалы по вопросу о высшей нервной деятельности человекообразной обезьяны (шимпанзе). Сообщения I и II; О некоторых формах поведения человекообразной обезьяны (шимпанзе) в условиях эксперимента; Новые данные в изучении высшей нервной деятельности обезьян // Труды Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова (Колтуши). Т. 1. 1947.

Кстати сказать, И. П. Павлов прекрасно понимал, что условно-рефлекторная деятельность всегда является не только предопределенной, но и неопределенной, что она не исключает вариативности, альтернативности. «В настоящее время, — писал он, — учение об условных рефлексах, только на основании работ наших лабораторий, составляет обширнейшую главу с массой фактов и рядом точных правил, связывающих эти факты. Вот только самый общий очерк или, точнее сказать, основные рубрики этой главы. Прежде всего идут довольно многочисленные подробности относительно скорости образования условных рефлексов. Затем следуют разные виды условных рефлексов и их общие свойства. Далее, так как условные рефлексы имеют своим местом высший отдел нервной системы, где постоянно сталкиваются бесчисленные влияния внешнего мира, то понятно, что между разнообразными условными рефлексами идет бесперывная борьба или выбор в каждый данный момент»²⁶.

3. Р. Пенроуз о воздействии сознания на материальные процессы

Как уже указывалось, только приверженцы концепции психофизиологического взаимодействия охотно говорят о воздействии сознания на материальные мозговые процессы, хотя, как мы уже видели, не могут объяснить, как это происходит. Сторонники иных точек зрения, как правило, никогда не ставят этот вопрос столь открыто. Чуть ли не единственным, а может быть и единственным исключением среди философов-материалистов, как уже отмечалось, является Д. И. Дубровский.

Поэтому большой интерес представляет собой позиция математика и физика Роджера Пенроуза, который в своей работе «Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики» (1989) в числе многих других сюжетов обратился к психофизиологической проблеме. Вопрос этот был им поставлен достаточно четко.

²⁶ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт... С. 76.

«В дискуссиях по проблеме „ум — тело“ имеются, — пишет он, — два отдельных пункта, на которых обычно сосредоточивается внимание: „Каким образом материальный объект (мозг) может в действительности *порождать* сознание? “; и, наоборот: „Каким образом сознание усилием воли может реально воздействовать на (явно физически обусловленное) движение материальных объектов? “ Это пассивный и активный аспекты проблемы „ум — тело“. Дело выглядит так, как если бы у нас в „уме“ (или, вернее, в „сознании“) существовала некая нематериальная „вещь“, которая, с одной стороны, активизируется материальным миром, а с другой — может оказать на него воздействие»²⁷.

Допущение существования в сознании нематериальной «вещи» представляется Р. Пенроузу не вполне научным. Он предпочитает более научную постановку вопроса: «Какие преимущества естественного отбора дает сознание тем, кто действительно им обладает?»²⁸ Как явствует из формулировки, решение «этих вечных фундаментальных загадок философии» он ищет на путях естествознания, причем первоначально биологии, включая неврологию, и поэтому у него ничего не получается.

Еще в «Новом уме короля» Р. Пенроуз писал о том, что в мышлении «участвует некая существенная неалгоритмическая составляющая»²⁹. В более поздней работе «Тени разума: в поисках науки о сознании» (1994) он видит в принципиальной невычислимости мышления главную его особенность. Отсюда он делает вывод о том, что основой этой «невычислимости» является «физическая невычислимость». Нужно найти невычислимые физические процессы. Такими не являются процессы, приходящие на нейронном уровне работы мозга. Их нужно искать на более глубоком уровне, а именно на границе между квантовыми и классическими процессами.

²⁷ Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. 4-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2011. С. 347.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 345.

«Я глубоко убежден... — пишет Р. Пенроуз, — что научный путь к пониманию феномена разума несомненно существует, и начинаться этот путь должен с более глубокого познания собственно физической реальности»³⁰. Он надеется, что в конце концов загадку разума могут решить физика и математика. И напрасно надеется. Чтобы раскрыть сущности мышления вообще, свободы воли в частности, нужно двигаться от биологической формы движения материи не «вниз» — к физической ее форме, от теории естественного отбора к «правильной квантовой теории гравитации», а «вверх» — к обществу, к социальному движению, от теорий естественного отбора и высшей нервной деятельности к материалистическому пониманию общества и истории.

³⁰ Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. М.; Ижевск, 2005. С. 13.

Глава 4. Эволюция нервной системы и высшей нервной деятельности (поведения) животных

1. Эволюция нервной системы животных*

В 2005 г. увидела свет книга «История одной случайности или происхождение человека». Автор ее, Леонид Борисович Вишняцкий, убежден, что возникновение человека на Земле было результатом случайного стечения благоприятных обстоятельств. Будь хотя бы что-нибудь несколько по-другому, люди бы никогда не появились.

Ф. Энгельс придерживался по этому вопросу прямо противоположной точки зрения. «...У нас, — писал он, — есть уверенность, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время»¹

Мысль Ф. Энгельса о том, что человеческий дух возник на нашей планете в силу объективной необходимости, совершенно верна. Возникновение труда, а тем самым человека, общества, языка и мышления, было не случайностью, а закономерным результатом всего предшествующего развития животного мира Земли.

* Изложенные ниже положения были впервые высказаны мною в работе «Некоторые проблемы предистории человеческого мышления», написанной в 1955 г. Она была представлена к защите на соискание ученой степени кандидата философских наук, но ее побоялись принять, ибо в ней содержалась масса выводов, которые отсутствовали в трудах как И. П. Павлова, так и его последователей. В последующем эти идеи были высказаны в статье: *Семенов Ю. И.* Объективная логика развития высшей нервной деятельности животных // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. 12. Вып. 2.

¹ *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 383.

Эволюция земных животных, рассматриваемая в целом, в самом общем виде, носила характер восхождения на все более и более высокие стадии развития. Это отнюдь не означает, что весь животный мир развивался поступательно. Закономерностью было, что на каждой новой достигнутой животными стадии прогресса происходило расхождение путей их дальнейшей эволюции. Все пути, кроме одного, вели к специализации, были боковыми, а тем самым и тупиковыми. И только один из них выводил на принципиально новый уровень развития животного мира, на котором снова происходило расщепление, снова выделялись ветви и ствол. Магистральная линия развития царства животных шла через подцарство многоклеточных, тип хордовых, подтип позвоночных (черепных), класс млекопитающих, отряд приматов, подотряд обезьян, секцию узконосых обезьян, надсемейство гоминоидов (*Hominioidea*), семейство человекообразных обезьян, или понгидов (*Pongidae*), подсемейство африканских крупных антропоидов (*Anthropopithecinae*).

Совершенствование приспособления животных к окружающей среде посредством естественного отбора могло идти двумя основными путями. Один из них — изменение морфологии организма, которое, само по себе взятое, обеспечивало более гарантированное его выживание в данной среде. Движение по этому пути чаще всего вело к специализации. Другой путь — все более гибкое реагирование организма на вызовы окружающей среды. Именно этот путь был магистральным. Общий ход поступательного движения по этой дороге состоял в замещении врожденных, безусловно-рефлекторных реакций организма действиями индивидуально-приобретенными, условно-рефлекторными. В конечном счете он привел к тому, что поведение высших животных почти полностью стало индивидуально-приобретенным, условно-рефлекторным.

Второй путь совершенствования приспособления к среде не только не исключал изменения морфологии организма, но, наоборот, с необходимостью ее предполагал. Начиная с появления многоклеточных животных механизмом, который анализировал и синтезировал раздражения, поступавшие из внешней среды, и обеспечивал адекватное реагирование на них организма, была нервная система. Магистральное развитие морфологической организации животных шло по линии совершенствования нервной системы. В этом процессе явственно выделяются три основных этапа.

Первый — этап *централизации*, становления центральной нервной системы. Он завершился появлением нервной трубки — единого нервного аппарата, в котором все части подчинены центральному отделу — головному мозгу. С этих пор реагирование организма на внешний мир, его поведение всецело стало деятельностью головного мозга. Окончательно трубчатая нервная система оформляется у позвоночных (черепных) животных.

В свое время Ф. Энгельс в «Диалектике природы» великолепно обрисовал место позвоночных в эволюции животного мира. «Их существенный признак, — писал он об этом подтипе животных, — *группировка всего тела вокруг нервной системы*. Этим дана возможность развития до самосознания и т. д. У всех прочих животных нервная система нечто побочное, здесь она основа всей организации; нервная система, развившись до известной степени... завладевает всем телом и организует его сообразно своим потребностям»².

Второй этап — *церебрализация* (от лат. *cerebrum* — мозг), или *энцефализация* (от греч. «энцефалос» — мозг), усложнение и развитие головного мозга и возрастание его значения в регуляции функций организма. Он завершается переходом роли регулятора поведения животного к высшему отделу головного мозга — переднему мозгу. В этом отделе возникает специальный орган условно-рефлекторной, или высшей нервной, деятельности — кора больших полушарий головного мозга. Процесс церебрализации окончательно завершается с появлением млекопитающих.

² Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 623.

Начинается третий этап — *кортикализация* (от лат. *cortex* — кора), этап совершенствования коры головного мозга и все большего перехода к ней роли регулятора функций организма вообще, поведения животного прежде всего. Проявляется вторичная мантия — неопаллиум. Возникают прямые пути, ведущие от коры к нижележащим центрам экстрапирамидной системы. Следующий шаг — появление пирамидной системы — путей, связывающих кору головного мозга непосредственно с двигательными нейронами спинного мозга. Высшего в животном мире совершенства развития кора головного мозга достигает у обезьян вообще, человекообразных обезьян в особенности. На завершающем этапе кортикализации все поведение животного становится условно-рефлекторной деятельностью.

2. Полукорковые и цельнокорковые условные рефлексы

Основные положения учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности уже были изложены во второй книге цикла (II.5.4). Не повторяя уже сказанного, остановлюсь лишь на тех моментах, которые насущно необходимы для понимания общего хода прогресса высшей нервной деятельности.

Простейшая схема рефлекса такова. Внешний раздражитель действует на орган животного, специально приспособленный для приема внешних раздражений, — рецептор. Такими рецепторами являются, например, глаз и ухо. При воздействии внешнего раздражителя в рецепторном аппарате животного возникает нервный процесс возбуждения (раздражительный процесс). Возникший нервный процесс по нерву, который носит название центrostремительного, афферентного, чувствительного, направляется в аппараты центральной нервной системы, где он перебрасывается на нерв, носящий название центробежного, эфферентного, двигательного. По центробежному, эфферентному нерву процесс возбуждения достигает рабочего органа, вызывая его деятельность, вызывая определенный эффект.

Путь возбуждения от органа, воспринимающего внешние воздействия, — рецептора, до органа, осуществляющего ответ на эти внешние воздействия, — эффектора, носит название рефлекторной дуги. Существует два основных вида рефлексов: безусловные и условные. Первые вызываются безусловными раздражителями, вторые — условными.

Безусловными раздражителями, т. е. раздражителями, вызывающими безусловные рефлексы, являются такие воздействия внешней среды, которые либо непосредственно благоприятствуют организму, либо непосредственно действуют разрушающе на организм. Условными раздражителями становятся такие воздействия среды, которые сами по себе для животного ни полезны, ни вредны, но сигнализируют ему о приближении опасности, о наличии пищи и т. п. Эти сигналы не могут быть постоянными, они непрерывно меняются. Поэтому связи между сигнальными раздражителями и ответными действиями организма могут быть только временными.

Биологическое значение условных рефлексов огромно. Бесчисленное множество условных раздражителей являются сигналами относительно немногих раздражителей, непосредственно благоприятствующих или непосредственно вредящих организму, и тем обеспечивают совершенное приспособление животного к среде. Дуга безусловного рефлекса (т. е. путь, по которому возбуждение, вызванное действием безусловного раздражителя, достигает рабочего органа) является врожденной. Дуга условного рефлекса должна быть предварительно образована.

«...Первое и основное условие для образования данного условного рефлекса, — писал И. П. Павлов, — это совпадение во времени действия ранее индифферентного агента с действием безусловного агента, который вызывает определенный безусловный рефлекс. Второе важное условие состоит в следующем. При образовании условного рефлекса индифферентный агент должен несколько предшествовать действию безусловного раздражителя»³.

³ Павлов И. П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга // Полн. собр. соч. 2-е изд., доп. Т. IV. М.; Л., 1951. С. 40-41.

Обычный условный рефлекс возникает на базе определенного безусловного рефлекса, является как бы надстройкой над ним. Условный раздражитель представляет собой заменитель, сигнал безусловного. Он вызывает ту же реакцию, что и заменяемый им безусловный раздражитель.

Совокупность безусловных рефлексов составляет основной фонд нервной деятельности организма. Вся остальная нервная деятельность организма надстраивается на фундаменте этих рефлексов.

Анатомическим субстратом сложнейших безусловных рефлексов являются ближайшие к большим полушариям головного мозга подкорковые узлы — базальные ганглии. В ближайшей подкорке находятся центры важнейших безусловных рефлексов, инстинктов: пищевого, полового, оборонительного и др.

Образование условных рефлексов, возникновение новых нервных путей происходит в коре больших полушарий. Кора больших полушарий головного мозга является органом временных связей организма и среды, органом условных рефлексов. «...Накапливается все больше и больше фактических указаний... — читаем мы у И. П. Павлова, — что образование новой нервной связи, замыкательный процесс, *целиком* происходит в больших полушариях, т. е. в них находятся не только пункты приложения бесчисленных индифферентных раздражений, но в них же лежат и деятельные пункты, представители безусловных рефлексов, между которыми устанавливается новая связь»⁴.

В коре головного мозга между пунктом, в который приходит возбуждение, вызванное действием индифферентного раздражителя, и пунктом так называемого коркового представительства подкоркового центра безусловного рефлекса проторяется временная нервная связь. С этого момента возбуждение, вызванное действием ранее индифферентного раздражителя, достигнув коры больших полушарий, направляется по образовавшейся временной нервной связи к корковому представительству безусловного рефлекса, от него к центру безусловного рефлекса, находящемуся в подкорке, и оттуда к рабочему органу, вызывая его деятельность. Ранее индифферентный раздражитель теперь начинает вызывать ту же деятельность, что и безусловный раздражитель, становится условным раздражителем.

⁴ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт... С. 303-304.

Нетрудно заметить, что дуга условного рефлекса в своей эфферентной части полностью совпадает с дугой того безусловного рефлекса, надстройкой над которым является данный условный рефлекс. Это относится не только к тем рефлексам, заключительным актом которых является выделение слюны и другие подобные реакции организма, но и к части тех, которые завершаются движениями органов тела, т. е. определенными действиями. Именно к части двигательных реакций, но не ко всем им. Поведение высшего животного есть прежде всего его движения — деятельность его скелетно-мышечной системы. Поэтому разобраться в том, каким образом могут осуществляться и осуществляются двигательные реакции животного, крайне необходимо.

В случае с безусловным рефлексом возбуждение, вызванное действием безусловного раздражителя, по чувствительным, афферентным проводящим путям направляется в эфферентные, воспринимающие клетки подкоркового центра безусловного рефлекса, затем перебрасывается к центрам экстрапирамидной системы и по эфферентным, двигательным проводящим путям этой системы достигает двигательных нервных клеток (двигательных, моторных нейронов) передних рогов спинного мозга. Из мотонейронов передних рогов спинного мозга возбуждение непосредственно передается к мышцам, вызывая их деятельность.

Врожденные, безусловные двигательные реакции совершаются через экстрапирамидную систему. Экстрапирамидной системой называется система двигательных проводящих путей, связывающих подкорковые центры и ствол головного мозга с двигательными нейронами спинного мозга. В систему экстрапирамидных путей входят подкорковые узлы: хвостатое ядро, скорлупа (стриатум), бледный шар, льюисово тело, черная субстанция и красное ядро.

В случае с условным рефлексом описанного выше вида возбуждение, вызванное действием условного раздражителя, по образовавшейся в коре временной нервной связи достигает коркового представительства безусловного рефлекса и от него направляется в подкорку — к центру безусловного рефлекса. Далее оно по тому же пути, по которому шло возбуждение, вызванное действием безусловного раздражителя, достигает тех же моторных нейронов спинного мозга и вызывает ту же деятельность мышц.

Таким образом, такого рода условный двигательный рефлекс осуществляется через экстрапирамидную систему. Дуга условного рефлекса частично совпадает с дугой безусловного. Условный раздражитель вызывает ту же врожденную деятельность, что и безусловный раздражитель, сигналом которого он является. Исполнительная, эффекторная часть условного рефлекса совпадает с эффекторной частью того безусловного рефлекса, надстройкой над которым является данный условный.

В этом и ему подобных случаях кора больших полушарий выступает только как афферентный, воспринимающий раздражения отдел центральной нервной системы, эффекторным же, исполнительным аппаратом здесь являются подкорковые отделы. Импульсы из коры достигают моторных нейронов спинного мозга и вызывают двигательные реакции через посредство подкорковых центров по экстрапирамидной системе. Воздействия из коры регулируют деятельность подкоркового аппарата, то тормозя его, то пуская в ход. Безусловных рефлексов существует немного. Немного существует безусловных раздражителей и соответствующих им врожденных ответов организма. Каждый безусловный раздражитель может сигнализироваться бесчисленным количеством условных. Но если бы все условные раздражители принадлежали к описанному выше типу, то это бесчисленное множество условных раздражителей могло бы вызывать только те ответные деятельности организма, которые вызываются немногими безусловными. Это, конечно, ограничивало бы приспособление животного к среде.

Более полным стало бы это приспособление, если бы животное смогло отвечать на воздействия внешнего мира не только немногими врожденными реакциями, но и бесчисленным множеством приобретенных в течение индивидуальной жизни ответных деятельностей. Тончайшее и точнейшее приспособление животного к окружающей среде предполагает наличие у него способности отвечать на бесчисленное множество раздражителей бесчисленным же множеством ответных действий.

И действительно, высшие животные отвечают на воздействия среды многочисленными и самыми разнообразными индивидуально приобретенными деятельностями. Индивидуально приобретенными является большинство двигательных реакций высшего организма. Это обусловлено тем, что кора больших полушарий их головного мозга кроме окольного пути (через экстрапирамидную систему) получила прямой доступ к двигательным нейронам передних рогов спинного мозга — через пирамидный (пирамидальный) кортикоспинальный тракт. Кроме кортикоспинальных путей к пирамидной системе относят также аналогичные им в функциональном отношении кортиконуклеарные пути, связывающие кору головного мозга с ядрами двигательных черепно-мозговых нервов.

Пирамидный путь начинается в пирамидных клетках коры головного мозга. По кортикоспинальному тракту импульсы из коры идут прямо к моторным нейронам спинного мозга, минуя все остальные этажи центральной нервной системы. «Толстые нейроаксоны пирамидальной системы, — пишет выдающийся русский физиолог Алексей Алексеевич Ухтомский (1875-1942), — соединяют пирамидальные клетки коры большого мозга с любым двигательным прибором спинного мозга по короткому спрямленному направлению; пирамидальные пути не заходят в подкорковые центры... Толщина путей и их спрямленность обеспечивают наибольшую скорость сигнализации. Поэтому сигналы с коры, направленные по пирамидальной системе, будут обгонять и перекрывать ту сигнализацию, которая осуществляется через многозвенные нервные цепи экстрапирамидальной системы; и в мотонейронах при столкновениях импульсов будут иметь преимущество те импульсы с коры, которые направлены по пирамидальной системе. Пирамидальная система представляет собой главные, выводящие, эфферентные пути коры большого мозга. Это система спрямленных путей от коры к сегментарным мотонейронам; впервые появляется она в связи с развитием высших рецепторов на расстоянии — предупредительной рецепции зрения и слуха... Пока пирамидальной системы нет — все реакции осуществляются через экстрапирамидальную систему.

С появлением пирамидальных путей обслуживание быстрых и срочных реакций переходит преимущественно к ним. Они подчинены в особенности органам высшей рецепции, предупредительной рецепции на расстоянии, с развитием которой так тесно связано развитие коры большого мозга»⁵.

С возникновением пирамидной системы произошел качественный скачок — кора больших полушарий головного мозга из чисто афферентного отдела центральной нервной системы превратилась и в эфферентный ее отдел. Для условных рефлексов, осуществляемых через пирамидную систему, кора является не только афферентным отделом, но и эфферентным. Этим они качественно отличаются от всех остальных условных рефлексов, для которых кора является только афферентным отделом.

Условные рефлексы, таким образом, делятся на две качественно различные группы: рефлексы, для которых кора является только афферентным отделом, и рефлексы, для которых кора является и афферентным, и эфферентным отделом. Рефлексы первого типа совершаются наполовину через посредство аппарата коры, наполовину через посредство аппарата подкорковых центров. К ним относятся все условные рефлексы, кроме двигательных, а из двигательных условных рефлексов — те, которые осуществляются через экстрапирамидную систему. Рефлексы второго типа совершаются без участия аппарата подкорковых центров, целиком через аппараты коры больших полушарий. К ним относятся двигательные рефлексы, осуществляющиеся через пирамидную систему.

Рефлексы первого типа можно назвать *полукорковыми* рефлексами, рефлексы второго типа — *цельнокорковыми*. Последние — более высокая ступень развития условных корковых рефлексов, чем полукорковые.

Ответ на вопрос, как образуются цельнокорковые рефлексы и достигается огромное разнообразие индивидуально приобретенных двигательных реакций, дают работы И. П. Павлова и его учеников. «...Большие полушария, по-нашему, — писал великий физиолог, — состоят из собрания анализаторов: глазного, ушного, кожного, носового и ротового.

⁵ Ухтомский А. А. Очерк физиологии нервной системы // Собр. соч. Т. IV Л., 1954. С. 83-84.

Исследование этих анализаторов привело нас к выводу, что число их надо увеличить, что кроме перечисленных анализаторов, имеющих отношение к внешним явлениям, внешнему миру, надо признать в больших полушариях существование еще особых анализаторов, которые имеют целью разлагать огромный комплекс внутренних явлений, происходящих в самом организме. Нет сомнения, что для организма важен не только анализ внешнего мира — для него так же необходимо сигнализирование вверх и анализирование и того, что происходит в нем самом. Словом, кроме перечисленных внешних анализаторов должны существовать анализаторы внутренние. Важнейшим из внутренних анализаторов является двигательный анализатор, анализатор движения. Все мы знаем, что от всех частей двигательного аппарата — суставных сумок, суставных поверхностей, сухожилий и т. д. — идут центроостремительные нервы, которые сигнализируют каждый момент, каждую малейшую подробность акта движения. Все эти нервы, как в высшей инстанции, собираются в клетках больших полушарий. Разнообразные периферические окончания этих нервов, сами они и нервные клетки, в которых они кончаются в больших полушариях, и составляют собой особый анализатор, который расчленяет двигательный акт в его огромной сложности на большое число мельчайших элементов, чем и достигается огромное разнообразие и точность наших скелетных движений»⁶.

Если глазной, ушной, кожный, носовой и ротовой корковые анализаторы являются только афферентными отделами коры головного мозга, то, в отличие от них, двигательный анализатор является не только афферентным, но и эфферентным отделом мозга. В состав двигательного анализатора входят и рецепторные клетки, воспринимающие, анализирующие раздражения, идущие от двигательного аппарата, — кинестезические (кинестетические) раздражения (отсюда воспринимающие клетки двигательного анализатора получили название кинестезических) и эфферентные, пирамидные клетки, от которых начинаются пирамидные пути. В состав двигательного анализатора входят и чувствительные, и двигательные клетки.

⁶ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт... С. 134.

Данная особенность двигательного коркового анализатора вытекает из специфики двигательного аппарата. Двигательный аппарат является рабочим органом, является эффектором. Но во всех частях двигательного аппарата имеются периферические окончания центростремительных нервов, передающих кинестезические раздражения в кору головного мозга. В этом смысле двигательный аппарат является также и рецепторным прибором, рецептором.

Двигательный аппарат является одновременно и эффекторным прибором, и рецепторным, и эффектором, и рецептором. Двойной роли периферического аппарата соответствует и двойная роль самого высшего аппарата — коркового анализатора движения. Двигательный аппарат есть и рецептор, и эффектор, двигательный анализатор есть и афферентный, и эфферентный отдел коры.

Благодаря существованию двигательного анализатора движения животного, кинестезические раздражения, идущие в кору из двигательного аппарата во время совершения движения, могут стать таким же условным раздражителем, как и внешние агенты — свет, звук и т. д.

Если, например, поднимать лапу собаки, а затем подкармливать ее, т. е. подкреплять кинестезические раздражения безусловным раздражителем, то между очагом раздражения в двигательном анализаторе и так называемым корковым представительством безусловного пищевого рефлекса возникает временная нервная связь. Достаточно потом будет поднять лапу собаки, как у нее начнет выделяться слюна. «Красногорский в физиологической лаборатории Военно-медицинской академии (1911), — писал И. П. Павлов, — точно установил несомненную афферентную природу двигательной области коры, образовав из кинестезического раздражителя скелетной мускулатуры условный пищевой раздражитель, как он образуется из всех других раздражений, поступающих в кору полушарий через внешние рецепторы: глаз, ухо и т.д. Иначе говоря, он показал, что всякое пассивное скелетное движение могло быть сделано сигналом положительного безусловного пищевого рефлекса, условным пищевым раздражителем»⁷.

⁷ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт... С. 445.

Образовавшийся условный рефлекс почти ничем по своей структуре не отличается от обычного условного рефлекса. Различие состоит лишь в том, что условным раздражителем является не внешний объект, а определенное пассивное движение, кинестезические раздражения, идущие из двигательного аппарата во время совершения этого движения. Но самое интересное происходит, когда животное находится в состоянии пищевого возбуждения. В подобной ситуации возбуждение из пищевого безусловного центра распространится на корковое представительство пищевого центра и оттуда по образовавшейся нервной связи направится к тем клеткам двигательного анализатора, которые воспринимали кинестезические раздражения, ставшие условным раздражителем. Из кинестезических клеток возбуждение перебросится к таким пирамидным клеткам, импульсы от которых вызовут движение, явившееся условным раздражителем. В ответ на пищевое возбуждение собака поднимет лапу. Безусловное возбуждение вызовет приобретенное движение. Этот пример — яркое проявление основной закономерности работы двигательного анализатора, заключающейся в том, что «раздражению определенных кинестезических клеток в коре отвечает определенное движение, как и обратно: пассивное воспроизведение определенного движения посылает, в свою очередь, в кору импульсы в те кинестезические клетки коры, раздражение которых активно производит это движение»⁸, и в том, что «...кинестезическая клетка, раздражаемая определенным пассивным движением, производит это же движение, когда раздражается не с периферии, а центрально...»⁹

Важно отметить, что кинестезические раздражения могут комбинироваться с различного рода внешними раздражениями — звуковыми, световыми и т. п. Собаке, например, не только поднимают лапу, но и говорят: «Дай лапу» и кормят ее. Это повторяют несколько раз.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 446.

Между очагами возбуждения в двигательном, слуховом и вкусовом (где, как полагает И. П. Павлов, находится корковое представительство пищевого центра) анализаторах возникнет временная нервная связь. Поднятие лапы, слова «дай лапу» вызывают пищевой рефлекс. Когда собака находится в состоянии пищевого возбуждения, она поднимает лапу. Этот факт нам уже знаком. Но собака поднимет лапу и в ответ на слова «дай лапу». И это вполне понятно, возбуждение из слухового анализатора направляется по ранее образованной временной нервной связи к кинестезическим клеткам и от них через пирамидный путь к двигательному аппарату, вызывая его работу. В ответ на условный раздражитель следует индивидуально приобретенное движение.

Подобного рода движения животного некоторые исследователи именуют произвольными и утверждают, что они качественно отличаются от условно-рефлекторных. В действительности же здесь имеет место цельнокорковый двигательный условный рефлекс. Все доводы, которые приводились против положения И. П. Павлова: все без исключения действия животного суть рефлексы, — отпадают. «Произвольные» движения животного также представляют собой рефлексы. В них ничего произвольного нет.

Но механизм цельнокорковых условных рефлексов своеобразен. Когда совершается определенное движение, импульсы из двигательного аппарата идут в соответствующие кинестезические клетки коры. Кинестезические клетки раздражаются с периферии. Импульсы идут от периферии к коре, от двигательного аппарата, выступающего в роли рецептора, к кинестезическим клеткам коры.

В коре между кинестезическими клетками, слуховыми и вкусовыми образуется временная нервная связь. Когда раздражаются слуховые клетки, возбуждение от них идет к кинестезическим. Кинестезические клетки возбуждаются центрально, из коры. Импульсы из кинестезических клеток идут к пирамидным клеткам и от них в двигательный аппарат, вызывая те движения, которые посылают раздражения в данные кинестезические клетки. На этот раз импульсы идут из коры к периферии, от кинестезических клеток (через пирамидные) к двигательному аппарату, который выступает в роли эффектора.

В первом случае импульсы шли от двигательного аппарата в кору, во втором, наоборот, из коры к двигательному аппарату. В первом случае двигательный аппарат выступал в роли рецептора, во втором — в роли эффектора. Но это разграничение носит условный характер.

Двигательный аппарат всегда выступает и как рецептор, и как эффектор. Эффекторная и рецепторная функции двигательного аппарата неотделимы одна от другой. Импульсы в кору от двигательного аппарата идут только тогда, когда он работает, т. е. рецептором он является только тогда, когда он является эффектором. Он не может быть рецептором, не будучи эффектором. С другой стороны, всякий раз, когда двигательный аппарат работает, т. е. когда он является эффектором, от него идут импульсы в кору, т. е. он является тогда рецептором. Он не может быть эффектором, не будучи рецептором.

Выходит, что и в первом, и во втором случае движение возбуждения шло не в одном направлении, а в обоих. Всякий раз, когда идет движение возбуждения от двигательного аппарата к кинестезическим клеткам, происходит и его движение от кинестезических клеток к двигательному аппарату, и обратно, когда возбуждение движется от кинестезических клеток к двигательному аппарату, одновременно происходит его движение от двигательного аппарата к кинестезическим клеткам.

Когда работает двигательный аппарат, импульсы идут в кору, возбуждают кинестезические клетки, и от них раздражение не только иррадирует по коре, но часть его идет обратно в двигательный аппарат. Когда кинестезические клетки возбуждаются центрально, то импульсы идут в двигательный аппарат, вызывая его работу, а раздражения от работающего двигательного аппарата направляются в эти же клетки коры, укрепляя образовавшиеся временные нервные связи или их систему.

И в том, и в другом случае возбуждение возвращается к исходному пункту. Образуется своеобразное нервное кольцо: двигательный аппарат — кинестезические клетки — пирамидные клетки — двигательный аппарат, по которому происходит движение возбуждения. Нервное кольцо состоит из трех частей. Первая часть — путь от двигательного аппарата до кинестезических клеток коры. Вторая — путь от кинестезических клеток до пирамидных. Третья — путь от пирамидных клеток до двигательного аппарата.

Вторая часть нервного кольца — связь между кинестезическими клетками и соответствующими им пирамидными — лежит полностью в коре. И. П. Павлов, решая вопрос о природе этой связи, писал: «В этом физиологическом представлении о произвольных движениях остается нерешенным вопрос о связи в коре кинестезических клеток с соответствующими двигательными клетками, от которых начинаются пирамидальные эфферентные пути. Есть ли эта связь прирожденная или она приобретает, вырабатывается в течение внеутробного существования? Вероятно второе. Если она потом постоянно в течение всей жизни расширяется и совершенствуется, естественно предположить, что и первое время индивидуального существования высших животных и особенно человека, когда последний месяцами обучается управлять своими первыми движениями, идет именно на образование этой связи»¹⁰.

Нервное кольцо является основой цельнокоркового рефлекса. Возникновение цельнокоркового рефлекса невозможно без образования нервного кольца.

3. Эволюция высшей нервной деятельности животных

Поведение, высшая нервная деятельность животного является деятельностью коры больших полушарий головного мозга, условно-рефлекторной деятельностью. Это поведение прежде всего определяется сложнейшими безусловными рефлексами, инстинктами, имеющими своим анатомическим субстратом ближайшие к полушариям подкорковые узлы — базальные ганглии.

¹⁰ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт... С. 446. Здесь И. П. Павлов допускает известную биологизацию человека. То, что он говорит, в полной мере справедливо только по отношению к животным. У человека же кроме рефлексов существуют качественно отличные от них волевые движения.

Если сложнейшие безусловные рефлексы животного, его потребности, его требования к внешней среде не будут удовлетворяться, оно неизбежно погибает. Существовать для животного — значит удовлетворять его сложнейшие безусловные рефлексы, инстинкты, его потребности.

Высшая нервная деятельность имеет своей основой деятельность центров ближайшей подкорки. «...Безусловные, специальные рефлексы — ...фундамент высшей нервной деятельности животного, — подчеркивал И. П. Павлов. — Однако этот фундамент, оставшись один, без дальнейшей надстройки, оказывается недостаточным для сохранения индивидуума и вида. Нужно присоединить добавочный прибор — большие полушария, обеспечивающие животному ориентировку в окружающем мире»¹¹.

Кора больших полушарий, анализируя и синтезируя внешнюю среду, замыкая и размыкая временные нервные связи, создавая и погашая условные рефлексы, обеспечивает удовлетворение сложнейших безусловных рефлексов. Таким образом, деятельность коры больших полушарий должна определяться воздействием не только подкорки, но и окружающей внешней среды. Деятельность коры должна уравнивать внешнюю среду и деятельность подкорки, внешнюю природу и природу организма.

Чтобы уравновесить внешнюю среду и деятельность подкорки, кора больших полушарий должна либо воздействовать на внешнюю среду, приспособляя ее к деятельности подкорки, либо, наоборот, воздействовать на деятельность подкорки, приспособляя ее к внешней среде.

Само собой разумеется, что кора своей деятельностью не в состоянии воздействовать на внешнюю среду в направлении приспособления ее к деятельности подкорки. В результате она может уравнивать деятельность подкорки и внешнюю среду только одним путем — воздействуя на деятельность подкорки, регулируя и контролируя деятельность подкорки, приспособляя ее к внешней среде.

¹¹ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт... С. 385.

Если бы кора оказалась не в состоянии управлять деятельностью подкорки, она не смогла бы добиться уравнивания среды и подкорки, не смогла бы обеспечить существование организма. «Обычно большие полушария, как высший орган соотношения организма с окружающей средой и, следовательно, как постоянный контролер исполнительных функций организма, держат следующие за ними отделы головного мозга с их инстинктивными и рефлекторными деятельностями под своим постоянным влиянием»¹².

Кора больших полушарий, анализируя и синтезируя среду для подкорковых узлов, регулирует и контролирует их деятельность. Только таким образом достигается уравнивание внешней среды и подкорковой деятельности, сохраняется существование организма. Чем в большей степени деятельность коры определяется воздействием внешней среды, тем более совершенным становится приспособление организма к природным условиям. А это предполагает возрастание обратного воздействия коры на подкорку. Увеличение же регулирующей и контролирующей роли коры по отношению к деятельности подкорки неизбежно ведет к уменьшению влияния деятельности подкорки на деятельность коры.

Как уже говорилось во второй книге цикла (II.5.4), И. П. Павлов и его ученик Николай Иванович Красногорский (1882-1961) отмечали, что кора больших полушарий головного мозга в каждый данный момент работает только своей незначительной частью — «активным полем», которое для краткости я предложил называть активиюмом.

Деятельность коры в каждый данный момент представляет собой деятельность «активного поля» коры. Активиум коры в каждый данный момент является органом высшей нервной деятельности, органом поведения.

Участок коры с оптимальной возбудимостью, «активно действующее поле коры» есть не что иное, как корковая (кортикальная) доминанта. Изучить деятельность коры, проследить развитие высшей нервной деятельности — значит изучить развитие «активного поля» коры, изучить развитие корковой доминанты.

¹² Павлов И. П. Двадцатилетний опыт... С. 375.

Разобраться в особенностях корковой доминанты, проследить ее эволюцию невозможно, не ознакомившись с учением А. А. Ухтомского о доминанте. Нельзя решить сложнейшие проблемы высшей нервной деятельности, не объединив учений И. П. Павлова и А. А. Ухтомского.

На значение учения о доминанте для изучения высшей нервной деятельности неоднократно указывал сам А. А. Ухтомский. «Вчитываясь в „Двадцатилетний опыт“ И. П. Павлова, я убеждаюсь, — писал он, — что доминанта играет роль ключа для объяснения того механизма „временных связей“, который открыт Иваном Петровичем в работе высших кортикальных рефлексов»¹³.

«...В нормальной деятельности центральной нервной системы, — излагал А. А. Ухтомский суть своего учения, — текущие переменные задачи ее в непрестанно меняющейся среде вызывают в ней переменные „главенствующие очаги возбуждения“, а эти очаги возбуждения, отвлекая на себя вновь возникающие волны возбуждения и тормозя другие центральные приборы, могут существенно разнообразить работу центров... Господствующий очаг возбуждения, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций центров в данный момент, я стал обозначать термином „доминанта“. При этом я исходил из убеждения, что способность формировать доминанту является не исключительно достоянием коры головного мозга, но общим свойством центров...»¹⁴

Работы А. А. Ухтомского в основном посвящены изучению доминанты низших этажей центральной нервной системы. В отличие от коры головного мозга, во всех остальных этажах центральной нервной системы происходит не образование новых рефлексов, а функционирование готовых, врожденных, безусловных рефлексов.

¹³ Ухтомский А. А. Доминанта и интегральный образ // Собр. соч. Т. I. Л., 1950. С. 193.

¹⁴ Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Собр. соч. Т. I. Л., 1950. С. 164.

Объединение и координирование деятельности безусловно-рефлекторного аппарата происходит путем образования доминанты. «Доминанта... — временно господствующий рефлекс, которым трансформируется и направляется для данного времени, при прочих равных условиях, работа прочих рефлекторных дуг и рефлекторного аппарата в целом»¹⁵. Доминанта складывается в нервных центрах как под влиянием рефлекторных возбуждений, вызванных раздражителями внешней или внутренней среды, так и в результате действия на эти центры некоторых гормонов.

Доминирующий нервный центр, обладающий повышенной возбудимостью, отвлекает на себя импульсы, идущие в другие центры, подкрепляет себя посторонними импульсами и тормозит работу остальных нервных центров, тормозит другие текущие рефлексы. «С той точки зрения, которую я излагал, — писал А. А. Ухтомский, — симптомокомплекс доминанты заключается в том, что определенная центральная группа, в данный момент особенно впечатлительная и возбудимая, в первую голову принимает на себя текущие импульсы, но это связано с торможением в других центральных областях, т. е. с угнетением специфических рефлексов на адекватные раздражители в других центральных областях, и тогда множество данных из среды, которые должны были бы вызвать соответствующие рефлексы, если бы пришли к ним в другое время, остаются теперь без прежнего эффекта, а лишь усиливают текущую доминанту (действуют в руку текущего поведения)»¹⁶.

Во всех этапах нервной системы, кроме коры, господство одного безусловного рефлекса сменяется господством другого, на смену одной доминанте приходит другая доминанта. Коровая доминанта, имея общее с доминантами низших этажей, в то же время должна иметь специфические, только ей присущие черты, должна отличаться от них, ибо она возникает и существует в таком отделе центральной нервной системы, в котором происходит не функционирование готовых, врожденных рефлексов, а образование новых рефлексов и их функционирование.

¹⁵ Ухтомский А. А. Доминанта как фактор поведения // Собр. соч. Т. I. Л., 1950. С. 325.

¹⁶ Там же. С. 309-310.

Корковая доминанта как очаг оптимальной возбудимости в первую очередь поддерживается энергией, идущей из подкорки. «...Ближайшая подкорка, — писал И. П. Павлов, — посылает из ее центров могучий поток раздражений в кору, чем поддерживается тонус последней»¹⁷.

Поток раздражений из подкорки поднимает уровень возбудимости корковых клеток до среднеоптимального и тем создает условия для легкого и быстрого образования условных рефлексов. Доминантный процесс, указывает А. А. Ухтомский, «может являться прогрессивным фактором, обогащающим нервную систему новыми осведомлениями, т. е. тем, что после И. П. Павлова мы теперь назвали бы подпочвой для образования временных связей, для вылавливания новых и новых поводов из среды, для увязывания новых поводов с ранее протекавшими реакциями. Как будто это и есть та нервно-соматическая подпочва, которая лежит в основе образования новых рефлексов, новых связей, т. е. условных рефлексов?»¹⁸.

Само собой разумеется, что не все подкорковые центры в равной степени участвуют в образовании и поддержании данной доминанты. В подкорке, как и в остальных этажах центральной нервной системы, возникает доминанта. Один из подкорковых центров является господствующим, доминирующим. Господствующий подкорковый центр, подкорковая доминанта, обуславливает возникновение корковой доминанты, поддерживает ее.

Можно полагать, что центр корковой доминанты находится в месте расположения так называемого коркового представительства того безусловного центра, которому обязана своим существованием данная корковая доминанта. Условные рефлексы, возникающие в «активном поле» коры, образуются на основе господствующего безусловного рефлекса и обслуживают его. Доминирующий подкорковый центр определяет деятельность коры, высшую нервную деятельность.

Поведение животного направлено на удовлетворение господствующего в данный момент инстинкта.

¹⁷ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт... С. 354.

¹⁸ Ухтомский А.А. Доминанта как фактор поведения... С. 301-302.

С переходом господствующей роли от одного безусловного центра к другому, со сменой одной подкорковой доминанты другой претерпевает изменения и корковая доминанта. В «активном поле» коры начинают образовываться условные рефлексy, являющиеся надстройкой над новым господствующим безусловным центром. Корковая доминанта поддерживается теперь раздражениями, идущими от нового доминирующего центра, и обслуживает его. Поведение животного изменяется, оно направляется теперь на удовлетворение другого безусловного рефлекса, инстинкта.

Во всех этажах центральной нервной системы, кроме коры, одна доминанта сменяет другую. А. А. Ухтомский полагал, что то же происходит и в коре. На смену одной корковой доминанте приходит другая. «Головной аппарат высшего животного, в общем, может быть характеризован как орган со множеством переменных, чрезвычайно длинных щупалец, из которых выставляется вперед, для предвкушения событий, то одно, то другое; и „опыт“ животного во внешней среде изменяется в зависимости от того, какими щупальцами оно пользуется, т. е. как дифференциально и как далеко оно предвкушает и проектирует свою среду в данный момент. Этот удивительный аппарат, представляющий из себя множество *переменных, калейдоскопически сменяющихся органов предупредительного восприятия, предвкушения и проектирования среды*, и есть головной мозг. Процесс же смены действующих органов достигается *посредством образования доминанты и торможения прочего мозгового поля*»¹⁹.

Первоначально, вероятно, так и было. С переходом доминирующей роли к другому подкорковому центру исчезала старая корковая доминанта и возникала новая. Смена одной подкорковой доминанты другой влекла за собой смену корковых доминант. Но корковая доминанта с самого начала имела особенности, отличающие ее от доминанты нижележащих этажей центральной нервной системы.

¹⁹ Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров... С. 168.

В корковой доминанте происходило образование условных рефлексов, замыкание временных нервных связей. Для образования временной связи необходимо, чтобы корковые клетки, на которые падают раздражители, способные стать условными, т. е.

потенциально-условные раздражители, входили в «активное поле» коры, чтобы их возбудимость поднималась до оптимальной. Только при этом условии возможно проторение нервного пути между этими корковыми клетками и корковым представительством безусловного центра, т. е. образование условного рефлекса.

Корковая доминанта должна непрерывно расширяться, захватывая все новые и новые корковые клетки, расположенные в самых различных частях коры. С другой стороны, для успешной работы коры необходимо, чтобы клетки, на которые падают раздражители, не вошедшие во временную связь с какой-либо деятельностью организма, выходили из «активного поля» коры, тормозились. Корковая доминанта должна не только непрерывно расширяться, но должна столь же непрерывно сужаться. Корковая доминанта должна беспрестанно пульсировать. Она не является топографически единым участком коры, она представляет собой непрерывно изменяющееся функциональное объединение корковых клеток, находящихся в самых различных частях коры.

О непрерывном изменении, пульсировании корковой доминанты свидетельствует так называемый ориентировочный рефлекс. «Каждый звук, как бы он ни был слаб, появляющийся среди постоянных звуков и шумов, окружающих животное, — писал И. П. Павлов, — каждое усиление или ослабление этих постоянных звуков, каждое колебание интенсивности общего освещения комнаты — скроется ли быстро солнце за облаками, прорвется ли луч света из-за туч, произойдет ли внезапное усиление или ослабление света электрической лампочки, пробежит ли по окну и комнате тень, распространится ли по комнате какой бы то ни было новый запах, проникнет ли в комнату откуда-нибудь струя теплого или холодного воздуха,

коснется ли что-нибудь, хотя бы самый незначительный предмет, кожи собаки (муха, ничтожный кусочек штукатурки с потолка), — во всех этих и подобных им бесчисленных случаях непременно наступит деятельность того или иного отдела скелетной мускулатуры нашего животного: придут в специальное движение веки, глаза, уши, ноздри животного, повернутся, переставятся туда или сюда, так или иначе голова, туловище и другие отдельные части животного, причем эти двигательные акты или повторяются и усиливаются, или животное, что называется, застывает, замирает в определенной позе. Перед нами опять роковая реакция организма — простой рефлекс, который мы называем ориентировочным, установочным рефлексом»²⁰.

Ориентировочный рефлекс наблюдается и у животных с удаленной корой больших полушарий. Следовательно, он является безусловным, врожденным рефлексом. Но «хорошо известен факт, что собака без больших полушарий не отвечает на огромную массу падающих на нее из внешнего мира раздражений, на которые постоянно и живо реагирует нормальное животное. Это касается как качества, так и силы внешних раздражений. Иначе сказать, внешний мир, как и внутренний, для собаки без больших полушарий чрезвычайно сужен, ограничен»²¹. Подавляющее большинство раздражителей внешней среды вызывает ориентировочный рефлекс только через посредство коры больших полушарий.

Ориентировочный «рефлекс на слабые и средней силы внешние раздражения у нормальной собаки угасает, конечно, при помощи торможения через три-пять повторений, а то и скорее. У собаки без больших полушарий нельзя дождаться конца его при повторении достаточного раздражения»²². Угасание ориентировочного рефлекса основано на развитии внутреннего коркового торможения и вполне аналогично угасанию условных рефлексов.

²⁰ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт... С. 84.

²¹ Там же. С. 320.

²² Там же.

Все это означает, что у нормального животного ориентировочный рефлекс происходит всегда при участии коры больших полушарий головного мозга. «При наличии больших полушарий он (ориентировочный рефлекс. — Ю. С.), — говорил И. П. Павлов, — очевидно, происходит при участии клеток больших полушарий. Это, несомненно, доказывается его высочайшей тонкостью, когда он появляется при всяком малейшем колебании окружающей среды, что возможно только при высшей аналитической функции больших полушарий и что совершенно недоступно для ниже лежащих отделов мозга»²³.

Раздражители, вызывающие ориентировочный рефлекс, представляя собой не что иное, как потенциально-условные раздражители. Вызвав ориентировочную реакцию, войдя в «активное поле» коры, они в дальнейшем либо становятся условными раздражителями, образуют временные связи с какими-либо деятельностями организма, либо не образуют такой связи. В последнем случае раздражитель начинает вызывать в клетках, которых он достигает, торможение. С понижением уровня возбудимости эти корковые клетки выходят из «активного поля» коры.

Повышение возбудимости корковых клеток, на которые падают потенциально-условные, ориентировочные раздражители, до оптимальной, т. е. их вхождение в «активное поле» коры, происходит не за счет энергии, идущей из подкорки; оно имеет своей основой энергию внешнего раздражения, превратившуюся в периферическом рецепторном приборе в энергию нервного процесса.

Таким образом, существуют два источника энергии корковой доминанты. Очаг оптимальной возбудимости в коре больших полушарий поддерживается как потоком раздражений, идущих из подкорки (центров ближайшей подкорки), так и потоком раздражений, направляющихся в кору из внешних рецепторов. Именно энергия внешнего раздражения и позволяет коре, корковой доминанте обратно воздействовать на деятельность подкорковых центров, регулировать и контролировать ее. Пульсация корковой доминанты, ее непрерывные изменения в основном происходят за счет энергии внешнего раздражения. Чем большую роль в поддержании доминанты играют внешние раздражения, тем больше пульсация доминанты, тем более тонко осуществляется приспособление организма к среде.

²³ Павлов И. П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга... С. 269.

Увеличение роли внешнего источника энергии приводит к тому, что, пока работают рецепторные аппараты, в коре постоянно имеются клетки, находящиеся в состоянии оптимальной возбудимости, т. е. в коре постоянно находится очаг оптимальной возбудимости. Если первоначально одна корковая доминанта сменяла другую, то в дальнейшем, вследствие увеличения роли внешнего источника энергии, постепенно происходит объединение всех корковых доминант. Вместо ряда последовательно сменяющихся пульсирующих корковых доминант возникает одна корковая доминанта, непрерывно перемещающаяся по коре больших полушарий.

Если раньше смена одной подкорковой доминанты другой влекла за собой смену корковых доминант, то с появлением передвигной корковой доминанты происходит только ее изменение и перемещение. Перемещаясь и изменяясь, передвигная корковая доминанта обслуживает то один, то другой подкорковый центр. На смену ряду последовательно возникающих и исчезающих корковых доминант, каждая из которых обслуживала один подкорковый центр, приходит корковая доминанта, обслуживающая все центры, всю подкорку.

Возникновение и развитие подвижной корковой доминанты приводит к тому, что она становится относительно самостоятельной по отношению к подкорковым центрам, ибо зависеть от всех центров — значит не зависеть ни от одного из них, взятого в отдельности.

Передвигная доминанта обслуживает всю подкорку, хотя, само собой разумеется, она в первую очередь обслуживает доминирующий безусловный центр.

«Хотя жизнь животных и нас ²⁴, — писал И. П. Павлов, — направляется основными тенденциями организма: пищевой, половой, агрессивной, исследовательской и т. д. (функции ближайшей подкорки), тем не менее для совершенного согласования и осуществления всех этих тенденций и неизбежно в связи с общими условиями жизни имеется специальная часть центральной нервной системы, которая всякую отдельную тенденцию умеряет, все их согласует и обеспечивает их наивыгоднейшее осуществление в связи с окружающими условиями среды. Это, конечно, большие полушария»²⁵.

Чем больше регулирующая роль коры больших полушарий, тем совершеннее приспособление организма к среде. Регулирующая функция коры возрастала постепенно. Передвижная доминанта с самого своего возникновения обладает известной самостоятельностью по отношению к подкорковым центрам. С появлением передвижной доминанты, обслуживающей все центры, появляется возможность согласовывать деятельность всех центров, направлять и регулировать в известных пределах исходящую из подкорки энергию.

Корковая доминанта обладает известной самостоятельностью по отношению к подкорке потому, что она поддерживается энергией, не только исходящей из этих центров, но и приходящей из рецепторных аппаратов. Чем больше энергии получает корковая доминанта из рецепторных аппаратов, тем больше ее самостоятельность по отношению к подкорке.

Таким образом, чем более тонко кора анализирует и синтезирует внешнюю среду, чем шире мир для животного, тем больше самостоятельность корковой доминанты, тем больше регулирующая роль коры, тем успешнее достигается уравнивание организма и среды. Первоначальной основой самостоятельности корковой доминанты является энергия раздражений, идущих в кору из внешних рецепторов.

На первых порах развития высшей нервной деятельности кора больших полушарий управляла деятельностью организма через посредство подкорки, пуская в ход или тормозя подкорковый аппарат. На этой стадии развития образовывались только полукорковые рефлексы. Они являются низшей формой условных корковых рефлексов. Они непосредственно связаны с определенными безусловными рефлексами.

²⁴ Здесь И. П. Павлов допускает явную биологизацию человека.

²⁵ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт... С. 376.

Потребности приспособления к среде требовали все более совершенного анализа и синтеза, требовали возрастания регулирующей роли коры. Развиваются высшие, дистантные анализаторы — слуховой и зрительный. Все более отдаленные явления среды действуют на анализаторы животного, все шире становится мир для животного, все больше внешней энергии поступает в кору. Самостоятельность корковой доминанты непрерывно возрастает.

Но росту регулирующей роли коры до поры до времени был положен предел строением центральной нервной системы. Кортиковая доминанта могла возбуждать организм к деятельности или останавливать ту или иную его деятельность только через посредство подкорковых центров. Поэтому кортикальная доминанта в значительной степени зависела от подкорки.

Потребности приспособления к среде, требующие более тонкого и гибкого реагирования на возрастающее число внешних раздражителей, поставили задачу перестройки центральной нервной системы, изменение строения коры больших полушарий головного мозга. И необходимая перестройка происходит — возникает пирамидная система.

Кора получает возможность управлять двигательной деятельностью организма, деятельностью скелетно-мышечной системы в обход подкорковых центров. Возникает более высокая форма условных корковых рефлексов — цельнокорковые рефлексы. Высшая нервная деятельность животных на втором этапе своего развития включает в себя полукорковые и цельнокорковые рефлексы.

Возникновение пирамидных путей, развитие кинестетического анализатора привело к дальнейшему развитию регулирующей роли коры, к увеличению самостоятельности корковой доминанты по отношению к подкорковым центрам. Кортиковая доминанта получила возможность управлять организмом, минуя подкорковые центры. Это во-первых. Во-вторых, с возникновением и развитием двигательного анализатора у корковой доминанты появился новый источник энергии — кинестетические раздражения. Качество перешло в количество. Регулирующая роль коры, ее обратное воздействие на подкорку необычайно возросло. Кора стала подлинным регулятором всей деятельности организма.

Количественные изменения в конце концов приводят к новому качественному скачку. Увеличение потока энергии из внешних рецепторов и двигательного аппарата постепенно доходит до такого предела, что ее становится достаточно для поддержания очага оптимальной возбудимости в коре больших полушарий даже при отсутствии подкорковой доминанты. Коровую доминанту, в поддержании которой преобладающее значение принадлежит энергии внешних и кинестезических раздражений и которая поэтому обладает наивысшей степенью относительной самостоятельности по отношению к деятельности подкорки, можно назвать *чистокоровой* доминантой.

С этого момента возникает возможность образования в «активном поле» коры таких цельнокоровых рефлексов, которые не связаны ни с одним безусловным рефлексом, не связаны вообще непосредственно с деятельностью подкорки, таких цельнокоровых рефлексов, которые представляют собой «чистую» деятельность коры. Эти условные корковые рефлексы, сходные с обычными, простыми цельнокоровыми рефлексами и в то же время отличные от них, можно было бы назвать *чистокоровыми* рефлексами. С возникновением чистокоровой доминанты животное становится способным к действиям, не направленным непосредственно на удовлетворение сложнейших безусловных рефлексов, инстинктов, к многообразным действиям с предметами внешней среды, не имеющими для животного никакого биологического значения.

На этом уровне развития обособляется от пищевой, половой и других тенденций организма и окончательно оформляется новая тенденция — стремление оперировать предметами внешнего мира независимо от того, имеют или не имеют эти предметы биологическое значение для организма, появление «интереса» к самим явлениям мира вне зависимости от их практического значения для организма.

Деятельность животного, не направленная непосредственно на удовлетворение инстинктов, биологических потребностей, получила в трудах о поведении животных название *исследовательской* деятельности. Соответственно в работах, авторы которых придерживались павловского учения о высшей нервной деятельности, условные рефлексы, из которых она складывается, получили название исследовательских рефлексов.

Но исследовательская тенденция рассматривается в этих работах по аналогии с пищевой, половой и др., как проявление деятельности безусловного подкоркового исследовательского центра, подобного пищевому, половому и т. п. Исследовательские рефлексы понимались как обычные условные рефлексы, аналогичные пищевым, половым, оборонительным условным рефлексам и отличающиеся от них только тем, что они образуются на базе не пищевого, полового, оборонительного безусловных рефлексов, а безусловного исследовательского рефлекса.

Такой взгляд на исследовательскую тенденцию и исследовательские рефлексы не соответствует действительности. Не существует никакого безусловного исследовательского рефлекса, никакого подкоркового безусловного исследовательского центра. Исследовательская тенденция в отличие от половой, пищевой и других тенденций организма, являющихся функцией ближайшей подкорки, представляет собой тенденцию корковую. Она имеет своей основой не подкорковый, исследовательский центр, как это полагают, а корковую доминанту, достигшую большой степени относительной самостоятельности от коры, — чистокорковую доминанту.

Исследовательские рефлексы представляют собой группу корковых условных рефлексов, качественно отличных от остальных условных рефлексов, как полукорковых, так и обычных цельнокорковых. Исследовательские рефлексы суть чистокорковые рефлексы.

Прогресс высшей нервной деятельности состоит в том, что она становится все более полным и совершенным приспособлением животного к внешней среде. Поведение животного все в большей степени определяется внешней средой, анализируемой и синтезируемой корой больших полушарий, и все в меньшей степени — деятельностью ближайшей подкорки.

Полукорковые рефлексы, обычные цельнокорковые рефлексы и чистокорковые (исследовательские) рефлексы представляют собой три последовательные ступени поступательного развития условных корковых рефлексов.

Раздражитель полукоркового рефлекса является сигналом безусловного раздражителя и вызывает ту же врожденную реакцию, что и заменяемый им безусловный раздражитель. Реакция осуществляется при посредстве подкорковых центров. Подкорка определяет и «цель» деятельности организма, и «средства» достижения этой «цели», и содержание ответной деятельности организма, и характер реакции. Кора больших полушарий, анализируя внешнюю среду, определяет лишь момент реакции, пускает в ход врожденную деятельность организма.

В обычном, простом цельнокорковом рефлексе кора больших полушарий определяет не только момент реакции, но и характер ответной деятельности организма. Ответная деятельность организма является не врожденной, а индивидуально-приобретенной и осуществляется через посредство пирамидной системы в обход центров ближайшей подкорки. Однако обычный цельнокорковый рефлекс не представляет собой «чистой» деятельности коры. Он возникает как надстройка над безусловным рефлексом, представляя собой сигнал безусловного раздражителя. Подкорка определяет «цель», содержание деятельности организма, кора определяет «средства» достижения этой «цели» и момент действия.

В случае чистокоркового (исследовательского) рефлекса кора больших полушарий определяет и момент реакции, и характер ответной деятельности организма, и содержание ее. «Целью» деятельности организма является анализируемый и синтезируемый корой больших полушарий предмет внешней среды. Сам условный раздражитель является той «целью», на которую направлена деятельность организма.

Ни раздражитель чистокоркового рефлекса, ни сам чистокорковый рефлекс в целом не представляют собой сигнала безусловного раздражителя. Чистокорковый (исследовательский) рефлекс не связан ни с одним определенным безусловным рефлексом, не является надстройкой ни над одним из них. Чистокорковые (исследовательские) рефлексы, исследовательская деятельность имеют своей основой чистокорковую доминанту.

Чистокорковый (исследовательский) рефлекс, представляя собой «чистую» деятельность коры, является последней и высшей ступенью развития условных корковых рефлексов, высшей формой условных корковых рефлексов. С возникновением чистокорковых (исследовательских) рефлексов высшая нервная деятельность выходит за рамки сигнальной деятельности. Исследовательская деятельность сигнальной деятельностью уже не является.

Из этого логически следует, что следующий шаг в развитии высшей нервной деятельности — а таким шагом может быть лишь превращение высшей нервной деятельности животных в человеческую высшую нервную деятельность — должен состоять в утрате всей высшей нервной деятельностью сигнального значения. Высшая нервная деятельность человека не может быть сигнальной деятельностью и в действительности ею не является. Поэтому нельзя признать правильной гипотезу И. П. Павлова о первой и второй сигнальных системах человека.

Конечно, вся высшая нервная деятельность животных ни на каком этапе своего развития не может складываться только из чистокорковых рефлексов, стать полностью исследовательской деятельностью. Исследовательская тенденция, обособляясь от остальных тенденций организма, ни в каком случае не вытесняет и не упраздняет их. Высшая нервная деятельность животных на третьем, высшем и последнем, этапе своего развития является единством полукорковых, обычных цельнокорковых и чистокорковых (исследовательских) рефлексов. Исследовательская деятельность даже на последнем этапе развития высшей нервной деятельности животных составляет лишь ее часть.

Исследовательская деятельность есть такая часть высшей нервной деятельности, которая полностью определяется внешней средой, анализируемой и синтезируемой корой больших полушарий. Кора, анализируя и синтезируя внешнюю среду, полностью определяет и содержание, и форму исследовательской деятельности, определяет и «цели» деятельности организма, и «средства» их достижения.

То обстоятельство, что исследовательская деятельность не направлена непосредственно на удовлетворение сложнейших безусловных инстинктов, отнюдь не означает, что она вообще не способствует удовлетворению инстинктов. Исследовательская деятельность, находясь в неразрывном единстве с остальной высшей нервной деятельностью, через нее связана с деятельностью подкорки и в конечном счете обслуживает биологические потребности организма.

4. Высшая нервная деятельность человекообразных обезьян — последний, заключительный этап эволюции высшей нервной деятельности животных

Из всех животных только у обезьян высшая нервная деятельность достигла третьей ступени развития. Переход к ней предполагал и соответствующее усложнение коры больших полушарий головного мозга. Кора больших полушарий головного мозга обезьян — единственных животных, высшая нервная деятельность которых достигла третьей стадии развития, — существенно отличается по своему строению от коры мозга остальных животных. Как показано в работе «История развития нервной системы позвоночных» (1949; 1959), написанной крупнейшим специалистом в этой области знания Евгением Константиновичем Сеппом (1878-1957), в развитии коры больших полушарий головного мозга животных достаточно явно выделяются два основных этапа: первый — до обезьян, второй — обезьяны²⁶. Среди обезьян наивысшего развития высшая нервная деятельность достигла у антропоидов. Высшая нервная деятельность обезьян — последний, заключительный этап развития высшей нервной деятельности животных. Именно у них достигает наивысшего уровня развития пирамидная система.

²⁶ *Сепп Е. К.* История развития нервной системы позвоночных. От бесчерепных до человека. М., 1949. С. 393-417.

В связи с возрастанием роли пирамидной системы экстрапирамидная система отходит на задний план. У обезьян (и человека) начинающиеся в красных ядрах нисходящие двигательные пути (пучок Монакова) развиты значительно слабее, чем у кошки, собаки и других низших млекопитающих.

Все это связано с необычайным усложнением внешней деятельности обезьян. Приматы, появившись, в основном вели жизнь на деревьях. Они были всеядными. Им постоянно приходилось искать различного рода съедобные объекты в сложной среде. Это определило ведущую роль зрения, которое стало у них стереоскопическим, часто практикуемое выпрямленное положение тела, использование передних конечностей в качестве хватательных органов и связанную с этим способность противопоставления большого пальца остальным. В результате их передние конечности оказались способны к самым тонким и разнообразным движениям. Исследователи часто называют их руками. Следствием было необычайное развитие исследовательской деятельности.

Вот что писал в работе «Предыстория интеллекта» (1949) известный советский исследователь Николай Юрьевич Войтонис (1887-1946), имея в виду низших обезьян: «В большей или меньшей степени ориентировочная реакция, реакция на новизну, свойственна всем высшим животным. У них можно наблюдать и „внимание“ к новому объекту, и те или иные формы его исследования. Однако круг этих явлений обычно весьма ограничен и их длительность невелика. Ориентировочная реакция мобилизует организм, приводит его в готовность к действию и затем, смотря по характеру объекта, переходит либо в пищевое устремление, либо в бегство, либо в агрессию и т. п. Если объект оказался безразличным, ориентировочная реакция быстро угасает... Мы можем представить, как у животных, с усложнением их организма, „внимание“ к отдельным предметам обостряется, как оно начинает проявляться и вне периодов голода, как оно эмансипируется от пищевого устремления. У обезьян все это выражено очень ярко. Исследовательский импульс у них перерастает пищевой и начинает существовать самостоятельно»²⁷.

²⁷ Войтонис Н. Ю. Предыстория интеллекта. М.; Л., 1949. С. 13-14.

Развитие исследовательской деятельности у обезьян Н. Ю. Войтонис объясняет спецификой их образа жизни: «...Обезьяна должна разыскивать плоды, почки среди листьев. Ее пищевые объекты могут иметь самый разнообразный вид. Часто съедобная часть (орех, сердцевина плода) скрыта под оболочкой: возможно открытие новых съедобных вещей. В таком случае непрерывная „обследовательская“ и „исследовательская“ деятельность обезьян идет им на пользу»²⁸.

Все особенности поведения, о которых пишет Н. Ю. Войтонис, еще в большей степени свойственны высшим, человекообразным обезьянам, у которых исследовательская деятельность достигает наивысшего развития, возможного в животном мире. На это указывает И. П. Павлов, изучавший высшую нервную деятельность наиболее близких к человеку антропоидов — шимпанзе. «...Первый факт, который чрезвычайно поражает, первый вывод, который я делаю из наблюдений за этими обезьянами, — говорил он о шимпанзе, — это чрезвычайно высокое развитие у них исследовательского рефлекса. Когда я начал говорить об исследовательском рефлексе, я разумел самую первоначальную форму этого рефлекса. Он необходим, чтобы правильно ориентироваться в окружающей обстановке. При этом требуется известная установка рецепторов, соответствующее приглядывание, прислушивание, принюхивание и т. д. У человека исследовательский рефлекс играет не ту роль, как у животных. Оказывается, что на уровне развития обезьяны отчасти произошло то же самое, что проявляется у нас и что роднит человека с обезьяной. Совершенно независимо от еды, обезьяны охвачены постоянным стремлением исследования. Обезьяны настойчиво, часами занимаются решением тех или иных задач, которые им предлагаются»²⁹.

«Успех, который имеет этот „Рафаэль“, — говорил И. П. Павлов о поведении обезьяны-шимпанзе, — прежде всего заключается в чрезвычайных механических возможностях его тела сравнительно с собаками, у которых нет рук, нет таких подвижных конечностей с пятью отдельными пальцами, которые дают возможность выбрать, захватить, поставить и т.д. Значит, у обезьян двигательный аппарат куда совершеннее, чем у собаки»³⁰.

²⁸ Войтонис Н. Ю. Предыстория интеллекта. С. 14-15.

²⁹ Павловские среды... Т. 2. С. 68-69.

³⁰ Павловские среды... Т. 2. С. 386.

О необычайном развитии исследовательской деятельности у человекообразных обезьян пишут и другие исследователи. Для шимпанзе, отмечал советский приматолог Гирша Залманович Рогинский (1903-1957), характерно остро выраженное «любопытство», стремление ознакомиться со всяким новым предметом и овладеть им. Любопытство к новому часто оказывается более сильным стимулом для действия, чем стремление к пище. При переводе обезьян из одной клетки в другую попытки выманить обезьяну пищей не всегда приводили к желаемому результату. Но, указывает Г. З. Рогинский, не было ни одного случая, когда бы не удалось обезьяну заманить новым предметом³¹.

³¹ *Рогинский Г. З.* Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (шимпанзе). Л., 1948. С. 150, 155.

***Глава 5. Возникновение языка, мышления, воли и их
нервно-физиологических механизмов***

1. От антропоидов к хабилисам *

Прежде чем переходить к рассмотрению происхождения труда, напомним, что новейшая эра геологической истории нашей планеты, начавшаяся примерно 70-60 млн лет тому назад, — кайнозойская — включает в себя три периода (системы). Первый — палеоген, подразделяющийся на три эпохи: палеоцен, эоцен и олигоцен, второй — неоген, который делится на миоцен и плиоцен, и, наконец, антропоген, состоящий из плейстоцена и голоцена. Приматы возникли в палеоцене, обезьяны — в олигоцене. Временем расцвета обезьян был миоцен, начавшийся примерно 25 млн лет назад. В эту эпоху наряду с низшими обезьянами уже существовали и высшие, человекообразные обезьяны. Где-то в это время от антропоидов отделилась ветвь, ведущая к малым азиатским антропоидам — гиббонам. Примерно 14 млн лет тому назад от крупных человекоподобных обезьян отошла ветвь, которая привела к крупным азиатским антропоидам — орангутанам. От оставшихся крупных человекообразных 7,3 млн лет назад отделилась ветвь, ведущая к горилле; около 5,4 млн лет назад разделились ветви, одна из которых вела к шимпанзе, другая — через ряд посредствующих звеньев (ранних и поздних предлюдей) — к человеку¹. Из всех существующих ныне человекообразных обезьян ближе всего к миоценовым предкам человека и по строению тела, и по образу жизни стоят шимпанзе. Как установила современная генетика, в среднем сходство геномов и количество сходных генов человека и шимпанзе достигает 95-99 %, что превышает сходство между ДНК шимпанзе и гориллы².

* Данный раздел представляет собой выжимку из моих работ: «На заре человеческой истории» (М., 1989) и «Как возникло человечество» (2-е изд., с новым предисловием и приложениями; М., 2002), в которых содержатся ссылки на источники.

¹ См.: Тарантул В. З. Геном человека: Энциклопедия, написанная четырьмя буквами. М., 2003. С. 282-283.

² Тарантул В. З. Геном человека... С. 282.

Миоценовые общие предки шимпанзе и человека 50-75 % времени дня проводили на деревьях, а остальную часть на земле. В дальнейшем одна их часть сохранила полудревесный-полуназемный образ жизни. От них произошли современные шимпанзе. Другая их часть начала переходить к чисто наземному образу жизни. По вопросу о причине такого перехода идут споры. Большинство исследователей объясняют его крупными климатическими изменениями, приведшими к поредению лесов. Однако другие ученые утверждают, что никаких сколько-нибудь существенных изменений в климате в ту эпоху не произошло.

Скорее всего, этот переход был связан с появлением специализированных древесных форм обезьян, с которыми трудно было на деревьях конкурировать тем крупным антропоидам, которые остались неспециализированными. Это и побуждало этих животных в поисках пищи не только и не просто переходить к жизни на земле, где они и раньше проводили значительную часть времени, но и осваивать саванное редколесье и саванну.

Древние крупные человекообразные обезьяны не отличались большой физической силой и не обладали мощным естественным вооружением, поэтому обитание на земле вообще, вне леса в особенности, таило для них немало опасностей. Они могли стать легкой добычей хищников. Нужно было приспособляться к новой среде. Приспособление одной части крупных миоценовых антропоидов к наземному образу жизни пошло по линии гигантизма — возрастания размеров тела и, соответственно, физической силы, совершенствования естественного вооружения. Из числа ископаемых антропоидов примерами могут служить гигантский дриопитек и гигантопитек, из современных — горилла.

Развитие другой части крупных антропоидов приобрело совершенно иной характер. Оно пошло по линии перехода к систематическому использованию предметов природы в качестве орудий. Как уже отмечалось, крупные антропоиды миоцена по размерам и образу жизни были ближе всего к современному шимпанзе. И как раз именно у шимпанзе обнаружены в естественных условиях многочисленные примеры не только манипулирования различного рода природными объектами, но и использования их в качестве орудий. Многообразное применение имели листья. Ими шимпанзе вытирали кровь и грязь с тела, выжимали мозг из черепов убитых павианов. Листья использовались в качестве губок, с помощью которых доставали воду, скопившуюся в дуплах деревьев.

Шимпанзе нередко пользовались ветками и палками. Ветвями с листьями обезьяны отпугивали насекомых. Палки они совали в дупла деревьев, проверяя их содержимое, в муравейники, а затем поедали набежавших муравьев. При помощи травинки и тонких веток шимпанзе выуживали термитов из термитников. При этом с используемых ветвей срывались листья, сдиралась кора, наконец, они могли быть разломлены и расщеплены. Делалось это при помощи как рук, так и зубов. В некоторых случаях животное вначале подбирало и приспособляло палку, а затем, держа ее в руках или зубах, направлялось к муравейнику или термитнику. Применение палок для выуживания термитов и муравьев наблюдалось у шимпанзе различных районов: Национальный парк Гомбе, горы Махале, Касакати (все — Танзания), Кот-д'Ивуар, Сенегал, Гвинея, Экваториальная Гвинея. Еще в середине XIX в. исследователями были зафиксированы факты использования шимпанзе камней для разбивания орехоподобных плодов. Эти сведения подтверждены современными наблюдателями. Использование камней для разбивания орехов было отмечено у шимпанзе в Либерии и Сьерра-Леоне. Шимпанзе Кот-д'Ивуара помещали орехи на обнаженные корни деревьев, а затем разбивали их камнями или палками. У шимпанзе одного из лесов Гвинеи были обнаружены специальные места, где они из года в год и даже из поколения в поколение раскалывали камнями пальмовые орехи.

В каждом из таких исследованных мест находился большой камень (весом обычно более 1 кг), на котором разбивали орехи. На этом камне или вблизи него лежал другой, весом чаще всего 700-800 г, используемый для раскалывания. В центре плоской поверхности камня-платформы была ямка глубиной 0,5 см и диаметром 3-4 см, образовавшаяся в результате повторения операций. Обезьяна клала орех в углубление, затем, поднимая второй камень на высоту 5-10 см, наносила удары. Каждое такое место было усыпано разбитой скорлупой. У различных групп обезьян отмечены случаи, когда животные бросали камни, палки, пучки растений в павианов, леопардов и людей.

Описанную выше деятельность по использованию природных предметов в качестве орудий ученые чаще всего именуют орудийной, чтобы тем самым терминологически отличить ее от производственной деятельности. Однако это название не вполне удачно, ибо последняя, бесспорно, является орудийной в точном смысле этого слова. В последующем изложении деятельность по применению природных предметов в качестве орудий я буду называть *праорудийной*.

Некоторые исследователи подчеркивают, что у изученных ими популяций шимпанзе «ужение» термитов и муравьев при помощи палок и ветвей является широко распространенным явлением. Но даже если они правы, это не может изменить общей характеристики праорудийной деятельности шимпанзе в целом. Главное заключается в том, что она не имела существенного значения для приспособления этих обезьян к среде. Действия по использованию естественных орудий носили у шимпанзе спорадический характер.

Но имеющиеся о них данные позволяют представить эволюцию той части крупных антропоидов, которые стали предками человека. Физическую слабость, недостаточность естественного вооружения они все в большей и большей степени стали восполнять использованием палок, камней и других предметов для защиты от хищников. По мере перехода данных животных к полностью наземному образу жизни вообще, к жизни в саванне в особенности, значение этой деятельности непрерывно возрастало. И когда эти существа окончательно перешли на землю и покинули лес, то они уже вообще не могли существовать, не используя, причем систематически, различные природные предметы в качестве орудий.

Переход от случайного использования орудий к постоянному их употреблению требовал и предполагал полное освобождение передних конечностей от функции передвижения и возникновение прямохождения. В свою очередь, становление прямохождения способствовало дальнейшему возрастанию значения и совершенствованию праорудийной деятельности.

Переход к полностью наземному образу жизни, превращение использования природных орудий из случайности в правило, а затем в необходимость, освобождение передних конечностей от локомоторной функции и возникновение прямохождения были неразрывно связанными сторонами единого процесса. Результатом его было появление своеобразных существ, которые обитали на земле, ходили на задних конечностях, обладали свободными верхними конечностями и систематически использовали природные объекты в качестве орудий.

Не исключена возможность, что превращение обезьян в такого рода существ завершилось еще в лесу и лишь в дальнейшем они перешли к жизни в саванном редколесье и в саванне. Однако, скорее всего, сам переход от полудревесного-полуназемного образа жизни к полностью наземному начался у животных, которые обитали на границе леса и саванны, и был обусловлен учащавшимися попытками все более полного использования природных ресурсов открытой местности. Иначе говоря, процесс превращения обезьян в обрисованные выше существа был одновременно и процессом изменения среды обитания — постепенного переселения из леса во все более открытую местность.

Переход к систематическому использованию природных орудий был, по-видимому, вызван в основном потребностью в защите от хищников. Однако эти орудия очень скоро, а может быть, даже и сразу, стали использоваться не только для защиты, но и для нападения.

Трансформация крупных антропоидов в описанные выше существа была одновременно и превращением в основном растительноядных животных в такие создания, которые довольно систематически охотились на других животных и употребляли их мясо в пищу.

Обезьяны в основном растительноядные животные. Рацион некоторых из них весьма ограничен. Так, гверцы питаются исключительно листьями, гориллы — в основном ветвями. Рацион других обезьян значительно богаче. Так, шимпанзе едят побеги, листья, кору, плоды (в Национальном парке Гомбе они использовали в пищу более 90 видов растений). Употребляются ими в пищу и насекомые, яйца птиц, птенцы.

В неволе обезьяны охотно ели и мясо. Об употреблении ими мяса в естественных условиях долгое время мало что было известно. И только тогда, когда в 60-х гг. XX в. начались систематические долговременные исследования жизни обезьян в природе, выяснилось, что в определенных условиях обезьяны некоторых видов могут убивать и поедать сравнительно крупных животных. Особый интерес представляют данные, относящиеся к шимпанзе.

Впервые отдельные случаи охоты у шимпанзе были описаны Джейн Гудолл, изучавшей жизнь одной из ассоциаций этих животных в Гомбе. В дальнейшем охоту у этой группы шимпанзе детально исследовал Геза Телеки. В парке Гомбе проживало, по всей вероятности, 100-150, а может быть, даже 200-250 шимпанзе. Сообщество, которое исследовала Дж. Гудолл, а затем Г. Телеки, включало первоначально 48 животных, в том числе 13 взрослых самцов. В период с 1960 по 1973 гг. было зафиксировано 167 случаев охоты шимпанзе, входивших в эту ассоциацию, на различного рода небольших животных.

Случаи охоты были обнаружены и у шимпанзе, живущих в других местностях, однако не сразу и не в таком количестве. Супруги Вернон и Франс Рейнольдсы, которые проводили наблюдения за жизнью шимпанзе в лесу Будонго (Уганда) в 1962 г., не зафиксировали ни одного случая охоты. Лишь в дальнейшем уже другими исследователями было зарегистрировано 6 таких эпизодов.

В горах Махале (Западная Танзания) между 1965 и 1976 гг. исследователи наблюдали в двух сообществах шимпанзе 18 случаев охоты. Другой наблюдатель в период между маем 1978 и июлем 1979 г. в одном из этих объединений обнаружил 15 случаев охоты. Эпизоды охоты наблюдались в Танзании также в Касакати. Имеются данные о сравнительно интенсивной охотничьей деятельности шимпанзе в районе горы Ассирик в Сенегале.

Если свести воедино данные об охотничьей деятельности шимпанзе, то ее жертвами явились животные, принадлежащие к 14 разным видам млекопитающих (приматы, детеныши копытных, мелкие животные).

Как явствует из приведенных данных, число случаев охоты у шимпанзе Гомбе значительно превышает число таких эпизодов у шимпанзе Махале, не говоря уже о шимпанзе Будонго. И связано это, скорее всего, с различием среды обитания. Будонго — влажный тропический лес. Национальный парк Гомбе — местность, где встречается лес, саванное редколесье и открытая саванна. Грань леса и саванны, отличающаяся необычайным многообразием растительных животных и растительных видов, создает более благоприятные условия для охоты, чем довольно однообразный тропический лес. В этой связи нельзя не отметить, что и для гор Махале, где случаев охоты у шимпанзе зафиксировано в несколько раз больше, чем в Будонго, характерно сочетание леса, саванного редколесья и саванны.

По имеющимся данным, случаи охоты и поедания мяса отмечены у 12 родов полуобезьян, 11 родов низших обезьян и всех человекообразных обезьян, исключая гориллу. Однако кроме шимпанзе сколько-нибудь детально описана охота лишь у павианов. Все павианы, у которых зафиксированы случаи охоты, обитали в открытой местности. Это также свидетельствует в пользу предположения, что грань между лесом и саванной и собственно саванна являются средой, более благоприятной для охоты, чем влажный тропический лес.

Некоторые исследователи характеризуют всех обезьян, употребляющих в пищу не только растения, но и насекомых, яйца и т. п., не как растительноядных, а как всеядных. Что же касается животных, у которых встречаются случаи охоты, то они называют их всеядными собирателями-хищниками. С такой точкой зрения вряд ли можно согласиться. Основную массу пищи у всех этих видов обезьян составляют растения. Доля всех остальных компонентов в их рационе весьма незначительна.

Вряд ли можно сомневаться в том, что и миоценовые антропоиды, жившие на грани леса и саванны, время от времени охотились на более или менее крупных животных. По мере продвижения из леса в саванну создавались все более благоприятные условия для охоты.

Препятствием для превращения шимпанзе в хищников является отсутствие естественного вооружения. У миоценовых антропоидов оно было снято переходом к систематическому использованию камней и палок. Из случайности, как у шимпанзе, охота стала правилом, а затем превратилась в жизненную необходимость. Охота в данном случае формировалась как один из двух видов деятельности по использованию природных предметов в качестве орудий. Другим основным ее видом была защита от хищников.

Эти два вида были тесно связаны, ибо орудия защиты были одновременно и орудиями охоты. Вероятно, оборонная деятельность первой превратилась в необходимость. Но становление праорудийной деятельности в целом окончательно завершилось лишь тогда, когда необходимостью стала и охота. Весьма вероятно, что на определенном этапе охота постепенно вышла на первый план, а оборонная деятельность отошла на второй.

Описанные выше существа были хищниками, однако своеобразными. В отличие от других они охотились при помощи природных предметов, используемых в качестве оружия. Другая их особенность, отличавшая их от многих других хищников, состояла в том, что они не были исключительно плотоядными. Они питались и растениями, были всеядными.

Появились эти существа примерно 5-6 млн лет назад, на грани миоцена и плиоцена. Так как первые их находки были сделаны южноафриканским антропологом Реймондом Дартом (1893-1988) и его последователями в Южной Африке, они были названы австралопитеками (от лат. *australis* — южный и греч. «питекос» — обезьяна). Обезьянами эти существа, конечно, уже не были. Но не были они еще и людьми. Ими был только сделан первый шаг к человеку. Когда окончательно выяснилось, что эти существа ходили на задних ногах и систематически использовали палки, длинные кости конечностей копытных животных и иные предметы для охоты и обороны, за ними постепенно закрепилось название *предлюдей* (прегоминидов, прегомининов).

Наряду с деревянными и костяными орудиями предлюди использовали и камни. Весьма вероятно их употребление для защиты от врагов. Вполне возможно их применение в ходе охоты. Но совершенно несомненно использование камней с острыми краями для сдирания шкур с убитых животных, резания мяса, дробления костей. Как свидетельствуют данные археологии, предлюди охотились на довольно крупных животных. Однако ни содрать шкуру, ни разделать такое крупное животное на части только при помощи органов тела они не могли. Для этого нужно было иметь когти или крупные клыки, которых у них не было.

Вполне понятно, что содрать шкуру, разрезать мясо можно было только при помощи камня, имеющего острые режущие края. А таких камней в природе не так уж много. Их нужно было искать, что было длительным и нелегким занятием. Но в последующем перед предлюдьми открылся новый путь. Систематическое использование находимых в природе камней вкупе с наблюдением естественного раскалывания камней в результате как природных процессов, так и ненамеренных действий предлюдей подготовило и сделало неизбежным возникновение производства каменных орудий. С появлением его ранние предлюди — австралопитеки превратились в поздних предлюдей — хабилисов.

Не останавливаясь на деталях этого процесса, ибо они были детально рассмотрены в третьей книге цикла (III.4.3), ограничусь сделанными там же основными выводами. Производственная деятельность при своем возникновении была облечена в животную оболочку, была деятельностью условно-рефлекторной. На определенном этапе это стало препятствием для ее дальнейшего развития. Возникла настоятельная необходимость в ее превращении в деятельность целенаправленную, сознательную, волевою, что, естественно, предполагало возникновение мышления и воли. Без возникновения мышления и воли невозможно было и возникновение таких отношений в объединении производящих существ, которые одни только смогли сделать возможным дальнейший прогресс производства.

Процесс становления мышления и воли, а тем самым и трансформации хабилитов в ранних формирующихся людей-архантропов тоже был рассмотрен в третьей книге цикла (Ш.4.3). Но там ничего не говорилось о формировании нервно-физиологических механизмов мышления и воли. А понять их нельзя, не рассматривая возникновения языка. О том, что формирование мышления было одновременно и становлением языка, в указанной книге, конечно, говорилось, но сам последний процесс там специально не рассматривался. Теперь настало время этим заняться.

2. Звуковая сигнализация у обезьян: шимпанзе и верветки

В животном мире существует множество форм общения, множество средств обмена информацией между особями одного и того же вида. Их принято именовать языком, хотя, разумеется, эти формы, эти средства качественно отличаются от человеческого языка. Но для краткости и удобства я буду называть их языком. Существует столь обширная литература о языках животных, что даже самый краткий ее обзор занял бы много места. Поэтому в дальнейшем изложении я буду выборочно пользоваться только теми данными, которые необходимы для решения поставленной проблемы.

Так как именно шимпанзе являются животными, наиболее близкими к зоологическим предкам человека, то прежде всего займемся их языком. Из всей имеющейся литературы я ограничусь лишь последней книгой лучшего знатока поведения этих антропоидов в естественных условиях Дж. Гудолл «Шимпанзе в природе: поведение» (1986; русск. пер.: М., 2002). Исследование проводилось в заповеднике Гомбе в Танзании. Средства передачи информации у шимпанзе были самыми разнообразными: прикосновения, позы, жесты, мимика и звуки. Часто отдельные сигналы образовывали комплексы. Сигналами и комплексами сигналов выражались приказ, просьба, приглашение, угроза, отказ и т. п.

Некоторые авторы полагают, что первоначальный человеческий язык был языком жестов и лишь затем стал звуковым, другие считают, что он был смешанным — жесто-звуковым. Вряд ли можно сомневаться в том, что у ранних людей звуки как сигналы дополнялись жестами, но все же, скорее всего, их язык был прежде всего звуковым. Поэтому необходимо особо остановиться на голосовых сигналах шимпанзе.

Первоначально исследователи пришли к выводу, что у шимпанзе Гомбе существовало 15 голосовых сигналов (криков), затем к ним было добавлено еще 17; всего, таким образом, их стало 32. Отдельные звуковые сигналы могли комбинироваться.

Все эти сигналы были видоспецифическими, т. е. присущими данному виду животных. Адресатами сигналов были: (1) индивиды той же самой группы; (2) индивиды другой группы, но того же самого сообщества (ассоциации); (3) индивиды соседних ассоциаций шимпанзе; (4) животные других видов. Звуковые сигналы у шимпанзе были теснейшим образом связаны с эмоциями. Они выражали недоумение, раздражение, гнев, ярость, страдание, страх, тревогу, сексуальное возбуждение, пищевое удовольствие и т. п.

Среди звуков следует особо выделить сигнал тревоги и пищевой крик. Когда животное обнаруживало богатое местонахождение пищи и начинало ее поедать, то издавало особый крик, на который сбегались другие животные. Это крик не только выражал эмоцию радости и пищевого удовлетворения, но и был одновременно (1) обозначением пищи и (2) призывом к движению к ней. Но нет данных, которые бы свидетельствовали о существовании нескольких криков, каждый из которых обозначал бы особый тип пищи. То же относится к крику тревоги. Он также не только выражал эмоцию, но также обозначал предмет опасности (например, хищника) и был призывом остерегаться его, убежать от него. И опять-таки нет данных о существовании особых криков, каждый из которых обозначал бы определенный вид опасности, в частности определенный вид хищника.

Но это отнюдь не означает, что у обезьян в принципе не может быть звуковых сигналов, обозначающих разные типы опасных существ. Об этом свидетельствуют результаты наблюдений американского этолога Томаса Т. Струзейкера за поведением верветок, или зеленых марьтешек, заповедника Амбосели (Кения), нашедшие полное подтверждение в исследованиях американских ученых Роберта М. Сифарта и Дороти Л. Чини³.

Было выяснено, что у верветок существует три разных сигнала тревоги: один при появлении леопардов, другой — орлов, третий — змей. Когда обезьяны, которые еще не видели леопарда, слышали соответствующий сигнал, они забирались на деревья. При сигнале о появлении орла они вглядывались в небо и прятались в кустах, при сигнале о приближении змеи они становились на задние лапы и вглядывались в траву. И реагировали животные не просто на звуки, а на заключенное в них объективное содержание.

Все три звуковых сигнала верветок полностью отвечали тому пониманию знака, которое дано в знаменитом треугольнике Фреге (см.: П.10.1). Звук есть знак, его предметное значение (референт, денотат) — каждое опасное животное определенного вида, смысловое значение знака (десигнат) — обобщенное представление (обобщенное воспроизведение, обобщенный репродуктив). Если учесть, что все три названных знака не имеют ни сходства, ни физической связи с обозначаемыми ими предметами, то они не могут быть охарактеризованы иначе как знаки-символы.

В этом они сходны со словами человеческого естественного языка. Но словами они не могут быть названы. Прежде всего, они не образуют и не входят в систему знаков и в этом смысле являются знаками неязыковыми. В силу этого их смысловое значение не представляет собой понятия. В последующем изложении я буду называть их *подобословами*. Нужно обратить внимание и на то, что эти знаки являются раздражителями не безусловными, врожденными, а индивидуально-приобретенными. На обстоятельство обращают особое внимание Р. Сифарт и Д. Чини.

³ См.: *Struhsaker T. T. Auditory Communication among of Vervet Monkeys (Cercopithecus aethiops) // Social Communication among Primates. Ed. by S. A. Altman. Chicago and London, 1967; Сифарт Р. М., Чини Д. Л. Разум и мышление у обезьян // В мире науки. 1993. № 2-3.*

Появление подобослов диктовалось особенностями жизни зеленых мартышек. В отличие от шимпанзе, они живут не в чаще леса, а на грани леса и саванны. С этим связаны и особенности той их организации, которую обычно именуют социальной, а я предпочитаю называть гregarной (от лат. *greg* — стадо), ибо ничего социального в точном смысле этого слова в животном мире нет и быть не может.

3. Объединения у шимпанзе и предлюдей *

Основной гregarной единицей у шимпанзе была группировка животных, члены которой находились в постоянном контакте друг с другом и отличали тех, кто в нее входил, от тех, кто к ней не принадлежал. Но члены ее никогда не держались, тем более не передвигались вместе. Такого рода объединение, которое может быть названо *ассоциацией*, всегда состояло из массы меньших групп, состав которых все время менялся. У зеленых мартышек существовали прочные и постоянные стада, состоявшие из взрослых самцов, самок и детенышей. Средний их размер — 24 особи ⁴.

У ранних предлюдей, перешедших к жизни в саванной редколесье, существовали стабильные замкнутые стада с жесткой системой доминирования. Прочность этих объединений диктовалась необходимостью не только защиты от хищников, но и обеспечения успеха их охотничьей деятельности, которая чаще всего была совместной, кооперативной. Таковой была гregarная организация и у поздних предлюдей. У хабилисов к деятельности по приспособлению к среде с помощью орудий добавилась деятельность по изготовлению орудий, причем не только каменных, но и деревянных.

* Ссылки на источники см.: Семенов Ю. И. На заре человеческой истории. М., 1989; Он же. Как возникло человечество. М., 2002.

⁴ *Struhsaker T. T. Behavior of Vervet Monkeys (Cercopithecus aethiops) // University of California Publications in Zoology. Vol. 82. Berkeley and Los Angeles, 1967. P. 2.*

Сплоченность стада хабилисов и усложнение их деятельности требовали возникновения более совершенных форм общения внутри их стад. Если мозговая организация даже низших обезьян делала возможным появление подбослов, то тем более это было возможно у поздних предлюдей, которые стояли в этом отношении выше ныне существующих антропоидов. Поздние предлюди охотились на разные виды животных, и, естественно, приемы охоты на них не могли не различаться. Охота на крупных животных требовала координации деятельности больших или меньших групп особей. Нужно также было различать разные породы камней в зависимости от их способности раскалываться и т. п. В результате возникало все большее число подбослов. Это был еще не язык, но условия, которые делали возможным его появление.

4. Становление речи у детей

Чтобы попытаться нарисовать ход последующего развития, нужно найти какой-нибудь конкретный фактический материал, на который можно опереться. Прежде всего, конечно, это данные о формировании речи у детей. Исследование онтогенеза в известной мере может пролить свет на некоторые особенности филогенеза.

Становлением речи у детей занимались и педагоги, и психологи, и физиологи, и лингвисты. Имеется огромная литература. Между разными авторами существуют расхождения, иногда весьма серьезные. Почти все исследователи пытались выделить основные этапы становления и раннего развития речи у детей и наметить грани между ними. Эти периодизации существенно отличались друг от друга. Но какие-то общие моменты выделить все же возможно.

Первую стадию иногда называют дословесной. Первые звуки, издаваемые младенцем, именуют эмоциями-командами, речевыми шумами, гулением, лепетом (некоторые авторы считают, что о лепете можно говорить лишь начиная со второго полугодия первого года жизни ребенка). Они выражают состояния и эмоции ребенка, а тем самым и его потребности. Один, например, звук — спокойное покряхтывание — призыв к общению с матерью, другой — выражение дискомфорта, переходящее при отсутствии реакции со стороны окружающих в крик, и т. п.⁵

⁵ См.: Бунак В. В. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966. С. 512-513; Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д, 1998. С. 35; Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М., 1984. С. 90-92.

На следующей стадии ребенок начинает повторять отдельные слова, подсказанные взрослыми, нередко вначале в сокращенном до одного слога, упрощенном и искаженном виде. Эти звуки обозначают не только состояние ребенка, но и явления внешнего мира. Они одиночны, системы не образуют. Это то, что выше было названо подобословами. Одни исследователи относят начало этой стадии к 8-10 месяцам, другие к 9 месяцам, третьи — даже к 1 году 3 месяцам ⁶. Подобослова — диффузны, аморфны, многозначны. Каждое из них может обозначать самые разные явления, объединенные нередко по совершенно случайному признаку. Они чаще всего обозначают одновременно и предмет, и действие. Многие из них представляют собой требования к окружающим. Многие авторы называют подобослова словами-предложениями ⁷.

Подобослово «мама» может обозначать не только мать, но и любую молодую женщину. Это подобослово ребенок произносит тогда, когда хочет есть, достать игрушку и т. п. Подобослово «писи» не только обозначает карандаш, но и выражает требование нарисовать что-либо. Подобослово «таш» (чашка) обозначало чашку, блюдечко, чайник, всякую посуду, иногда содержимое — чай, а также и действие — питье. У ребенка, которого оцарапала кошка, подобослово «кха» означало не только кошку, но и любой мех, сходный с шкуркой этого животного, а также царапину и острый камень. Один немецкий мальчик употреблял подобослово «га-га» для обозначения не только утки, но и воды, и монеты с изображением орла.

⁶ Бунак В. В. Указ. соч. С. 512; Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961. С. 466.

⁷ См.: Стерн В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Вып. 1. Пг., 1915. С. 81 сл.; Гвоздев А. Н. Указ. соч. С. 466; Розенгарт-Пупко Г. Л. Формирование речи у детей раннего возраста. М., 1963. С. 76-77; Якушин Б. В. Указ. соч. С. 90-91 сл.; Brown R. A First Language. Cambridge, Mass., 1973. P. 151-154.

Подобослова употреблялись в неизменном виде, не имели никакого грамматического оформления. Отсюда их характеристика как слов-корней⁸. К 1 году 6 месяцам ребенок в среднем владеет 12-15 подобословами, хотя, конечно, у одних детей их могло быть и меньше (даже 3), и больше. Пример набора подобослов одного ребенка к концу первого года: «мама», «Маша», «тетя», «най» (дай), «буа» (гулять), «ма» (масло), «мо» (молоко), «тисы» (часы), «кись» (кошка), «Вая» (Олег), «Вся» (Вася)⁹.

Следующий этап начинается со второго полугодия второго года жизни ребенка. Известная отечественная исследовательница Гита Львовна Розенгарт-Пупко в книге «Формирование речи у детей раннего возраста» (М., 1963) считает, что только с этого времени можно говорить об оформлении и развитии у ребенка самостоятельной речи. Предшествующий период был, по ее мнению, только подготовительным.

На этом этапе у ребенка появляются предложения, состоящие из двух неизменяемых слов, точнее, подобослов. Они не заимствуются из речи взрослых, а создаются ребенком сознательно. Примеры: «мама соска» (мама щетка, т. е. мама метет щеткой); «Ляля май» (маленький); «Ляля тиди» (сиди). Затем ребенком начинают конструироваться предложения из более чем двух подобослов. По мнению одних исследователей, с 1 года 10 месяцев, по мнению других, — несколько позже начинается грамматическое оформление предложений. Пример: «Кавова кути тавку» (корова кушает травку). Начальный период усвоения грамматического строя языка длится до 2,5-3 лет. В основном этот процесс завершается, по мнению одних ученых, к 5 годам, по мнению других, — к 7-8 годам.

⁸ Гвоздев А. Н. Указ. соч. С. 466.

⁹ Красногорский Н. И. К физиологии становления детской речи. Сообщение II (1953 г.) // Красногорский Н. И. Труды по изучению высшей нервной деятельности человека и животных. Т. I. М., 1954. С. 473.

Но самое важное, на что одним из первых, если не первым, обратил внимание крупный немецкий психолог Вильям Штерн (1871-1938) в написанной им вместе с Кларой Штерн книге «Детская речь» (1907), что где-то в конце второго — начале третьего года жизни ребенка происходит резкий скачок в его речевом развитии. Сейчас это признают практически все исследователи. По их данным, если к 1 году 6 месяцам число подбослов обычно не превышало 12-15, то теперь словарный запас ребенка начинает лавинообразно расти: 60, 80, 150, 200, 400 и т.д.¹⁰ И самое главное заключается в том, что начиная с этого времени перед нами уже не одиночные изолированные звуковые единицы — подбослова и комплексы подбослов, а такие единицы речи, которые связаны в единую систему, т. е. подлинные, настоящие слова.

5. Эксперименты с обучением человекообразных обезьян языкам-посредникам

Другие данные, на которые можно опереться при решении проблемы становления языка, — материалы, накопленные в ходе попыток обучения языку человекообразных обезьян. Экспериментальные исследования показали, что научить обезьян произносить словесные звуки практически невозможно: их нёбо и гортань к этому не приспособлены. Убедившись в этом, исследователи попытались научить шимпанзе языку жестов. Для этого использовался упрощенный вариант американского языка для глухонемых — амслен.

¹⁰ См.: *Вахтеров В. П.* Основы новой педагогики. Т. 1. М., 1913. С. 426; *Левоневский А.* Мой ребенок. СПб., 1914. С. 210; *Штерн В.* Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Вып. 2. Пг., 1915. С. 94-95; *Красногорский Н. И.* Указ. соч. С. 406, 474; *Лурия А. Р.* Указ. соч. С. 38; *Якушин Б. В.* Указ. соч. С. 96; *Stern C. W.* Die Kindersprache. Leipzig, 1907; *McCarty D.* Language Development in Children // *Manual of Child Psychology*. Ed. by L. Carmichael. New York, 1954; *Brown R.* Op. cit.

Первыми начали это супруги Роберт Аллен Гарднер и Беатриса Гарднер. Объектом экспериментов стала самка шимпанзе по кличке Уошо. За ними последовали другие экспериментаторы, часть которых стала использовать иные «языки-посредники», например «язык жетонов», вариант «компьютерного языка», именуемый йеркишем, и т. п. По этому вопросу тоже к настоящему времени существует огромная литература, содержащая как детальное описание экспериментов, так и попытки теоретического их осмысления. Я вынужден ограничиться самой краткой выжимкой.

На первых порах обезьяны использовали единичные жестовые знаки, которые обозначали предметы, свойства предметов (цвет, вкус, размер и т. п.), действия, совершаемые как самим животным, так и окружающими, эмоциональные состояния. Каждый знак имел несколько значений. Знаком «бэби» обезьяны обозначали и детей, и кукол, и щенков; знаком «собака» — собак всех пород, в том числе и на картинках, а также лай отсутствующего пса. Затем обезьяны для обозначения тех или иных новых для них предметов стали создавать комбинации из уже известных жестов. Так, например, Уошо стала называть арбуз «конфета-питье», встреченного впервые лебедя — «вода-птица». Обезьяны комбинировали жесты не только для обозначения новых предметов. Они создавали такие цепи знаков, которые были аналогиями предложений человеческого языка: «дай — сладкий», «подойди — открой», «Уошо — пить — скорее».

Больше всего споров шло по вопросу о грамматическом оформлении такого рода предложений. Ясным было, что порядок знаков в них в большинстве случаев отвечал принятому в английском языке: подлежащее — сказуемое — дополнение. Шимпанзе Люси в опытах Роджера Футса четко различала смысл «предложений» «Роджер щекотать Люси» и «Люси щекотать Роджер»; «кошка кусает собаку» и «собака кусает кошку». Какие-то моменты, напоминающие синтаксис, здесь присутствуют. Но настаивать на наличии у «говорящих» обезьян настоящей грамматики никто из исследователей не решается.

Однако все, кто занимался этими вопросами, единодушны в одном, а именно в том, что речевое развитие даже шимпанзе прекращается, когда они достигают уровня, сопоставимого с тем, что наблюдается у детей в возрасте 2-2,5 лет ¹¹. Если у детей в это время начинается подлинный языковой взрыв, то речевое развитие «говорящих» обезьян, напротив, заходит в тупик. Какие-то количественные изменения происходят, в частности увеличивается число используемых знаков, но не происходит никаких качественных сдвигов. Признавая все это, исследователи теряются в догадках. А между тем именно здесь таится ключ к пониманию процесса становления нервно-физиологических механизмов языка и мышления.

6. Становление нервно-физиологических механизмов мышления, воли и языка

Когда возникает подобослово, будь оно звуковым, как у верветок и детей, или же жестовым, как у шимпанзе, обучаемых амлену, с необходимостью образуется нервное кольцо, о котором уже рассказывалось выше (4.2). Раздражения, возникающие в случае звуковых сигналов при движении губ, языка, гортани, и кинестезические раздражения, появляющиеся при жестикуляции руками, направляются в афферентные клетки кинестезического анализатора коры больших полушарий головного мозга. Далее они перебрасываются к эфферентным клетками двигательного анализатора и от них по пирамидным путям достигают тех мускулов, движения которых породили первоначальные, исходные кинестезические раздражения. Движение по этому кольцу может в принципе идти бесконечно, в результате энграмма подобослова прочно закрепляется в коре головного мозга. В свою очередь, она оказывается прочно связанной с энграммой обобщенного представления (обобщенного репродуктива) предметов.

¹¹ См.: Якушин Б. В. Указ. соч. С. 89; Зорина З.А., Полетаева И. И. Указ. соч. С. 222.

Таким образом, первым этапом рассматриваемого процесса было возникновение значительного числа подобослов и, соответственно, их энграмм. На этой стадии не было ни понятий, ни слов, а тем самым ни языка, ни мышления. Характеризуя эту стадию в том ее виде, в каком она существует у ребенка, В. Штерн подчеркивал, что на первой фазе речи «эти начатки языка еще вполне дограмматичны и дологичны»¹² и что на ней «отсутствует настоящее мышление в речи»¹³.

Следующий шаг заключался в возникновении связей между подобословами, что предполагало появление нервных связей между их энграммами. Связи между ними складывались по-разному. Шло возникновение различного рода комбинаций нескольких подобослов: во-первых, сложных, составных подобослов и многословных их ассоциаций — предложений. И первое, и второе наглядно можно было видеть на примерах усвоения обезьянами языков-посредников, второе — на примерах формирования детской речи. Но был и еще один путь: возникновение наряду с подобословами большей степени общности («родовыми») подобослов меньшей степени общности («видовых»).

Возникали, таким образом, связки подобослов и, соответственно, их энграмм в коре головного мозга. С появлением связок подобослов и их энграмм был сделан первый шаг к образованию словопонятийной сети и ее материальной основы — пунктолинейной корковой сети. В результате началось становление понятий и тем самым превращение подобослов в предслова. Возникли предпонятия и предслова.

У «говорящих» обезьян дальше развитие не пошло. Сделав первый шаг к языку, они оказались неспособными сделать последующие шаги. Их речевое развитие зашло в тупик, существование которого, как уже указывалось, общепризнано.

¹² Штерн В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Вып. 1. Пг., 1915. С. 80.

¹³ Штерн В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Вып. 2. Пг., 1915. С. 83.

Иначе обстояло дело у детей. У них произошло соединение всех связок предслов и сохранявшихся изолированных подобослов в единую словопонятийную сеть. Соответственно возникла и нервно-физиологическая основа этой сети — пунктолинейная энграммная сеть. С образованием словопонятийной сети предпонятия превратились пусть в примитивные, но уже понятия, а предслова трансформировались пусть в примитивные, но уже слова. Возникли первоначальное, примитивное, еще незрелое мышление и первоначальный, примитивный, еще незрелый язык. В отношении детей на это обратил внимание В. Штерн. Как писал он, то, что возникло на новой фазе развития речи, можно «вне всяких сомнений определить как *мыслительную деятельность* ребенка в собственном смысле слова»¹⁴. Именно с появлением первоначальной словопонятийной сети и связан тот взрыв в их речевом развитии, о котором единодушно говорят все исследователи.

Если теперь от онтогенеза обратиться к филогенезу, то там на смену поздним предлюдям — хабилисам пришли еще только формирующиеся, но уже люди — архантропы. Если у хабилисов существовали лишь изолированные подобослова и связки предслов, то у архантропов начала формироваться словопонятийная сеть. Начался процесс формирования людей и созревания, вызревания мышления и языка.

Чтобы лучше разобраться в том, что произошло с появлением словопонятийной сети, а тем самым и пунктолинейной энграммной сети, для простоты возьмем эти сети в том их виде, в котором они существуют у современных людей.

Пунктолинейная корковая сеть состоит из множества словесных энграммных пунктов, связанных друг с другом нервными линиями. К этим пунктам подведены все афферентные пути, заканчивающиеся в коре больших полушарий головного мозга, и все эфферентные пути, начинающиеся в этом же отделе мозга. Как уже говорилось, И. П. Павлов, Н. И. Красногорский и А. А. Ухтомский давно уже открыли существование активного поля коры, корковой доминанты, которую для краткости я именую активиюмом.

¹⁴ Штерн В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Вып. 2. Пг., 1915. С. 93.

В 60-х гг. XX в. к сходным выводам на основе данных энцефалографии пришли и некоторые западные ученые, в частности американский невролог Бенджамин Либет. В 1988 г. американский психолог датского происхождения Бернард Баарс создал так называемую теорию глобального рабочего пространства сознания. Согласно этой концепции, сознание существует в виде некой ментальной «сцены» — рабочего пространства, — куда поступает информация из других частей головного мозга, которые функционируют на бессознательном уровне¹⁵.

В четвертой книге цикла (IV.2.3) уже говорилось о том, что Н. И. Красногорский писал о существовании не только активно действующего поля коры, но и центра максимальной возбудимости этого рабочего поля. Этот центр максимальной возбудимости был мною назван центрактивиумом. Как уже было показано (IV.2.3), центрактивиум перемещается по актививиуму, и соответственно с этим актививиум движется по коре головного мозга.

Когда возникла пунктолинейная корковая сеть, то одновременно появился сетевой актививиум, а тем самым и сетевой центрактивиум. Сетевой актививиум существенно отличался от обычного коркового актививиума, существующего у животных. При раздражении одного из словесных энграммных пунктов пунктолинейной корковой сети возбуждение по пирамидным, кортиконуклеарным путям идет к мышцам голосового аппарата (губы, язык, гортань и др.) и вызывает их действия (внутренняя речь). Возникающие кинестезические раздражения направляются в возбужденный словесный энграммный пункт и усиливают его возбуждение. А затем все снова и снова повторяется. С каждым витком по нервному кольцу возбуждение все больше и больше усиливалось. Происходил процесс, в целом ряде отношений сходный с тем, что имеет место в супергетеродинных радиоприемниках.

Если раздраженный словесный энграммный пункт первоначально находился вне актививиума, то теперь он не только входил в него, но оказывался в состоянии максимальной возбудимости, оказывался центром актививиума. Возбуждение из центрактивиума перебрасывается на соседние пункты и раздражает их.

¹⁵ См.: *Мэттьюз Р.* 25 великих идей. Научные открытия, изменившие наш мир. М.: СПб., 2007. С. 16-19.

Каждый из этих пунктов, разумеется, имеет свое нервное кольцо и тоже способен прийти в состояние максимального возбуждения. Перемещение центрактивиума из одного словесного энграммного пункта в другой влекло передвижение сетевого активнума в целом. В конечном счете центрактивиум достигает такого энграммного пункта, возбуждение от которого идет к эфферентным нервным волокнам, и в результате совершается тот или иной двигательный или другой акт.

У животного раздражение, вызванное действием внешнего агента, приходя в кору головного мозга, достигало эфферентных нервов, а тем самым и исполнительных органов, либо по ранее проторенному, либо по вновь возникшему нервному пути. У человека между нервными афферентными входами в кору и эфферентными выходами из нее вклинилась пунктолинейная энграммная сеть. Возбуждение из рецепторов приходило в один из словесных энграммных пунктов, отсюда двигалось, иногда через большое число других подобных пунктов, к какому-то одному из множества словесных энграммных пунктов, а от него к исполнительному аппарату. Механизм перемещения центрактивиума, а тем самым и активнума в целом, был уже выше рассмотрен. Но остался нерешенным, пожалуй, самый важный вопрос: чем определялось направление движения центрактивиума от одного словесного энграммного пункта к другому.

С превращением исходного словесного энграммного пункта в центр максимальной возбудимости раздражались все соседние пункты, и каждый из них мог в принципе стать центрактивным. Но стать таковым должен был только один из них. Что же определяло, какой из множества возможных центров максимальной возбудимости становился суперактивным?

Как уже указывалось выше, уже обычная корковая доминанта обладала большой степенью самостоятельности от влияния как подкорки, так и внешних раздражений. Еще более самостоятельной была сетевая доминанта, ибо основным источником питавшей ее энергии были непрерывно усиливавшиеся в результате витков движения по нервным кольцам кинестезические раздражения. В таких условиях любое раздражение, откуда бы оно ни происходило, могло иметь совершенно неопределенные следствия: в активнуме должен был воцариться полный хаос, а организм должен был утратить способность адекватно взаимодействовать с окружающим миром. Единственный выход из положения мог состоять только в приобретении субъектом способности управлять движением центрактивиума, а тем самым и активнума в целом, т. е. в возникновении воли.

Как уже выше отмечалось, когда нервные мозговые процессы начинают существовать для животного организма как вне его находящийся мир, он одновременно становится еще и субъектом. Но этот субъект, обладая субъективизмом, в основе которого лежит активное поле коры, не может воздействовать на него, не может управлять этим субъективизмом, не может управлять идеальными вещами, вещами для нас. Положение изменилось с появлением словопонятийной сети и ее материальной основы — пунктолинейной энграммной корковой сети. Над отражением отдельного, над чувствозримым миром для нас надстроилось чистое отражение общего, умозримый мир для нас, над старым субъективизмом надстроился новый субъективизм, имеющий своей материальной основой сетевой активизм, — ментосубъективизм. Этот субъективизм, существующий только у человека, и носит название сознания.

Ментосубъективизм, возникнув, подчинил себе, вобрал в себя сенсосубъективизм и тем самым и его превратил в сознание. В результате оба они, вместе взятые, образовали единство — суперсубъективизм, доминирующую роль в котором играл, разумеется, ментосубъективизм. Чувствозримый мир для нас выступает и как унитаризированный, т. е. понятый, мир фактов. В силу этого субъекту теперь становится ясно не только то, что происходит в чувствозримом мире сейчас, но и то, что в нем может произойти в последующие моменты. Это дает возможность управлять чувствозримым миром для нас, а тем самым и процессом движения центрактивизма и, соответственно, активизма.

Таким образом, с появлением словопонятийной сети, имеющей материальной физиологической основой пунктолинейную энграммную корковую сеть, возникает одновременно и объективная возможность, и настоятельная необходимость управлять деятельностью мозга. И эта возможность с неизбежностью превращается в действительность. Возникает мышление как объективный процесс, облеченный в форму волевой деятельности, и тем самым происходит коренное преобразование субъекта.

Если у высших животных субъект есть тот же самый организм, но взятый в его отношении к субъективному, то с появлением мышления и воли субъект становится особым объективным, но нематериальным явлением, хотя и неотделимым от организма, но в то же время качественно отличным от него — духом, душой. И этот дух, управляя активным полем коры головного мозга, тем самым управляет телом. Возникают одновременно два вида воли, о которых уже выше шла речь: один из них управляет двигательным аппаратом организма, другой, господствуя над подкорковыми центрами, обуздывает, ограничивает проявление животных инстинктов.

Но помимо всего этого человеческий дух может также через механизм центральной нервной системы воздействовать и на протекающие в организме физиологические процессы и тем самым и структуру тела. Это наиболее ярко проявляется в том, что принято называть внушением и самовнушением. Сила самовнушения может быть необычайно мощной. Об этом, в частности, свидетельствуют данные этнографии. Во всех первобытных обществах существует безусловная, непоколебимая вера во вредоносную магию. И когда человек узнает, что какой-то могущественный колдун путем определенных обрядов обрек его на смерть, он начинает слабеть, хиреть и в конце концов умирает. В последние десятилетия бывало, что такого заколдованного человека помещали в оборудованную по-европейски клинику, обследовали, применяли все врачебные приемы. Но ничего не помогало: человек с неизбежностью умирал¹⁶. Человек силой мысли может не только убить себя, но и исцелить от того или иного заболевания. В этом заключается разгадка так называемых чудесных исцелений.

¹⁶ См.: Мосс М. Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти (Австралия, Новая Зеландия) // Общество. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996; Майтинегер К. Охота за головами на Соломоновых островах. М., 1957. С. 265-266; Вольневич Я. У аборигенов Австралии. М., 1976. С. 76.

Теперь можно подвести итоги всему сказанному о механизме управления мозгом. Когда раздражение из словесного энграммного пункта, который является центром максимальной возбудимости, по нервным линиям распространяется на соседние пункты и приводит их к состоянию возбуждения, субъект выбирает один из них с тем, чтобы там заработало нервное кольцо и он стал суперактивным. Далее повторяется то же самое: снова избирается одна из нескольких альтернатив. Перемещается центрактивиум, и движется активиум.

Субъективно это понимается как перенос внимания с одного объекта на другой и сосредоточение его на последнем. Внимание существует и у животных. Но определяется оно совместным действием внешних и внутренних раздражителей, что было наглядно видно на примере ориентировочного рефлекса. У животных внимание с одного объекта на другой переносится под воздействием на кору, во-первых, подкормки, во-вторых, различного рода внешних и внутренних раздражений.

Сосредоточение внимания на том или ином объекте в результате воздействия его на органы чувств наблюдается и у человека. Его называют произвольным вниманием. Но у человека, в отличие от животных, кроме произвольного переноса и сосредоточения внимания существует и произвольное внимание. Когда человек хочет что-то вспомнить, он прилагает все усилия, чтобы в активиум вошли те участки коры мозга, в которых находятся соответствующие энграммы. В таких случаях обычно говорят, что человек роется, шарится в памяти. Аналогия: поиски в темной кладовой нужной вещи с помощью фонарика, который не может сразу осветить все помещение. Человек шарит узким лучом света по полкам и закоулкам. В одних случаях он находит нужную вещь, в других это не получается. В случае не с собственно мышлением, а с внешним поведением человек, управляя центрактивиумом и тем самым активиумом, перебрасывает возбуждение с одного словесного энграммного пункта на другой, пока наконец не достигает пункта, нервные импульсы от которого идут к двигательному аппарату.

Когда же нужно создать новые, еще не существующие предметы, человек конструирует мыслечувствования, трансформирует в своем сознании идеальный предмет труда в идеальный же продукт труда, а затем приводит в движение органы тела, вооруженные необходимыми орудиями, которые и превращают уже не мыслимый, а реальный предмет труда в реальный же продукт труда.

Именной указатель

Абеляр, Пьер (Петр) (1079–1142) *55*
Авенарнус, Рихард (1843–1896) *30*
Аристотель (384–322 до н. э.) *25, 27, 69, 127, 128, 130*

Базаров (Руднев), Владимир Александрович (1874–1939) *12, 13, 30*
Батай, Жорж (1897–1962) *99*
Белецкий, Зиновий Яковлевич (1901–1969) *18*
Бериташвили (Беритов), Иван Соломонович (1884/5–1974) *155*
Бернар, Клод (1813–1878) *91, 221*
Богданов (Малиновский), Александр Александрович (1873–1928) *26*
Бодрийяр, Жан (1929–2007) *99*
Бойль, Роберт (1627–1691) *60*
Борн, Макс (1882–1970) *64*
Бройль, Луи де (1892–1987) *53, 54, 64*
Бэкон, Роджер (ок. 1214 – после 1292) *26, 28*

Вацууро, Эразм Григорьевич (1907–1967) *157*
Витгенштейн, Людвиг (1884–1950) *27*
Войтонис, Николай Юрьевич (1887–1946) *195, 196*
Воронин, Леонид Григорьевич (1898–1983) *126*

Галилей, Галилео (1564–1642) *25, 35–38*
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) *45–47, 56, 61, 62, 68–70, 108, 122, 138, 139*
Гейзенберг (Хайзенберг), Вернер (1901–1976) *32*
Геккель, Эрнст (1834–1919) *43, 44*

Гессен, Борис Михайлович (1883–1936) *95*
Глазков, Николай Иванович (1919–1979) *28*
Гоббс, Томас (1588–1679) *93*
Гоулднер, Алвин Уолкер (1920–1980) *110, 111*
Гюйгенс, Христиан (1629–1695) *31*

Дарвин, Чарлз (1809–1882) *81*
Дарт, Реймонд (1893–1988) *207*
Декарт, Рене (1596–1650) *24, 25*
Демокрит (460–370 до н. э.) *69, 127, 128*
Джеймс, Уильям (1842–1910) *33*
Дирак, Поль Анриен Морис (1902–1984) *32, 64*
Дишген, Иосиф (1828–1888) *18, 47, 56, 63*
Дриш, Ганс (1867–1947) *130*
Дьюи, Джон (1859–1952) *27, 33, 34*
Дюбуа-Реймон, Эмиль Генрих (1818–1896) *43, 44*
Дюгем, Пьер (1861–1916) *29*

Живкович, Любомир (1900–1968) *86*

Ильенков, Эвальд Васильевич (1924–1979) *127–129*

Кант, Иммануил (1724–1804) *68, 69*
Кедров, Бонифатий Михайлович (1903–1985) *94*
Келер, Вольфганг (1887–1967) *154*
Киплинг, Джозеф Редьярд (1865–1936) *98*
Кольман, Эрношт (Эрнест) Яромирович (1892–1979) *94, 95*
Копнин, Павел Васильевич (1922–1971) *21*

Корнфорт, Морис (1909–1980) *86*
Красногорский, Николай Иванович
(1882–1961) *173, 179, 215, 216,*
220, 221

Крушинский, Леонид Викторович
(1911–1984) *149, 150*

Куайн, Уиллард ван Орман
(1908–2000) *27*

Кун, Томас (1922–1996) *39, 95*

Лакатос (Лакатош), Имре
(1922–1974) *39*

Лейбниц, Готфрид Вильгельм
(1646–1716) *69*

Ленин, Владимир Ильич (1870–1924) *13,*
17, 18, 26, 47, 51, 54, 56, 57, 60,
67–69, 85, 105, 112

Леруа, Эдуард (1879–1955) *28*

Лец, Станислав Ежи (1909–1966) *37*

Линдсей, Роберт Брюс (1900–1985) *40*

Лиходеев, Леонид Израилевич
(1921–1994) *64*

Лич, Эдмунд Рональд (1910–1989) *107*

Локк, Джон (1632–1704) *69*

Лурия, Александр Романович
(1902–1977) *152, 214, 216*

Лысенко, Трофим Денисович
(1898–1976) *92, 95*

Маркс, Карл (1818–1883) *12, 26, 45, 46,*
56, 77, 80, 102, 106, 108, 109, 131,
162, 164

Мах, Эрнст (1838–1916) *30*

Мельгунов, Сергей Петрович
(1880–1956) *100*

Менделеев, Дмитрий Иванович
(1834–1907) *44, 94*

Меринг, Франц (1846–1919) *80*

Миль, Джон Стюарт (1806–1873) *102*

Михайлов, Феликс Трофимович
(1930–2006) *127, 129*

Монтескье, Шарль (1689–1755) *55*

Морган, Льюис Генри (1818–1881)
106, 107

Муравьев, Юрий Алексеевич
(1938–2010) *10*

Нарский, Игорь Сергеевич (1920–1993)
16, 17

Нейрат, Отто (1882–1945) *33*

Новгородцев, Павел Иванович
(1866–1924) *113*

Ньютон, Исаак (1643–1727) *31, 95, 122*

Павлов, Иван Петрович (1849–1936)
91, 121–126, 147–158, 162, 165–167,
171–175, 177–180, 182, 184–188, 193,
196, 220

Павлов, Тодор (1890–1977) *14, 15, 81*

Паскаль, Блез (1623–1662) *62*

Пирс, Чарлз Сандерс (1839–1914) *33, 63*

Пифагор (570–490 до н.э.) *25*

Планк, Макс (1858–1947) *30, 31*

Платон (ок. 427–347 до н.э.) *69, 128*

Плеханов, Георгий Валентинович
(1856–1918) *26, 68*

Пономарев, Семен Михайлович
(1865–1889) *74*

Поппер, Карл Раймунд (1902–1994)
55, 63

Птолемей, Клавдий (ок. 87 – ок. 165) *30*

Пуанкаре, Анри (1854–1912) *29, 32*

Пушкин, Александр Сергеевич
(1799–1837) *25*

Радклифф-Браун, Альфред Реджинальд
(1881–1955) *107*

Реньо, Анри Виктор (1810–1878) *60*

Рогинский, Гирша Залманович
(1903–1957) *197*

Рорти, Ричард (1931–2007) *27, 29*

Рудяков, Генрих Моисеевич
(1923–1989) *116*

Светлов, Михаил Аркадьевич
(1903–1964) *114, 115*

Селларс, Уилфрид (1912–1995) *27*

Сепп, Евгений Константинович
(1878–1957) *194*

Сеченов, Иван Михайлович
(1829–1905) *157*

Симонов, Павел Васильевич
(1926–2003) *145*

Сократ (469–399 до н.э.) *55*

Спиркин, Александр Георгиевич
(1919–2004) *16, 17*

Струве, Петр Бернгардович
(1870–1944) *112*

Стюарт, Дагалд (1753–1828) *107*

Таванец, Петр Васильевич (1911–1994)
20, 21

Тагор, Рабиндранат (1861–1941) *65*
Туган-Барановский, Михаил Иванович
(1865–1919) *113*

Тулмин, Стивен Эделстон (1922–1997) *39*

Уайт, Лесли Олвин (1900–1975) *106*

Уорд, Джеймс (1843–1925) *104*

Ухтомский, Алексей Алексеевич
(1875–1942) *170, 171, 180–183, 220*
Уэвелл, Уильям (1794–1866) *52*

Фарадей, Майкл (1791–1867) *31*

Фейерабенд, Пол (Пауль) Карл
(1924–1994) *39*

Фейербах, Людвиг Андреас (1804–1872)
46, 47, 51, 77

Фирсов, Леонид Александрович
(1920–2006) *149–151*

Фихте, Иоганн Готтлиб (1762–1814) *69,*
91, 140

Фома Аквинский (1225/26–1274) *62*

Фреге, Фридрих Людвиг Готлоб
(1848–1925) *211*

Фриман, Эдуард (1823–1892) *66*

Хайдеггер, Мартин (1889–1976) *27, 96*

Цицерон, Марк Туллий (106–43 до н. э.)
28, 61, 62

Чернышевский, Николай Гаврилович
(1828–1889) *56, 102*

Шафф, Адам (1913–2006) *15, 16*

Шеллинг, Фридрих Вильгельм Йозеф
(1775–1854) *69*

Штерн, Вильям (1871–1938) *216,*
219, 220

Штернберг, Лев Яковлевич (1861–1927)
73, 74

Экклз, Джон Кэрю (1903–1997)
145, 146

Энгельс, Фридрих (1820–1895) *12, 13, 26,*
42, 44–47, 51, 60, 62, 63, 68, 77, 80,
102, 131, 162, 164

Юшкевич, Павел Соломонович
(1873–1945) *34*

Содержание

Часть 1. Проблема истины	7
Глава 1. Объективность истины	9
1. Вводное замечание	10
2. Истинное, истинность, истина. «Корреспондентская» теория истины	10
3. Проблема критерия истинности истинонесущих мыслетворений	19
4. Понятия и истина	20
Глава 2. Основные субъективистские концепции истины	23
1. Вводное замечание	24
2. Концепция очевидности	24
3. Авторитарная концепция истины	25
4. Концепция общезначимости	26
5. Конвенционализм	28
6. Концепции простоты и «экономии мышления»	29
7. «Концепция» красоты	31
8. Концепция когерентности (согласованности, непротиворечивости)	32
9. Прагматическая концепция истины (концепция полезности)	33
10. Заключение: несколько слов о нонверитизме, или контрверитизме	38
Глава 3. Диалектика истины	41
1. Проблема суверенности человеческого познания	42
2. Абсолютная и относительная истина	45
3. Конкретность истины	55
4. Граничность (ограниченность), или предельность, истины	59
5. Истинное и ложное	61
6. Истинное и ложное в развитии мировой философской мысли. Ложноистинные концепции	67
Глава 4. Мыслительные иллюзии. Наука и идеология	71
1. Иллюзии как вид заблуждения	72
2. Религиозные иллюзии как порождение зависимой практической деятельности	72
3. Социальное сознание как порождение и отражение объективного социального бытия	78
4. Идеология и ее компоненты: социальная программа и социальная мифология	81
5. Объективное в идеологических иллюзиях	83
6. Философия как наука и философия как идеология	86
Глава 5. Объективность, субъективизм, партийность и объективизм	89
1. Объективность и субъективизм	90
2. Объективность и партийность	93
3. Агитация, пропаганда, «пиар», средства массовой информации	97
4. Партийность в общественных науках	101
5. Объективность и объективизм	112

Часть II. Проблема материального нервно-физиологического механизма мышления и воли (поиски и гипотезы)	117
Глава 1. Проблема отношения мышления и мозговых материальных процессов.	119
1. Проблема отношения между мыслительными и мозговыми нервно-физиологическими процессами	120
2. Первое предлагаемое решение названной выше проблемы: мыслительные и мозговые нервно-физиологические процессы суть одно и то же	121
3. Второе предлагаемое решение рассматриваемой проблемы: мыслительные и нервно-мозговые процессы — не одно и то же	127
4. Ильенков versus Дубровский	127
5. Еще одна из попыток найти выход из положения	129
Глава 2. Мышление как единство объектного (дублидеального) процесса и субъективной человеческой деятельности и тем самым как идеальный (иконидеальный) процесс	133
Глава 3. Проблема нервно-физиологического механизма воли	143
1. Постановка проблемы нервно-физиологического механизма свободы воли в современной науке	144
2. Обобщение и абстрагирование у животных. Поведение человекообразных обезьян и условные рефлексы	156
3. Р. Пенроуз о воздействии сознания на материальные процессы	158
Глава 4. Эволюция нервной системы и высшей нервной деятельности (поведения) животных	161
1. Эволюция нервной системы животных*	162
2. Полукорковые и цельнокорковые условные рефлексы	165
3. Эволюция высшей нервной деятельности животных	177
4. Высшая нервная деятельность человекообразных обезьян — последний, заключительный этап эволюции высшей нервной деятельности животных	194
Глава 5. Возникновение языка, мышления, воли и их нервно-физиологических механизмов	199
1. От антропоидов к хабилисам *	200
2. Звуковая сигнализация у обезьян: шимпанзе и верветки	209
3. Объединения у шимпанзе и предлюдей *	212
4. Становление речи у детей	213
5. Эксперименты с обучением человекообразных обезьян языкам-посредникам	216
6. Становление нервно-физиологических механизмов мышления, воли и языка	218
Именной указатель	227
Содержание	230